ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК
ДЕВЯТЫЙ
АРТЕМ КАМЕНИСТЫЙ
АДМИРАЛ ЮЖНЫХ МОРЕЙ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Древние говорили, что существуют три морские профессии: торговля, рыболовство и пиратство. В мире, куда неудачно забросили добровольца номер девять, считают так же. Отправиться на другой конец моря к Железному Мысу? К той самой грандиозной кузнице, где войска богопротивных южан получают лучшее в мире оружие и амуницию? Ведь если это не сердце империи демов, то как минимум печень, а такие органы полагается тщательно оберегать, разве что по великим праздникам делая исключения ради обильных возлияний. В те воды вот уже сто лет как никто не рискует соваться. Атаковать темную твердыню двумя кораблями, имея лишь одного опытного капитана, который к тому же прославился лишь тем, что разбил свое судно о проклятый берег Межгорья? И еще он одержим суицидальными желаниями: мечтает героически погибнуть, как принято у мужчин его рода. Неужто найдутся сумасшедшие, которых удастся зачислить в команду к такому психу?

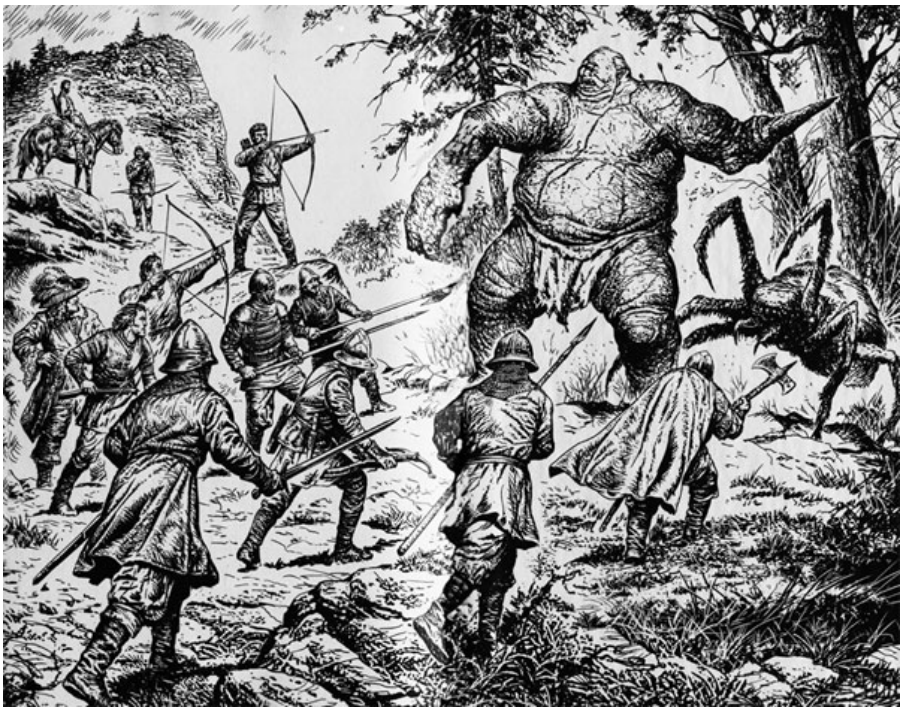
Еще как найдутся, если это сулит долю в добыче. Они и к черту в команду пойдут, не то что к капитану-неудачнику. А ты, сэр страж, думай, как оттуда унести эту самую добычу… и свою голову заодно.

- Артем Каменистый
  -
  - ПРОЛОГ, или ОТСТУПЛЕНИЕ ПЕРВОЕ
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7 ПОСТЕЛЬНЫЙ РЕЖИМ
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16
  - Глава 17

- ОТСТУПЛЕНИЕ ВТОРОЕ
- Глава 18
- ОТСТУПЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ
- Глава 19 СВИНСКИЕ ДЕЛА
- Глава 20

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9

Артем Каменистый
АДМИРАЛ ЮЖНЫХ МОРЕЙ



ПРОЛОГ, или ОТСТУПЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

— …Маленькая лодка на темной воде ночного озера — чудо, что ее заметили. От гребца поначалу ни слова нельзя было добиться. Он был ранен, испуган до заикания и вообще мало что видел. В недобрый час, когда все произошло, ему выпало нести вахту на ведомой галере. Она стояла на якорях посреди реки, а ведущая находилась чуть выше, ее пришвартовали к опоре древнего моста. Рабы, как всегда, оставались на своей палубе, охрана за ними присматривала. Основные силы в тот момент находились на берегу. Точнее, часть их — Трис забрал многих и ушел на запад. Скорее всего, брать замок. Рядовым об этом ничего не сообщили, но нетрудно догадаться, почему на ночь глядя уходит столь серьезный отряд, к тому же налегке. Нет, зря вы назвали поступок Триса несусветной глупостью. Ума в нем тоже немного — с этим полностью согласен. Но к чему вожаку дикой оты лишний ум? Простой человек, выбирающий простые решения. Ведь он достоверно знал, что страж не стал закрываться за стенами Мальрока. Об этом свидетельствовало дневное нападение, лишь чудом не приведшее к полному разгрому или большим потерям. Отряды ловцов тоже не возвращались, а там слишком опытные воины, чтобы полечь всем до единого от рук обычных крестьян. Нет — где-то в лесу на них охотились настоящие бойцы. Нетрудно понять, что Мальрок слабо охраняется, потому как сил у стража слишком мало, чтобы и в лесу успевать, и в замке, а значит, ничего удивительного в решении Триса нет. Рискованно, конечно, но в сложившейся ситуации оправданно. Ведь корабли пришлось бы тащить туда долго, до ясных дней. Это значит, что от местных ночных искателей помощи почти не будет, а ведь без них останется надежда лишь на осадные орудия. Так зачем же ломать стены, которые в будущем станут твоими? Он поступил правильно, стараясь выполнить приказ до последнего. Не знаю, как он принял смерть, но уверен — умер, как подобает хорошему воину. Для таких, как он, плен немыслим — сами знаете, что бы его ожидало, попади он в руки бакайцев, которые служат стражу. Эти тупые ублюдки немногим хуже матийцев умеют делать смерть невыносимо мерзкой.

— Думаете, его отряд был полностью уничтожен?

— Это несомненно. Ударь он по замку удачно — войска стража не ушли бы на восток, захватывая по пути наши корабли.

Не знаю, что случилось с Трисом, но спасшийся боец все время говорил о коварном колдовстве. По его словам, среди ночи грянул чудовищный гром с яркой вспышкой, не похожей на молнию, после чего корчма на берегу развалилась с огнем и смрадным дымом. Ее обломки летели столь быстро, что даже на палубе кого-то покалечили или даже убили. Учитывая то, что в этой постройке согревалась большая часть вожаков да и простых вояк набилось немало, уцелевшие не смогли быстро организовать отпор. Сразу после грохота из леса налетел страж со всем войском. Они проделали это так быстро, что нечего было и думать помочь оставшимся на берегу. Десятник приказал рубить якорные канаты, но спасти галеру не удалось — в суматохе гребцы коварно развернули судно поперек русла и корма засела на мели. Воин, который нам это рассказал, при этом выпал за борт и, когда понял, что дело идет к разгрому, добрался до лодки на берегу и ушел на ней вниз по течению. Рассказывал, что по пути едва в засаду не угодил: даже на воде поджидали беглецов. Замерз так, что дар речи потерял. Пришлось его долго растирать горячительной микстурой и поить отваром.

— Может, он никуда не падал, а попросту сбежал? Струсил?

— Не исключено. Правды уже не узнать, но он действительно был мокр до нитки, сильно замерз, простудился до легочной хвори и умер от нее спустя несколько дней. Не повезло ему: лекарей или хотя бы сильных лекарств на струге не оказалось. Но даже если сумел уйти благодаря трусости — это к лучшему. Ведь мы смогли узнать хоть что-то. Кстати, по поводу трусости. Ведь можно считать, что и мы ничем не лучше его. Не стали ввязываться в драку, когда страж атаковал корабли на озере. Там ведь почти не оставалось охраны — легкая добыча. На трех стругах вообще ни души. Лишь у нас большая команда, но бой принимать не стали.

— Это правильно — мы вас туда отправили не мечом махать.

— Да. Это так. Я должен был думать о грузе и наших людях в первую очередь, вот и приказал рубить якоря. Наш кормчий сумел в полной темноте вывести струг к реке, а это было нелегко. Он заслужил награды.

— Он ее получит.

— Возле устья мы нашли лагерь Адана и сообщили о нападении. Но этот тупой головорез, вместо того чтобы трезво подумать и для начала разведать обстановку, не отойдя от попойки, немедленно направился к озеру, чтобы отбить захваченные галеры. Мои слова о наличии у стража больших сил он проигнорировал. Скорее даже высмеял. Живым я его больше не видел.

— А мертвым?

— Когда мы вышли в море, налетел сильный ветер. Мы пытались с ним бороться, но он отнес нас назад на берег. Чудом не разбились о камни, выбросившись на пляж. Там подлатали корабль, дождались изменения погоды и отправились на юг. Перед этим сунулись было к устью проверить обстановку в лагере, но увидели, что весь берег засыпан изрубленными телами наших воинов, а на скале написано странное: «Добро пожаловать». Честно говоря, после прочтения гостеприимных слов желание продолжать исследовать у нас мгновенно пропало. Голову Адана я прекрасно разглядел: она украшала самый высокий кол. Его легко узнать по усам, заплетенным в мелкие косички, — вторых таких ни у кого не было. Не знаю, что случилось с отрядом Триса, но мои люди клялись, что разглядели там некоторых из них. Думаю, все они погибли. Странно… Мы ведь шли за легкой победой, не задумываясь о возможном поражении. Когда нас туда направляли — говорили, что у стража не более двух сотен плохо вооруженных людей, а в итоге получился полный разгром.

— Вообще-то шла речь, что он сможет вывести и больше.

— Да, но не солдат, а сброд, который ни на что, кроме корявой виселицы, не годится. Но Трис разбит, Адан тоже, и Бак наверняка разделил их судьбу. Не знаю, колдовство стражей там поработало или что другое, но подозреваю самое скверное. Вы говорили, что у вас надежные сведения из Ортара. Могу я предположить, что их источник укрывается в обители карающих? Судя по всему, могу… Вам не кажется, что хитрые вороны нас попросту обманули? Подстроили ловушку?

— Зачем им это? Доподлинно известно, что они уже не один раз пытались уничтожить стража. Чего удивительного, если решили попробовать еще, чужими руками? Тем более что не первый раз прибегают к посторонним. То, что даже нас не чураются, уже о многом говорит. Мы фактически должны были на их благо сработать, заодно выполняя свою задачу.

— Не знаю, но я им не могу доверять.

— Им никто и не доверяет. Не исключено, что карающие ведут какую-то свою игру, непонятную. Надо озадачить наших людей в Ортаре: пусть присмотрятся к черным получше. Кстати: груз в порядке?

— В полном порядке. Но что толку? Даже если мы немедленно пошлем туда тысячу лучших воинов, к сроку уже не успеть. На Языческом холме слишком много работы, а нам был назначен конкретный день и час. Нет, мы уже опоздали. ОНИ будут недовольны, и неизвестно, повторят ли приказ, перенеся

сроки выполнения. Да и на когда переносить? Небесные светила нечасто выстраивают такую комбинацию.

— Вы правы. Силы у нас есть, а вот время… Но не хотелось бы оставлять новоявленного стража ненаказанным. В свое время Буонис, перебравшись в Межгорье, немало дел успел натворить. Острейшей костью в горле застрял. А ведь еще тогда мы хотели прибрать край к рукам. Идеальная база на северном берегу. В итоге ничего не получилось. Так что появление стража — это заноза. С ними никогда ничего не понятно. Некоторые вообще всерьез считают, что они все до единого самозванцы. В летописях сохранились протоколы допроса схваченных стражей, где они хранили свою тайну до конца, что странно: ведь наши мастера умеют развязывать языки даже мертвым. К тому же их иммунитет к символам подчинения удивляет — редчайшее явление, и я не верю, что стражи обладают им случайно. Пусть они почти всегда действуют в одиночку, но у них обязательно должен быть руководящий центр. Где-то их набирают, таких странных, учат, направляют, присматривают. Почему выбрано разоренное Межгорье? Не знаю… Не дать нам закрепиться под боком северян? Может, и так… Совпадение, что он помешал нашим планам? Не верю в такие совпадения. Слишком вовремя он там появился и малыми силами в короткий срок успел закрепиться. Давайте для начала попробуем выяснить, что там и как. Силой уже пробовали сунуться — великое счастье, что хоть вы сумели уцелеть. У нас не так много свободных воинов, чтобы посылать туда большое войско без крайней надобности. Военная кампания дело долгое и хлопотное, к тому же не всегда возможное. После разгрома Триса вожаки других от или вовсе откажутся туда идти, или запросят гораздо больше: ведь в самом Межгорье вряд ли их ждет богатая добыча. Зная Кенгуда и его жадную семейку, сомневаюсь, что после его голодных солдат там хотя бы гвоздь ржавый остался. Страж тоже много накопить никак бы не успел — ведь и года там не пробыл. Надо искать другие способы. Кто знает — может, найдется лазейка для кинжала в бок спящему или другие недорогие варианты. Вот над этим стоит подумать…

— Да. Поддерживаю. Раз уж никто не торопит, осмотрительность и неспешность в таком деле пойдет на пользу. У нас не так уж много возможностей в тех краях, но кое-что есть. Если вы не возражаете, я немедленно отдам распоряжения для людей в Ортаре. Заодно и продышусь. Вы уж простите, но после морского воздуха в этом подземелье невозможно находиться. Чем вообще заправляют эти светильники? Очищенным земляным маслом? Новейшее изобретение? То самое, которое добавляют в зажигательные смеси? Смердит просто ужасно. Неудивительно,

что о нас в народе столько глупых небылиц насочиняли, потому что и впрямь воняет адской серой.

Глава 1
ИГРЫ ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ МАЛЬЧИКОВ

Местный лес — это, как правило, внешне безграничное скопище высоченных деревьев, растущих так густо, что солнечные лучи лишь в редких местах достигают земли. Звучит не слишком поэтично, зато коротко описывает суть термина. Однако в данном месте деревьев вообще не было, что неудивительно — ведь я стоял посреди поляны. Со всех сторон зеленые стены, под ногами цветущий ковер разнотравья. Бабочки порхают, пчелы и темно-зеленые жуки жужжат, над головой ласточки проносятся, воздух гудит от разнообразных птичьих трелей. Красота. Поздняя весна или раннее лето? Не знаю. У аборигенов вообще нет такого понятия, как «время года». Есть год, грубо разделенный на неравномерные отрезки времени, причем разделение это зависит от местности. Ничего странного, ведь их назначают по срокам сева яровых, жатвы озимых, схода льда с судоходных рек или рыбных озер и прочим событиям, если и относящимся к астрономическим, то косвенно.

Если вспомнить, когда я в последний раз видел снег или лед, получается, на дворе давно уже лето. Но, учитывая мягкость и кратковременность зим в Межгорье, — не факт. Почему-то гораздо приятнее думать, что сейчас конец весны. Вон и жуки чуть ли не майские. Если так, то до холодов еще не меньше полугода, а это ведь прекрасно — можно много чего успеть.

Лес… Кроны густые — в таких легко спрятаться от чужих глаз. Вдоль края поляны тянется едва заметная тропинка, дальше опять ныряя под деревья. Если тебе понадобится на ней кого-то подстеречь с целью вдумчивой беседы на тему «жизнь или кошелек», то хороший вариант — засесть среди ветвей. Особенно если умеешь управляться с арбалетом или коротким ругийским луком.

При желании на ветвях этих дубов можно стрелковую роту пристроить. Но люди, имеющие обыкновение пользоваться здешними лесными тропками, как правило, не верят в торжество царства добра или даже вовсе по натуре параноики. В первую очередь они ждут пакостей как раз от таких вот удобных вариантов для засады. Что там, возле ствола? Бугор… Какой-то он на диво подозрительный, услужливое воображение трясется в боязливом ознобе, узрев в рисунке коры злобный взгляд потомственного каторжанина и отблеск на лезвии длинного ножа. А что в той, особо пышной кроне? Ах нет, не в ней. Чуть дальше

стоит сохнущий великан, украшенный парочкой вороньих гнезд, — это они меня смутили, проглядывая через зелень. Кстати, сохнет этот дуб как-то странно: один сук почему-то зеленеет, будто младенец, у которого все еще впереди.

А уж стволы какие толстые у той парочки, за ними можно всадникам спрятаться, не спешиваясь. Место, похоже, активно посещается людьми: видна куча палых веток — кто-то заготавливал хворост. А вон кусок трухлявого ствола валяется — у сборщика не хватило силы дотащить до дома.

А может, он не только хворост, а и кошельки заготавливает? Причем чужие. В этом милом мире честно жить нравится далеко не всем. Епископа с его проповедями на тему святости труда и неизбежности торжества прогресса не каждый согласен слушать. Взять тех же бакайцев: хоть двери у них без замков, но ведь все до единого бывшие пираты. Причем бывшие не в силу изменения жизненных взглядов, а по очень простой причине: для продолжения традиционного промысла у них нет средств производства. А именно — кораблей. Так что ни о каком исправлении порочной натуры не может быть и речи.

Хотя после зимних событий насчет кораблей появились варианты…

За спиной неторопливо притоптывают несколько неудачников. Для провинившегося человека нет зрелища приятнее, чем созерцать процесс появления новой порции коллег по несчастью. Ну что ж, не станем их разочаровывать.

Попугай, восседавший на плече, в силу врожденной злобности не смог удержаться — попытался клюнуть неосторожно приблизившегося жука, из-за чего потерял равновесие и вынужден был его сохранить при помощи размахивания крыльями. Заработав жесткими перьями по уху, я в отместку щелкнул его по лбу, в ответ получив угрожающее сообщение:

— Не вздумай теперь ночью спать — непременно зарежу.

— Я тебя поил-кормил — и вот она, благодарность? Эх… — посетовал я. Затем громко, на всю поляну, начал назначать очередных провинившихся: — Мы как договаривались? Вы все дружно маскируетесь по краям поляны, изображая из себя засаду. При этом никто не должен догадаться о вашем присутствии. Как этого можно добиться? Одним-единственным способом — замаскироваться так тщательно, чтобы вас в двух шагах не смогли заметить. Ничто не должно насторожить врага — этому месту положено ничем не отличаться от других. Взгляд ни за что не должен цепляться. И вот я стою посреди поляны и куда ни кину взгляд — он не то что цепляется: он якорем притормаживает. Вот что вы на это скажете?

Ответом была тишина — мои лесные орлы не поддавались на провокацию, наивно надеясь, что я никого из них не заметил и теперь пытаюсь раскрыть их укрытия при помощи примитивной хитрости. Ну что ж, придется конкретизировать.

— Да вы посмотрите на вытоптанную траву. Здесь что, коров пасли? А почему нет навоза? Неужели трудно хотя бы о такой мелочи позаботиться!.. Я понимаю, что зверь не обратит внимания на вытоптанные лопухи, но ведь вы от человека прячетесь, а он все подмечает. Ну что молчите? Думаете, я вас обмануть пытаюсь? Зря думаете… Мне вот много чего в жизни доводилось видеть, но таких огромных вороньих гнезд ни разу. Может, там не вороны, а горные орлы поселились, причем целой стаей? А ну! Покажитесь нам, пташки! Эх… а ведь никакими орлами даже не пахнет… Это всего лишь Лакис и Шег. Неразлучная парочка, наивно считающая, что вдвоем они незаметнее одиночки. Можете спуститься и почистить перышки. Кто там ржет за спиной? Макрис? Тот самый, пытавшийся из своей головы сделать холмик над кротовой норой? Зря я лошадью по тебе не проехался — ты ведь своим убожеством смертельно оскорбил всех землеройных созданий этого чудесного леса. Эй! Ты! Там! На дереве! За стволом! Не притворяйся набухающей почкой — они давно уже распустились! Дайте угадаю — это наверняка Керт, младший братик нашего кротоподобного Макриса. У них между собой такая искренняя любовь, что каждый в диком восторге от бестолковости другого. Вот и этот не удержался от смеха, сидя в засаде, — даже затрясся от нахлынувшей радости, слушая, как унижают его родственника. Совершенно зря — за свою семью надо не просто держаться, а поддерживать абсолютно во всем. Кстати, вот уже полтора года в Межгорье почти нет населения. А в этих местах ближайшая деревня и в лучшие годы была далековато. Но вот что странно: хоть лес к ней подступает вплотную — кто-то не ленится ходить в такую даль, собирая упавшие ветви. Это я для вас говорю, для кучи хвороста. Выбирайтесь, родимые, — слишком уж глупо спрятались. Тот, который корой замаскировался, тоже поднимайся. Сам собой кусок ствола так далеко от деревьев не окажется, к тому же, если приглядеться, можно заметить под ним примятую траву. Согласитесь, это подозрительно.

Через пару минут рядом со мной стояло уже не пятеро неудачников, а девятеро. Десятый оказался везунчиком — его не нашли. Старый знакомец Люк. Способный паренек, далеко пойдет, хоть и позицию выбрал не слишком удачную для обстрела. Что ж, пора двигаться дальше. Впереди пара полян, подходящих для засады, и на них осталось еще семеро

необнаруженных бойцов.

Я называл их разведотрядом — сорок мужчин, отобранных один к одному: прирожденные лесовики, охотники, многие имеют опыт наблюдения за противником, полученный не только во время зимних событий, но и до них.

Вооруженные силы Межгорья, находящиеся на боевом дежурстве, составляли сто семьдесят воинов. Кто-то избыточно умный спросит: а не слишком ли жирно почти четверть боевого состава отводить для разведчиков? Я ему отвечу: нет. Такова местная специфика. В случае необходимости за двадцать четыре часа я могу собрать больше тысячи ополченцев. Это будут не те кое-как обеспеченные оружием и амуницией, сбитые по принципу «ты и ты идите сюда, а вот ты ими командуй», ничего не понимающие и в бою думающие лишь об одном: как бы половчее и подальше ноги унести. Нет, все не совсем так.

Не скажу, что я в диком восторге от уровня оснащенности армии всем необходимым, но с палками в бой больше никого не пошлют. Даже у самого последнего ополченца, которого никто и не подумает за пределы замка выводить, имеется стеганая куртка. Та самая фуфайка, но с некоторыми отличиями: их не пожалели обшить кусками кожи и жести, конским волосом, костяными пластинами, бляхами, выточенными из копыт. Не сказать, что получилась парадная амуниция легата римского легиона, но защищенность выросла существенно. И что самое приятное — в это вложен минимум квалифицированного труда и ценных ресурсов.

Копий тоже хватает, даже избыток, мечей не слишком много, зато топоров полно, хотя в основном универсальных — и для мира, и для войны. Лишь у лучших воинов настоящие боевые секиры. Доспехи у них тоже не «фуфайные»: большей частью трофейные — от демов. Своих мы не делаем, лишь старые ремонтируем. Слишком уж трудоемкая работа — кузнецы и так работают от зари до зари, не поспевая за широтой моих замыслов.

Все боеспособное население разделено на четыре части. Первая: дружина. Не та, прежняя, бакайская, из воинов сэра Флориса. В новую кроме них включены латники, выделенные герцогом, ребята Ритола (все равно их работать не заставишь) и лучшие из лучших воины, на которых держится непрерывное поддержание обороноспособности Межгорья. Восемь десятков стоят двумя гарнизонами — в строящихся фортах на выходе горловины и вблизи устья реки, водного пути в долину. Остальные привязаны к Мальроку или шастают по округе, выполняя мои приказы. Потеть им приходится всерьез: в спокойные минутки даже баронского сынка муштруют ветераны

беспощадно, а заодно и представителей следующей части — резерва первой очереди. Это преимущественно нестарые мужчины, имеющие боевой опыт, хорошую амуницию и оружие.

На частых военных сборах они осваивают маневрирование на поле боя, выполнение приказов, отдаваемых с помощью флагов и звуковых сигналов, устраивают длительные марши с форсированием рек и болот, проводят учебное десантирование с бортов трофейных стругов и галер, тренировочные бои группой и индивидуально. Когда дойдет до дела, они по идее уже не будут стоять с выпученными глазами, лихорадочно размышляя, как поступить: то ли сразу в штаны навалить, то ли сделать это во время бегства от врага. Они знают всех в своем десятке и сотне, привыкли к одним и тем же командирам, представляют, чего можно ожидать от товарищей, понимают друг друга без лишних объяснений. Это спаянные подразделения, в которые за несколько минут превращается кучка землепашцев, ремесленников, рыбаков. Таких у меня четыреста сорок бойцов: три сотни копейщиков, сто арбалетчиков и сорок лучников. Не скажу, что все с ними так идеально, как расписываю, но со временем будет именно так.

С резервом второй очереди уже гораздо хуже. Это зеленые юнцы, крепкие подростки, более-менее бодренькие старички. Те самые «фуфайки». Мечей там не встретить, но топоров и копий хватает, как и щитов. С ними тоже проводят занятия, муштруют потихоньку, но без огонька — и так понятно, что полноценными войсками их никогда не назовут. Если припечет, то для гарнизонной службы сгодятся, обозы могут охранять, мосты и броды. А большего от них и не требуется.

Все остальные подданные, от новорожденных младенцев до поросших мхом старух, относятся к резерву третьей очереди. Это не означает, что их нещадно муштруют и заставляют носить доспехи, — просто каждый должен знать, где и что в случае необходимости он должен делать. Или она. Подносить снаряды к баллисте, воду к котлам, стрелы лучникам, тушить пожары. Перевязывать раненых и относить их в замковый лазарет, кормить защитников, подменять дозорных на малоопасных участках стены в случае осады. Всем вбивалось в подкорку мозга: именно на этом посту твое место. Ты к нему прикреплен. Что бы ни произошло, не вздумай покидать его. Иначе будет как зимой: твари проникнут во внутренний двор и прольется кровь. Возможно, кровь твоих детей, родителей, братьев и сестер. Никогда не забывай, где твое место.

Если опять пожалуют полтысячи демов — я готов. Пусть войско мое все еще очень далеко от намеченного идеала, но часть

пути уже пройдена. У меня теперь есть пусть маленькая, но настоящая армия. Раньше была просто с трудом управляемая толпа.

Но вернемся к разведке. Вот зачем мне держать четыре десятка лазутчиков в столь невеликой дружине? А как прикажете иначе? У меня владения чуть ли не с Бельгию размером. Враги могут город построить, и не один, а я про это даже догадываться не буду. Как контролировать такую площадь с моими возможностями? Да единственным способом — регулярным патрулированием. С учетом малочисленности состава, чтобы охватить всю территорию, требуется множество мелких групп. Кого попало в них не направишь — народ в них должен даже малым числом уметь давать отпор нечисти и демам, если тех немного, или без потерь уходить от превосходящего по силам неприятеля, беспокоя его неожиданными ударами.

Также следует учитывать, что слишком часто появляться в одном и том же месте патрули не смогут. Даже при условии, если контролировать только пограничные, самые опасные участки. Значит, каждый должен уметь читать следы, в том числе и старые, а это умение не всякому дано, да и за пару месяцев им разве что гении смогут овладеть. Я вот, как ни стараюсь, до сих пор уступаю даже средним охотникам.

Поэтому и приходится держать столько лазутчиков. Четыре десятка — это восемь патрульных пятерок. Каждая за день может пройти двадцать — тридцать километров. Не так уж много, но это с учетом почти полного бездорожья, безлошадности, труднопроходимой местности и внимательного изучения следов. То есть реально за сутки можно получить около двухсот километров общего маршрута. Контролировать приходится линию побережья, район горловины и несколько проходов между озерами с юга. По моим прикидкам, это около ста пятидесяти километров охраняемой линии. Около половины более-менее надежно прикрыты поселениями подданных, которые сами приглядывают за округой, и гарнизонами. На остальных надо постоянно держать двадцать подготовленных бойцов, время от времени их сменяя.

Так что при здешних масштабах сорок лазутчиков — это практически ничто. Мы вообще никак не контролируем леса в южной части долины, отгородившись от них маршрутами редких патрулей, и не следим за горами на севере. И там и там местность слишком непростая, и трех сотен будет недостаточно даже для символического присмотра.

Я будто пытаюсь детской ладошкой сжать со всех сторон огромный глобус, изо всех сил растопыривая пальцы, но не в

силах даже изображение Австралии прикрыть…

А сейчас вот совмещаю полезное с очень полезным. Забрав весь резерв, устроил серьезное патрулирование прибрежной зоны, совмещенное с тренировками личного состава. Моим людям надо совершенствоваться. Их так мало, что от каждого требуется будто от целого десятка и далеко не все могут потянуть подобное. Вот и приходится учить тому, чего сам толком не умею.

В моей голове пестрая мешанина из когда-то увиденного и услышанного. И в основном эта информация бесполезна…

К примеру, считается, что все охотники — прирожденные разведчики и диверсанты. Эдакие лесные ниндзя, для которых что зверушки хищные или травоядные, что человек — разницы ни малейшей. Тихо подберутся, тихо сделают темное дело, тихо уползут вытирать окровавленные ножи. И никто их при этом не заметит, ибо это не люди, а призраки во плоти.

Я, грешным делом, тоже был подвержен общему поверью и во время зимней войны не придумал ничего лучшего, как оптом назначить всех местных охотников на вакансии разведчиков. И в первый же день половину этих «бесшумных невидимок» легко скрутили громыхающие железом и воняющие на весь лес демы.

Дичь скрала охотников…

Меня еще тогда это насторожило, но, лишь начав дотошно проверять, каковы мои разведчики в деле, я понял, что реальность не имеет ничего общего с общепринятыми представлениями. То есть «призраки» среди охотников имеются, и шанс их встретить в такой среде на много порядков выше, чем среди работников офисов. Но до ста процентов этот шанс очень серьезно недотягивает.

Давно, в другой жизни и на другой планете, довелось мне однажды попасть на мясные посиделки в лесу. Не в том смысле, что в плен к людоедам: просто компания молодежи выехала на лоно природы с пивом, вином и, само собой, замаринованным мясом для шашлыка. В разгар веселья случалась беда — живот прихватило. Да так серьезно, что каждые полчаса приходилось в кусты бегать. Место оживленное, а процесс подразумевает уединенность, так что отбегать приходилось далеко.

И вот в одну из таких вылазок сижу я, значит, в зарослях и размышляю над суетностью бытия. При этом не шевелюсь. И вдруг слышу подозрительный шорох — что-то ко мне приближается. Для человека тихо, для мышки лесной чересчур громко. Решил, что собачка бегает чья-то, — в эти места многие любят приезжать ради краткосрочного отдыха на природе. И представьте мое удивление, когда в поле зрения показывается красавец-фазан — здоровенный, с великолепным хвостом и таким

гордым видом, что с первого взгляда понятно, кто здесь император Вселенной.

На меня этот петух вообще ноль внимания. Шествует, даже не покосившись. Я с лесом знаком был плохо и решил, что птица ручная. Когда до нее осталось не более пяти шагов, протянул руку, делая вид, что зажал в ладони угощение, и подозвал: «Цып-цып-цып!»

Вы когда-нибудь видели, как бегает страус? Так вот — фазан ему почти не уступает в этом вопросе. Рванул оттуда будто Казанова от алиментов. Только тогда до меня дошло, что он просто не воспринимал меня как угрозу. Не реагировал на неподвижный безопасный объект. Что человек, что пень — если не шевелятся, ему без разницы.

Теперь я знаю больше. Многие животные и птицы ведут себя точно так же. Даже заяц, по праву считающийся эталонным трусишкой, может прошествовать в паре шагов от тебя. Главное не шевелиться, и желательно держать тело и одежду в чистоте. Не все звери таковы, но на каждого найдется свой способ. Одни больше ориентируются на обоняние, и достаточно вымазаться соком хвои, чтобы они подпустили тебя на бросок охотничьего дротика. Другие совершенно не смотрят вверх, и, устроив настил на дереве возле водопоя или солонца, можно не сомневаться в результативности охоты.

С человеком звериные методы не работают. Можешь с головой искупаться в хвойной смоле и засесть на макушке самой высокой березы — все равно заметит. Потому что лес зимний, листьев нет, а глаза разумных созданий любят поворачиваться во все стороны, в том числе и вверх. Замереть неподвижно — тоже не лучший вариант. Вы можете себе представить, что кто-то может пройти мимо стоящего на открытом месте субъекта в нескольких шагах и не обратит на него внимания? Я вижу лишь два варианта удачного исхода такого замысла: шагающий должен быть слеп или патологически невнимателен.

Слепых среди демов не было, невнимательность там тоже не приветствовалась. В итоге моих доморощенных разведчиков снимали с голых по-зимнему деревьев, окружали на вершинах холмов, где те сидели, будто окаменевшие суслики, свято веря, что дичь их не видит. А уж скольких взяли по следам, оставленным на снегу… Ведь их заметно издали, и очень подозрительно выглядит, когда цепочка обрывается странным бугорком или дубом, из-за ствола которого осторожно выглядывает чей-то любопытный нос. Врагам небось смешно было, а вот мне не очень.

Не все охотники вели себя так глупо, но, к сожалению, очень

многие.

Сюда бы настоящего инструктора, знающего, как и чему надо учить разведчиков. У меня, увы, это получается плохо — охотникам трудно отказаться от своих многолетних, или скорее даже многовековых, привычек, от дедов к отцам передаваемых.

Но я стараюсь.

Глава 2
ГОСТИ

Дело приближалось к вечеру, когда показалась деревня. По местным меркам немаленькая — около трех десятков дворов. Вдоль побережья здесь тянется широкая холмистая гряда, но в долинках и на широких ровных склонах хватает площадей под посевы, крестьяне там охотно селятся. Есть и побочное занятие: достаточно перейди через горку — и вот оно, богатое море. Там и рыбалка, и промысел жемчуга — приработок всегда найдется. Почему не живут возле воды? По простой причине: галеры демов частенько шастают и, заметив поселение, обязательно наведаются в гости. Так что там даже сараи лодочные маскируют, а то ведь проверят и быстро найдут тропу к добыче.

Крестьянство и морской промысел остались в прошлом. Если кто-то из жителей и уцелел, назад возвращаться не стал. Сейчас в Межгорье населена лишь область в районе озерного четырехугольника, который по центру долины, и есть живые деревни чуть севернее него. Здесь, возле моря, селиться безумие — ведь никто не защитит от набегов демов. Хотя идея поставить поселок возле форта на реке есть, но пока что не хватает возможностей для ее реализации.

У меня мало на что хватает возможностей, почти все задумки приходится откладывать на будущее. Я сам себе задолжал уже столько, что за три жизни не расплатиться…

Межгорье богато брошенными деревнями, чем мы и пользовались. Я не такой уж и неженка — спокойно переношу ночевки в лесу, — но зачем идти на крайности, если повсюду можно найти крышу над головой? Люди сгинули в мясорубке недавно — жилье стоит в приличном состоянии. К тому же в таких местах и другие бонусы имеются: источники чистой воды, запасы дров, съедобная зелень на не успевших зарасти огородах.

В этой деревне обнаружился дополнительный плюс. Когда-то здесь обитал местный олигарх, и после него остался чуть ли не дворец — огромный дом, в котором без труда могут разместиться полсотни бойцов. Считая меня, Тука и разведчиков, нас было девятнадцать — места всем хватит.

Не без интереса проследил, как Керт и Макрис, два брата, обожающие друг друга как кошка собаку, на время позабыли о своих разногласиях ради нечестивого ритуала. Единая церковь терпеть не может проявления язычества во всех формах. Даже невинные намеки на старое не позволены. Но в таких глухих

местах всякое случается. Епископ далеко, карающих тоже давненько не видели: если зуб заболит, ходят заговаривать к подозрительным старухам, к ним же обращаются при неурожаях, родах, недомоганиях домашнего скота и запущенных случаях алкоголизма. Свято верят, что в каждом лесу имеется невидимый хозяин, которого следует задабривать, аналогично обстоят дела на любом холме.

В озерных глубинах, само собой, имеются водяные и местные русалки — похотливые зеленокожие бабы, покрытые чешуей, с водорослями вместо волос. Ряды их пополняются утопленницами, которые при жизни изменяли супругам, и в местностях, где число рогоносцев переходит за рамки приличного, по слухам, водоемы из берегов выходят, затапливая прибрежные деревни.

В общем, везде, где человеческое присутствие минимально, обязательно заводится что-то потустороннее, официальной церковью отрицаемое и ею же не одобряемое, — уж больно язычеством попахивает, с его страстью наделять окружающий мир невидимыми сущностями. Вот и заброшенная деревня не смогла избежать этих запретных суеверий. И Керт, и Макрис, и многие другие бойцы отряда не сомневались, что здесь уже появился специфический хозяин и для обеспечения спокойствия ночлега его следует задобрить. Каким образом? А как в таких случаях поступают язычники? Да элементарно — дают взятку.

В нашем случае хозяину деревни под крыльцо того самого «дома олигарха» положили прошлогоднюю сморщенную луковицу и вяленую рыбешку. После чего суеверные бойцы постояли минутку с серьезным видом и, решив, что взаимопонимание с таинственным миром духов налажено, занялись обустройством ночлега.

Церковь такой жертвы ни за что бы не одобрила. Она никогда подобного не одобряет. В том числе и наша, православная. Довелось мне однажды побывать на похоронах, куда приглашали попа. Тот помимо собственно ритуальной части провел краткий инструктаж — что можно, чего нельзя, чего не рекомендуется. В частности, очень не советовал нажираться в хлам на поминках, оставлять еду и спиртное на могилах и прочее, в чем при желании можно усмотреть пережитки дохристианских обрядов.

Как воевали с ними в инквизиторском Средневековье, так и продолжают.

— Сэр, печь будем растапливать? — обратился ко мне Тук.

— А надо?

Тот, подчеркнуто притворно озадачившись встречным вопросом, почесал затылок и с деланой неуверенностью ответил:

— По мне — так незачем. Не замерзнем, да и к чему нам в

духоте томиться.

— Обойдемся без печи, поесть быстрее на костре приготовить, как обычно.

Такой вот диалог случается у нас в каждой заброшенной деревне, почти слово в слово.

— Люк!

— Здесь я.

— Возьми этих оболтусов и обойди окрестности. Не забудь на холм подняться и посмотреть, что за обстановка на берегу. И шевелитесь, надо до темноты успеть вернуться.

— Да мы быстро.

Этот диалог тоже повторяется перед каждым ночлегом. Разве что предложение про море вставляется только в деревнях, расположенных близко к нему.

Вот и у меня своего рода ритуалы выработались…

Размеренный процесс обустройства был грубо прерван неожиданно быстрым возвращением тройки дозорных. Мчались они бегом, сильно запыхались, а довести выносливых ребят до такого состояния было непросто. Что-то нехорошее случилось…

— Страж! Сэр Дан! — издали вскричал Люк. — Там корабль! И люди! Много людей!

— Стоп, — спокойно ответил я. — Давай четко, без криков и медленно: что за корабль, где он и о каких людях вообще идет речь?

Тот продолжил без паузы, все так же пулеметно тараторя:

— Мы поднялись вон на тот холм, с его вершины отлично видно море и берег. В море корабль стоит. То есть почти лежит на боку. На берегу напротив него люди какие-то суетятся. Не разглядеть их толком. Палатка стоит, костры дымят.

— Сколько их?

— А хрен его знает… С полсотни точно будет.

Я не спешил высказать комментарии. Еще ляпнешь глупость ненароком, а ушей любопытных более чем достаточно — непременно разнесут по всей округе, да еще и переврут позорно. Вот зачем самому языком чесать, не подумав, если для этого человечество придумало подчиненных?

Обернулся к жадно прислушивающемуся Туку:

— Чего вытаращился?

— Так ведь это… Ну интересно же.

— И чего здесь такого интересного? Сам все прекрасно понимаешь. Или нет?

— Да что тут еще понимать? Корабль на боку, значит, на камни сел или мель, а может, другая беда и чинить борт

пытаются. Я так думаю, что демы это, потому как, кроме них, мимо наших берегов никто особо не шастает.

— Нет. — Люк покачал головой. — Корабль другой совсем.

— Да много ты в кораблях понимаешь, сопля сухопутная, к губе присохшая!

— Это ты мне говоришь?! Кривой, тупой, а на других пеняешь! Может, я понимаю и меньше твоего, но на галеры демов насмотрелся. Нет, совсем разные корабли.

— А народ на берегу в доспехах? — уточнил я.

— Не могу сказать точно — далековато до них, но вроде доспехи были. Еще флаги там какие-то.

— Флаги?! — изумился Тук. — Не припомню я у демов флагов. Разве что череп на палку нацепят или что-то в этом роде начудят. Хорошего от них не дождешься, а вот мерзость запросто.

Из полученной информации я так и не понял, кто именно расположился на берегу. Но, учитывая то, что берег этот по праву принадлежит мне, игнорировать присутствия незваных гостей не мог:

— К бою. Сходим проверим, кто к нам заявился.

Несмотря на многочисленные невзгоды, омрачавшие мою нынешнюю жизнь, я не окончательно съехал с катушек, чтобы атаковать противника, как минимум в два с половиной раза превосходящего количественно. Приказ «к бою» означал максимальную готовность к столкновению. Мы драки не хотим, но мало ли что может случиться. На этот случай надо затянуть ремни доспехов, проверить амуницию, чтобы ничто не звякнуло предательски, вещевые мешки оставить в деревне, а то могут помешать спасаться бегством в случае неприятностей.

Задача скрытного приближения к вероятному противнику затруднялась из-за особенностей здешнего ландшафта. Топоры лесорубов тому виной или что другое, но деревьев на прибрежных холмах не было вообще, а кусты, хоть и росли в изобилии, размеры имели удручающие. За ними мелкой собачонке нелегко укрыться, не то что человеку. До моря полпути преодолели, когда я осознал, что такая толпа, перебегающая от одной жалкой кучки зелени к другой, незамеченной вряд ли останется. Пришлось чуть подкорректировать планы: оставил отряд на месте, дальше пошел в сопровождении Люка и Тука. Первый — один из лучших разведчиков и действительно умеет укрываться от врагов, а второй прекрасно разбирается во всем, что касается кораблей, их государственной принадлежности, тактике действий и прочем.

Бакайцы все до единого в этом прекрасно разбираются, потому как их остров долгие годы был своего рода Тортугой[1]

этого моря.

Даже втроем продвигаться было тяжело. Почти все время на полусогнутых ногах, спина в три погибели скрючена. Мореходы выставили пост на вершине самого высокого холма, оттуда можно было контролировать практически все окрестности. Пришлось попотеть, прикрываясь скальными выходами, вжимаясь в еле заметные ложбинки. Сумерки в этих широтах долгие, но стемнело уже прилично, когда мы наконец добрались до берегового обрыва.

Картина открылась прекрасная. Куда ни взгляни, ровная гладь моря, волнения почти нет. Далеко в северной стороне, на горизонте, подсвеченные последними лучами уже закатившегося солнца, сверкают искорки вершин парочки высоких островов. Еще один, темный, угрюмый, похожий на небрежно насыпанную угольную кучу, расположился в километре или чуть дальше. Сам берег в этом месте плоский, сложен камнями размеров от футбольного мяча до совсем крошечных. Полоса пляжа — не больше полусотни метров в самом широком месте и считаные шаги в узком. На всем протяжении ее подпирает высокий обрыв. Лишь в одном месте он проточен долиной ручья, и только по ней можно взобраться наверх без риска свернуть шею.

Вот именно там и расположился лагерь вероятного противника. Все как Люк рассказывал: большая серая палатка, скорее всего сделанная из паруса, две струйки дыма от костров, десятки людей, шесты с узкими полотнищами разноцветных флагов, раздваивающимися на конце, будто змеиные языки. Далеко в море, между ближайшим островом и берегом, темнеет длинный корпус корабля. Не сказать, что совсем уж на боку лежит, но и ровным его положение назвать трудно. Скажем так: сильно накренился на правый борт и чуть задрал нос. Конструкция незнакомая, громоздкая, несуразно раздутая, будто бочка — с такими я здесь еще не сталкивался. До неприличия высокая корма, две мачты, от одной из которых остался лишь огрызок, вереница пушечных портов. Огнестрельного оружия здесь нет, так что вряд ли они предназначены для пушек. А для чего же? Баллист? Или, может, просто под весла?

Зачем гадать, если под рукой имеется эксперт.

— Тук, чего молчишь?

— А что мне говорить? — удивился горбун.

— Я, признаться, в корабельных делах понимаю слабо, но на галеру демов это корыто похоже не сильно.

— Не сильно?! Ну вы и сказали! Да их неразумное дите не перепутает. Совершенно правильно обозвали — корыто. На таком убожестве даже вонючие свиноеды ни за что ходить не станут.

Хищный облик и узкие обводы галер наших заклятых врагов я

прекрасно помнил. И впрямь не перепутаешь с этой раздувшейся бочкой.

— И доспехи у них другие, — заметил Люк. — У многих демов они до блеска надраены или просто зачерненные, а эти разноцветные. Шагают вон, будто петухи разукрашенные.

— Матийцы это, — пояснил Тук, при этом скривившись так, будто полкило лимонов без сахара употребил. — Такие безобразные галиоты только они и пользуют. Дрянь посудина, хотя груза и народу берет много. Да и при ветре хорошем иной раз легко дема может догнать, а при абордаже у него вообще ни единого шанса не будет — разница в команде велика, к тому же с высокой палубы удобнее обстрел вести.

Прикинув количество матийцев, я неуверенно заметил:

— Не вижу большой разницы в команде. Тут человек пятьдесят — шестьдесят всего — силы примерно равные.

— Может, команда уменьшена или что приключилось. Обычно их около восьмидесяти рыл, а часто гораздо больше.

— Гребцы у них тоже рабы?

— На веслах у них преступники и демы пойманные. Те, которых на костер не потащили.

— Что-то не наблюдаю я гребцов.

— В смысле — не наблюдаете? Да как их увидишь при таких делах. Вы только взгляните на посудину. Палуба гребная низкая совсем, прорези над самой водой, так что их при самом слабом волнении закрывать приходится. Все гребцы на корме — нос без них. Помните, вчера ветер был приличный?

— Ну?

— Вот они под него и угодили, причем в опасных водах. Видите, обрывки канатов болтаются? С якорей их сорвало и на острые камни занесло. Как волны начали разбивать, корма осела, нос задрался. Получается, гребцы под водой оказались, а это дело не шибко полезное. Кандалы на руках и ногах, цепями, пропущенными под скамьями, все связаны, никто их особо не любит, так что освобождать не торопились. Небось все там и остались на радость крабовому племени.

— Утонули?! — изумился Люк.

— А ты как думаешь? Уж те, кто ниже всех оказался, точно захлебнулись. А остальных, наверное, добили, не выпустив.

— И как они без гребцов плавать собрались?

— А никак. Галиот этот только с виду целый, а на самом деле днища, почитай, не осталось. Один хороший шторм — и разобьет его окончательно. Засел намертво, взгляните хорошенько: буруны над камнями и слева, и справа, и спереди, и даже сзади. Сам не знаю, как его на самую середину рифа закинуло, но стащить уже

не получится. Капкан каменный. Не иначе как в прилив дело было и на очень высокой волне. Все — нет у них больше корабля, а раз корабля нет, то и гребцы ни к чему. Матийцы, должен признать, народ не без странностей, но понимать должны, что в этих местах держать под рукой свору пленных демов и злостных душегубов — затея не слишком толковая. Корми их, пои, охраняй. И зачем? Надо будет — еще наловят. Это хорошего в мире маловато, а такого дерьма хоть двумя ведрами черпай.

Попугай, пристроившийся на ветке ближайшего куста, завистливо произнес:

— Я вижу, эти разгильдяи там пьют что-то интересное. Трактирщик, готов биться об заклад на скромные остатки чести твоей женушки, что у них пойло получше нашего будет.

— Тут ты не прав, — возразил Тук. — Обычай у них скверный — вино портить. Водой его разбавляют и пьют бурду еле-еле розовую. С одной стороны, конечно, лучше, чем просто вода, а с другой — это же глупый перевод добротного напитка.

— Сын мой, да это же гнусное святотатство! — возмутился Зеленый.

Вспомнив все то, что слышал о матийцах, я вынес вердикт:

— Они нам не враги. Надо хоть поздороваться для начала.

— Не враги, но стрельнуть могут, — заметил Тук. — Давайте медленно, спокойно спустимся. И чтобы заметили нас издали, а не в самый последний момент.

— Они и так нас видят, — неожиданно заявил Люк.

— С чего ты это взял? — удивился горбун.

— Дозорные на холме во все стороны посматривают внимательно, но в нашу ни единого взгляда не бросают.

Даже я понял, что это значит. Не хотят дать понять, что мы обнаружены. И еще это может означать, что к нам подкрадывается отряд ловких ребят с приказом взять живыми или мертвыми. Лучше самостоятельно выходить, чем быть схваченными и утащенными насильно: здороваться на равных при таком варианте развития событий будет непросто.

Лагерь потерпевших кораблекрушение жил своей жизнью. Большая часть народу занималась перетаскиванием от кромки прибоя различных вещей, сваленных там грудами. Некоторые пытались вкопать среди камней опорные шесты для навесов или палаток, сооружаемых из парусов, парочка суетилась у костров — над огнем висели пузатые закопченные котлы, и ветер, задувающий с моря, доносил пряные ароматы какого-то незнакомого варева.

Возле единственной на данный момент поставленной

палатки на бочонке расселся субъект, сбежавший со съемочной площадки, где шла работа над фильмом о жизни двора Людовика Четырнадцатого.[2] Хотя «солнце» уже зашло, этот тип его прекрасно заменял — сверкал, как отполированная золотая монета. Завитой парик, поблескивающий, будто его бриллиантовой пылью присыпали, сложное пышное одеяние, названий многих элементов которого я даже под пыткой не скажу, начищенные до зеркального блеска вычурные сапожки. А уж кружева в столь безумном количестве, что, если перешить их на эротическое белье, можно пару серьезных борделей на год обеспечить.

Перед этим закоренелым модником навытяжку стоял на порядок более скромно разодетый гражданин, тощий, как солитер, обитающий в желудочно-кишечном тракте страдающей дистрофией коровы, с унылым лицом, украшенным носом, формой напоминающим клюв Зеленого, а размерами — плуг. В руках он держал крошечный серебряный поднос с единственным ярко-красным бокалом. Сидящий на бочонке тип время от времени брал посудину, делал глоток и возвращал на место. При этом он рассеянно наблюдал за процессом перетаскивания грузов, а в нашу сторону ни разу даже не покосился.

И вообще на нас никто внимания не обращал. Но поверить в то, что мы вдруг стали невидимыми, я не мог. Уж слишком демонстративно нас не замечали — все как один куда угодно таращились, но в нашу сторону никто даже головы не поворачивал.

Мне это поведение казалось несколько странным. А еще напрягало, что даже грузчики были одеты хоть и скромнее восседающего на бочонке, но в том же стиле. Мы в сравнении с ними — тройка жалких обитателей помойки, угодившая на вечеринку законодателей моды. А я ведь немало сил потратил, добиваясь от портних и ткачих приемлемого результата, и все разведчики облачены в отличные камуфляжные штаны и куртки. С моей точки зрения — идеальная форма для такого рода войск, но вот с точки зрения матийцев вряд ли. Да у них даже слуга в кружевах с ног до головы, а встречают ведь, как известно, по одежде. Может, таким демонстративным безразличием нам выражают свое презрение?

С другой стороны, разве можно себе представить расшитый кружевами камуфляж? Такой если где и случится увидеть, то на альтернативно ориентированных певцах отечественной эстрады и лишь на концертах, посвященных празднику Победы, а это бывает только раз в году.

Так и оставаясь «невидимками», мы вошли на территорию

лагеря, остановились возле «модника», потому как нетрудно догадаться, что он здесь главный. Притормозив от него в нескольких шагах, дружно переглянулись, не зная, что делать дальше в такой забавной ситуации.

Обстановку разрядил попугай:

— Добрый вечер. И что мы пьем?

«Модник», отставив бокал на поднос, вытащил из недр своего одеяния платок, сказать про который «ослепительно-белый» — значило сравнить его с грязной половой тряпкой, вычурным движением отер губы. Пока он этим занимался, «тощий» поднял с груды мешков длиннополую шляпу, украшенную пучком неестественно пестрых перьев, ради изготовления которого истребили как минимум два стада страусов, подал с поклоном. Командир, поднимаясь, взял это «сомбреро», водрузил на голову, но лишь для того, чтобы тут же его снять и размашисто помахать, отчего поднялся неслабый ветер. При этом он чуть поклонился и, распрямляясь, произнес:

— Саед Макуратар аб Веллис из рода Картарисов. Прошу простить за то, что приветствую вас, дорогие гости, в таком неподобающем месте, никоим образом не приспособленном для организации достойной встречи. Даже кресла не могу предложить, из-за чего испытываю один приступ стыда за другим. Оправдания бессмысленны, но на это есть уважительные причины, о коих, безусловно, я вам подробно поведаю. И еще раз простите, но с кем имею честь?

Чувствуя себя последним быдлом, я скромно представился:

— Дан. А это Тук и Люк. Ну и Зеленый.

Саед повторил поклон с подметанием шляпой берега и радушно заявил:

— Неслыханно рад, что вы соизволили заглянуть к нам в гости. Еще раз прошу простить, но ваша птица невольно наводит на мысль, что вы имеете какое-то отношение к тому самому Дану, который указом вдовствующей королевы-матери Ортара был назначен правителем здешнего побережья и тех земель, что отстоят к западу?

— Да, это я.

— Еще раз простите, просто из вашего представления это было не вполне очевидно. Птица птицей, но ведь они не только у стражей имеются. Видел как-то раз одну на ругийском торге — в клетке ее продавали. Красивое создание, хотя и донельзя злобное: укусила Глонариса за указательный перст. — Саед кивнул в сторону слуги, и тот тоже кивнул, почти синхронно, ничуть при этом не изменившись в лице — так и смотрел куда-то в одну точку.

— Мы вообще-то не в гости, — прямо заявил я, так как не придумал другой линии поведения с этим странным человеком. — Мимо шли по своим делам, увидели ваш лагерь и корабль, решили вот поближе взглянуть.

— Прошу прощения, если отвлекаю вас от крайне важных занятий, но умоляю хоть немного задержаться. Я непременно должен рассказать вам о своих злоключениях и узнать от вас последние новости. Хоть корабль наш в беде, но команда героическими усилиями спасла часть бочонков с великолепным вином, и с моей стороны будет верхом неучтивости вас не угостить. Ну так я смею надеяться на вашу задержку? Хотя бы для двух-трех бокалов?

— На такое и круглый дурак согласится, — выпалил попугай, вертя головой во все стороны.

Вероятно, вел подсчеты бочонков.

Через минуту я восседал на одном из этих самых бочонков, наблюдая, как на импровизированном столике из товарищей моего «стула» и нескольких досок Глонарис разливает вино по темно-красным бокалам. При этом слушал Саеда:

— Признаться, мы вас заметили уже давно. Дозорные донесли, что какие-то люди появились возле лагеря и затем поспешно удалились, чтобы вскоре вернуться с куда большими силами. Меня, признаться, это несколько насторожило. Вы же сами знаете — места здесь неспокойные. Ходят слухи, что не далее как зимой несколько кораблей демов сюда приходили, и мы заподозрили, что это темные подбираются и вот-вот начнется бой. Людей под моей командой немного, и я уж было собрался умереть достойно, не посрамив памяти предков и особенно деда моего — Далдея Саедара Макуратара аб Веллиса из рода Картарисов, который в свое время, попав в подобную ситуацию, поступил не менее достойно и героически. Но тут у вас, сэр Дан, заметили Зеленого и поняли, что к демам вы никакого отношения не имеете. Птица стражей если у них и окажется, то лишь запертой в клетке, а не свободно летающей с плеча на плечо. После этого мне пришлось временно забыть о героической смерти и с нетерпением дожидаться, когда же вы удосужитесь нас навестить.

Приблизительно на третьей минуте знакомства я начал подозревать, что Саед является маньяком, а на пятой подозрение переросло в уверенность. Причем мания у него была не совсем обычной. Он не питал слабости к потрошению девушек колюще-режущими предметами, ни о каких сексуальных отклонениях тоже не могло быть и речи. Все куда хуже — этот матиец больше

всего на свете мечтал погибнуть, причем непременно достойно. В его понимании это означало с разбега влететь в превосходящую по численности толпу врагов, врезать им пару раз, затем схлопотать по голове и рухнуть замертво. Причем непременно при зрителях, которые обязаны во всех деталях запомнить картину, чтобы донести ее до безутешных родных. На острове потом сложат песню о подвиге, возможно даже не одну, и будут вспоминать об идиоте-суициднике, потягивая вино у каминов.

История Саеда была проста и коротка. Его корабль плыл-плыл, затем заметили галеру демов, гнались-гнались, шторм налетел, потом удар о камни и героическая высадка на переполненный опасностями берег. Но этот рассказ он растянул надолго, допуская множество лишних слов и часто отвлекаясь. К тому же в какое бы русло ни сворачивал наш разговор, тема героической смерти поднималась с назойливой регулярностью.

— Из-за этих трусов, не принявших честного боя, нам пришлось сильно отклониться от правильного курса, опасно приблизившись к берегу. Здесь чрезвычайно мало удобных бухт и заливов, а вот коварнейших подводных скал встречается более чем достаточно. Когда днище первый раз ударило о камень, а из трюма послышались душераздирающие крики, я лишь об одном жалел: неужели приму смерть от морской воды, а не в бою, с мечом в руках, как и подобает достойному воину из рода славных Картарисов. Кстати, не сочтите за дерзость, но было бы весьма любопытно узнать: откуда у вас этот меч? По рукояти очевидно, что он сработан мастерами моего народа, а на сторону они их ни за что не продадут. Да и к чему тем, кто не знаком с нашей школой фехтования, такое оружие? Уж простите, но требуется утонченность истинного матийца, чтобы такой клинок разил, а не досаду у владельца вызывал. Только наши мастера на это способны. Никоим образом не ставлю под сомнение ваше фехтовальное искусство, но бьюсь об заклад, что вы далеко не все знаете про нашу сталь.

— Этот меч я взял из оружейной коллекции покойного сэра Флориса.

— Вот как? А он откуда его взял?

Я повернулся к Туку:

— Слышишь, что сэр Саед спрашивает?

— Ну, слышу, — ответил горбун, явно чувствуя себя не в своей тарелке.

— Так отвечай. Я ведь понятия не имею, как у сэра Флориса этот меч оказался.

— Галеру демов на абордаж взяли, а те, видать, перед этим матийцев за ребра пощипали. При дележе добычи сэру Флорису

досталось несколько таких мечей.

— Давно это было? — уточнил Саед.

— Точно не припомню. Где-то за два года до нашествия на Бакай.

— Позволите высказать предположение, что ваш сэр Флорис являлся жителем этого острова?

— Ну да, так оно и было. Как и я, и многие из нас.

Саед чуть скривился, из чего я сделал вывод, что матийцы бакайцев не слишком жалуют. Взаимное это у них, если вспомнить первую реакцию Тука.

— Ну что ж… давайте глотком достойного вина почтим память моих павших земляков. Они, вне всякого сомнения, сумели найти героическую смерть на поле брани. Очень надеюсь, что у меня в свое время это тоже получится.

— Вы случайно не в Межгорье плыли? — спросил я.

— Нет. В эти воды мы не заходим. Наши корабли простор любят, а у вас чересчур много опасных островов и скал. Мы были вынуждены здесь оказаться из-за неудачной погони за трусливыми тварями.

— Я посылал письмо к правителю вашего острова. Не знаете, получил он его?

— Не слышал о таком. А с кем письмо передавали?

— Да мои люди через купца какого-то, не помню, как его звать. Но вроде говорил, что торговать к вам ходит, и с виду честный был.

— Прошу меня простить, сэр Дан, но невозможно вообразить честного купца. К какому ни приглядись, обязательно скрытая или явная гнильца обнаружится. Вот вы можете себе представить купца, который рискнет жизнью или даже пойдет на подвиг, если речь не будет идти о великой прибыли или хотя бы спасении личного богатства? Деньги — это грязь, а тот, кто живет грязью, чести не имеет. Не сочтите за пустое любопытство, но о чем шла речь в вашем послании? Возможно, я чем-то сумею помочь? Хотя, признаюсь, возможности у меня сейчас не слишком велики. — Саед красноречивым жестом обвел берег. — Если это тайна, тогда, конечно, ничего не говорите.

— Да какая там тайна… Межгорье большое, а сил у меня мало. Слышал, что у вас флот приличный, воинов достаточно. Думал наладить взаимопомощь. Ваши корабли могли бы заходить на стоянку в мой защищенный порт, который я на реке сейчас сооружаю. Командам отдых, пополнение припасов, воды. А мне удобно, когда возле моего побережья хоть иногда появляются союзники. А то ведь, кроме галер демов, никого почти не бывает. Они здесь чувствуют себя хозяевами, а так быть не должно.

— Это вы верно подметили! Давайте пригубим вино за то, чтобы демы лишь в раскаленном аду были хозяевами, как и полагается.

— Мы не девки, чтобы пригубливать, мы просто пьем, — заметил попугай, алчно заглядывая в мой бокал.

— Раз даже птица предлагает выпить, так выпьем. Заодно давайте за героическую смерть для героев, которые когда-нибудь неизбежно загонят темных в их раскаленный ад! И чтобы в рядах этих героев и для нас место нашлось!

От таких тостов мурашки по коже побежали, но пришлось поддержать — куда денешься. Первый раз в жизни выпил за смерть, к тому же свою. Обычно это за жизнь и здоровье делают, но Саеду подобные вещи неинтересны.

Вино неплохое — хоть и не люблю этого дела, но даже мне понятно. Оставив в бокале глоток для захлебывающегося слюной попугая, ненавязчиво интересуюсь наболевшим:

— Если не секрет, велик ли флот матийский?

Саед хотел было что-то сказать, но осекся, обернулся в сторону моря, прищурился, будто пытаясь рассмотреть в глубоких сумерках силуэт разбитого галиота, и наконец, с печалью произнес:

— Один. Теперь один.

— Не понял?

— Сэр страж, один полноценный боевой галиот остался в матийском флоте. Мелочь не считаю — ведь для дальних походов она непригодна.

Тук, подавившись вином, закашлялся, с трудом выдавив:

— Как один! Была же целая туча! Десять или двадцать… Не меньше! Куда остальные дели?!

— Один вы видите перед собой. — Саед указал в сторону моря. — А в конце осени случился кровопролитный великий бой в проливах, где смертью героев полегло немало наших достойных соотечественников. Корабли пошли домой поврежденными, с ослабленными командами. И тут сам ад наслал свирепый шторм, в коем сгинуло от воды немало тех, кто так и не успел достойно погибнуть. Меня миновала чаша сия, и еще три капитана достигли родных берегов. Но два галиота были в столь плачевном состоянии, что легче другие сделать, чем их восстановить. Хотя за ремонт все же взялись. Но когда они вновь окажутся на воде, ничего сказать не могу. Так что, сэр Дан, наш флот сейчас состоит из одного корабля и двух калек на берегу. Что-то не так?!

Видимо, на лице моем отобразились отголоски множества негативных чувств, бушевавших в душе. Нет, один корабль — это, конечно, лучше, чем вообще ни одного, но я, в судорожных

метаниях подыскивая союзников, рассчитывал на нечто куда большее. Чем мне могут помочь матийцы, если у них всего один корабль, да и тот убогое корыто, неспособное догнать галеру демов и практически неуправляемое при серьезном волнении? Да темные даже ради опустошенного Межгорья эскадру собрали, что говорить о большем?

Нет, силы матийцев просто мизерны. Даже у меня сейчас возможностей больше. Похоже, их многовековая война в сочетании с тягой к героическому суициду довела их до полной несостоятельности. А я ведь так на них надеялся…

Высказывать это Саеду, конечно, не стоило, потому увел разговор в сторону:

— Просто мы не одни — со мной здесь еще несколько бойцов, и они, наверное, волнуются, вот и беспокоюсь за них.

— Так давайте я пошлю к ним гонца, чтобы не беспокоились.

— Лучше пусть Люк пойдет. Места тут опасные, гонца вашего они не знают. Мало ли что могут подумать.

— Так и поступим — вы здесь господин и вам решать. Хотя в моем лагере просто уважаемый гость, что меня очень печалит. Простите еще раз за крайне скромный прием, вызванный неприятнейшими обстоятельствами.

— Пустое, — отмахнулся я. — Вы лучше скажите: что дальше делать собираетесь?

Саеда, похоже, вопрос загнал в тупик. Он некоторое время молчал, затем с горечью произнес:

— Мне было приказано пройти через море напрямик по северо-восточной линии. Темные, зная, что у нас мало кораблей, вконец распоясались, ходят по здешним водам, совершенно не опасаясь нападений. Появление возле их берегов нашего красавца стало бы великим сюрпризом, причем неприятным. Там мы должны были взять на абордаж первое попавшееся судно, коих с грузами много ходит, после чего вернуться тем же путем. Если бы этого не получилось ввиду нападения значительных сил врага, мы бы погибли, не посрамив чести предков. И в том и другом случае демы должны были уяснить, что море им не принадлежит. Пусть знают, что божье правосудие наполняет ветром паруса несущих смерть кораблей матийского флота — самой грозной силы этого мира. Но встреча с этой трижды проклятой галерой спутала все планы. В недобрый час мы начали погоню, а чем она закончилась, вы сами видите. Корабль разбит, мы оказались на пустынном берегу, к которому мои соотечественники никогда не приближаются. Да и вообще мало кто рискует здесь появляться. Не считая, конечно, темных. Боюсь, приказ теперь не получится выполнить, а это огромный ущерб для моей чести. С каким бы

удовольствием я смыл позор кровью, достойно погибнув на поле брани от рук целой армии врагов. Но — увы… Даже не знаю, как теперь следует поступить… У меня самая лучшая команда этого мира, но нет судна…

Тук что-то пробурчал под нос. Я с трудом расслышал несколько слов, из которых понял, что хвалимую команду тот сравнивает с продуктами жизнедеятельности коренных обитателей свинарника. Саед или не расслышал, или сделал вид, что не расслышал, но продолжил как ни в чем не бывало:

— Разве что попытаться добраться до Ортара и там послать весть через купцов или корабль зафрахтовать, чтобы вернуться на родину самостоятельно. Но дело это долгое и рискованное. Ортарцы к нам не слишком хорошо относятся.

— Почему?

— Давняя склока из-за пары никому не нужных островов. Мой народ ими владеет по праву, даже два замка там выстроил и гавань, защищенную рукотворным молом. Вот Кенгудам и захотелось без труда получить лакомый кусочек, в который вложен чужой труд. Аппетит мы у них отбили, но осадок остался, хоть мы их больше не трогаем, а они не лезут. Уж простите за неутонченную речь, но после всего случившегося нелегко подбирать благозвучные слова. Я имею лучшую в мире команду, но без корабля не могу выполнить самого простого приказа. Даже самой героической смертью трудно смыть подобное… А ведь у меня была чудная идея. Раз уж цель — поход к южным берегам, то почему бы не размять ноги на суше? Вы только представьте, что может натворить такая славная команда, если высадится, допустим, на Железном Мысе!

Я понятия не имел, что такое Железный Мыс, но, судя по всему, место известное, потому, скрывая свое невежество, кивнул с максимально умным видом.

А Саед тем временем немного раскрыл тему:

— Скопище мастерских, в которых день и ночь куется оружие и доспехи для темного войска. Лучшие работники, насильно собранные со всего мира, диковинные печи, в которых, по слухам, за час можно выплавить столько отличного железа, что хватит на целый отряд латников. И при этом нет серьезной охраны. Зачем она там, если никто давно уже не угрожает этому побережью. Одним лихим наскоком можно нанести грандиозные убытки тварям: разрушить все мастерские и перебить работников. Им долго придется восстанавливать все и среди пленников искать замену.

Вот тут я ощутил примерно то, что ощущает рыбак, долгое время вглядывающийся в поплавок и внезапно замечающий, как

тот едва заметно вздрагивает. Что-то в словах Саеда очень интересное проглядывает… И вдруг, как это часто бывает с думающими людьми, в одну стройную систему сложилась информация, полученная от матийца и пленных демов, крохи из рассказов бакайцев и собственные размышления, навеянные трудностями моего нынешнего положения. В голове почти мгновенно наметился до крайности авантюрный, рискованный замысел. Скажем откровенно: почти безумный или даже без «почти».

Впрочем, практически все мои нынешние замыслы таковы. Все от недостатка средств и времени на более взвешенные идеи.

— Кстати, я все о себе да о себе, а вот вы молчите. Как здесь дела обстоят? Правда ли, что зимой случилось нашествие демов? Так поведайте о былых трудностях, потому как мы ничего о происходящем в Межгорье не знаем с тех самых пор, как Кенгуд приказал вычистить долину от жителей и нежити. Удачно хоть вычистил?

— Еще как… Его солдаты вырезали практически всех, и теперь я правитель земли без населения.

— Совсем без населения?!

— Ну… не так чтобы уж и совсем. На данный момент у меня около трех тысяч подданных, но это примерно в сорок раз меньше того, что было до прихода ортарцев. Мы более-менее восстановили Мальрок и несколько мелких замков, кое-как укрепились в центре долины, но сами понимаете, что с такими силами почти не контролируем остальной территории. Пытаемся как-то это поправить, но вы тоже должны понимать — народ не рвется сюда переезжать.

— Погань донимает?

— Как ни странно, о ней почти не слышно. На юге долины полно рейдеров, но они заняты поисками кирта и нас практически не трогают. Мы в свою очередь тоже к ним не лезем, все из-за той же нехватки сил. Было два случая одержимости в деревушке, что севернее Мальрока. Там собрались отщепенцы со всей долины, меня господином они не признают. По сути кучка стариков и смешных дураков. Безобидные, но приглядывать за ними приходится после случившегося.

— Наверняка из-за темных обрядов одержимость произошла.

— Наш епископ говорит так же.

— У вас даже свой епископ имеется?! Вот уж не думал, что у Межгорья столь высокий статус.

— Иридианский епископ.

— Еретик?! И вы его называете своим епископом?!

— Вы уж простите, но другого епископа не имеется. И даже

священника от официальной церкви нет. Так что он у нас за главного.

— Это вы меня простите — из-за неуемного любопытства постоянно вас перебиваю, что крайне неучтиво. Ну расскажите же, пожалуйста, все, что случилось с вами здесь. Обещаю — буду молчать. По крайней мере, постараюсь.

— Ну а я буду краток. После указа королевы прибыл сюда с отрядом, состоящим из ссыльных еретиков-иридиан и бакайцев, по сути таких же ссыльных. Здесь мы кое-как собрали уцелевшее население, начали налаживать порядок. Зимой к нам пожаловали демы — три оты на шести галерах. Нам пришлось очень туго, но кое-как справились. Продолжаем налаживать хозяйство, иногда посылаем торговые караваны на границу Ортара, ведем дела через тамошних купцов. При этом народ сюда заманиваем, а некоторых и просто покупаем: холопов, например, и девиц, которыми часто торгуют. Но успехи невелики. Мало нас… очень мало…

Саед отхлебнул из бокала и задумчиво произнес:

— Воистину вы были правы, когда предупредили о краткости рассказа. Если не возражаете, я бы хотел узнать несколько подробнее кое о каких упомянутых вами свершениях. В частности, очень интересно, что за оты к вам пожаловали и каким образом вы их победили.

— Непременно расскажу, но позвольте вначале позаботиться о своих людях, а то они так и сидят на темном холме.

— Так пригласите их сюда!

— Не стоит. Здесь не лучшее место для ночлега, зато за холмами расположена деревня, где хватает уцелевших домов. Я и вам рекомендую туда перебраться. Берег дикий, воров не водится — груза вашего никто не украдет.

— Мы бы с радостью, но день выдался трудный, а переход ночью через холмы для моряка дело непростое. Лучше уж света дождаться.

— Ну тогда прощаюсь с вами до завтра.

Глава 3
ГОСТИ. ПРОДОЛЖЕНИЕ

На полпути к холму, за которым притаилось мое воинство, я расслышал в стороне условный свист. Остановились, Тук подал ответный сигнал, и вскоре из темноты показался Люк.

— Так и знал, что вас встретил. Со всех ног мчался назад, думал уже, что вы в лагере матийцев останетесь на ночь.

— Да я бы предупредил, если так.

— Сэр, дальше по берегу, к югу, замечен еще один лагерь. Наши, пока вас ждали, дозоры по холмам расставили, вот и увидели огни костров.

Интересные дела… У нас тут вообще-то не фешенебельный курорт, куда туристы толпами валят. И места вовсе бедные, популярностью ни у кого не пользуются. Пиратам некого грабить, купцам не с кем торговать. Рыболовный флот как таковой отсутствует. Так что случай, подобный тому, что приключился с матийцами, единственный повод посетить побережье Межгорья. Еще, бывает, за водой проходящие суда заходят, но на ночлег при этом не остаются. Боятся, наверное, да и удобных мест для стоянки раз-два и обчелся. Причем поблизости таких вообще нет.

Я не вижу ничего странного в кораблекрушениях. Дело житейское и случается не так уж редко. Но, чтобы два корабля одновременно налетели на камни в нескольких километрах друг от друга, верится слабо.

Да зачем гадать, если можно сходить и проверить?

— Мы идем к нашим, а ты сбегай проверь, кто там. Только близко не подбирайся. Если слишком рискованно, лучше вообще не лезь — утром посмотрим. Все понял?

— Да.

— Ну вперед, мы тебя подождем со всеми.

Ждать пришлось долго, к тому же время тянулось вдвое медленнее обычного. Нет ничего более скучного и усыпляющего, чем сидеть почти в полной темноте. Активная жизнь на свежем воздухе сказывается — полежать часов восемь хочется абсолютно всем, к тому же без ужина остались из-за матийцев. Разговоры запрещены — мало ли кто услышит. Слишком уж популярными в последнее время стали эти места, а я ведь не туристическим бизнесом здесь занимаюсь — мне такое столпотворение даром не нужно.

В ожидании Люка я от нечего делать занимался зарядкой для мозга. Кроссвордов здесь не раздобыть, так что обошелся

подручными средствами, просто начав перебирать варианты — кто же мог к нам пожаловать и почему. В итоге с большим отрывом победила самая нежелательная версия, которую полностью подтвердил вернувшийся разведчик.

— Там!.. Там!.. Сэр Дан, там — демы!!!

— Успокойся, не тараторь. Позволь, угадаю: в лунном свете ты разглядел их галеру, и скорее всего, она была серьезно повреждена.

— Да… То есть… Да как вы догадались?!

— Даже дурак вроде моего попугая догадается.

— Сам шлюхин отпрыск, — сонно пробормотал подремывающий на ветке тощего кустика Зеленый.

— Помнишь, что Саед рассказывал? Прежде чем их сюда принесло, они как раз гонялись за галерой демов, но шторм этому помешал. Так? Я вот думаю, что не так уж тесно в нашем море от кораблей, и скорее всего матийца вместе с демом теми же волнами принесло сюда. Вот и оказались неподалеку друг от друга в одинаковом состоянии — здесь без проблем пристать к берегу даже в спокойную погоду очень сложно. Сильно галера повреждена?

— Близко я остерегся подходить, а издали даже в лунном свете трудно рассмотреть досконально. Но мне показалось, что дела у демов еще хуже, чем у матийцев. Галера у самого берега, на боку лежит, и нос в щепки разворотило. Наверное, на большущей скорости о камень приложилась.

— Шторм сильный был, якорные канаты как паутинки полопались, или вообще кабестаны оторвало, — предположил Тук. — У матийцев то же самое вышло.

— Демов разглядел хорошо? Сколько их? Оружие и доспехи сохранили?

— Все вроде при них, а сколько, трудно судить. Но десятка четыре точно наберется.

С демами я уже, к великому сожалению, сталкивался и прекрасно понимал, что даже после всех потуг на ниве военно-реформаторской деятельности у меня нет ни единого шанса в такой ситуации. Если уж переть на них, то как минимум равными силами, а еще лучше — превосходящими. С другой стороны, разворачиваться восвояси тоже нельзя. К этим господам у меня длинный счет, и позволить им безнаказанно располагаться на моем берегу не могу. К тому же чем они там будут заниматься? Или попробуют восстановить корабль, или пойдут пешком куда-нибудь. В первом случае они будут шастать по округе в поисках материалов и продовольствия, во втором тоже на месте не останутся. Ничего хорошего в том, что по моей земле будет

разгуливать шайка темных, я не вижу.

Проблему незваных гостей нужно решать. И быстро. Пока гонец доберется до Мальрока, пока оттуда прибудет подкрепление, пройдет два-три дня. Уж слишком неспешно здесь живут — ни радио, ни телефона. К тому же я мало того что до сих пор не нашел нужного для важного дела изотопа криптона, так даже не удосужился наладить систему сотовой связи или хотя бы простейший телеграф соорудить.

Есть еще форт на реке — воинов можно оттуда взять. Это ближе, но чревато: ведь они не для красоты там сидят, а охраняют единственный водный путь в центральную часть долины. Демы в прошлый раз прошли именно по нему, и мне до сих пор не хочется вспоминать подробностей той войны. Ослаблять защиту «водных ворот» нельзя.

Да и не надо. Самое время вспомнить о подкинутом судьбой рояле в виде потерпевших кораблекрушение матийцев. Все, что я о них знал, прямо-таки кричало, что худших врагов у демов нет.

— Может, матийцев попросим помочь? — тихо и неохотно озвучил мои мысли Тук. — Они, конечно, петухи расфуфыренные и вообще сволочи те еще, но народу у них хватает и в драке толк знают.

— Хорошая идея, — одобрил я. — У меня насчет матийцев кое-какие планы, и думаю, совместный бой поможет нам поближе познакомиться. А проверенных товарищей гораздо легче уговаривать. Не так ли?

— Сэр, я не понял: поднимать ребят?

— Поднимай.

Матийцы бодрствовали все как один, хотя вид у многих был заспанный, как будто только что проснулись, поспешно оделись, нацепили начищенные до блеска панцири и стали притворяться, будто сильно заняты неотложными делами. Нетрудно понять, что их дозорные заметили приближение военного отряда, опознали нас, и народ недоумевает — зачем мы вернулись всей толпой? Вот и подготовился на всякий случай. Нравы здесь простые, и всякое бывает. А ну как мы, соблазнившись зрелищем спасенных грузов, решили ограбить потерпевших кораблекрушение?

Спеша развеять подозрения матийцев, я с ходу выдал Саеду всю имеющуюся информацию о лагере демов и свои соображения по поводу причин, которые привели их на мой берег.

Капитан новостям весьма обрадовался:

— Так эти твари все же не ушли от божьей кары! Есть на свете высшая справедливость! Воистину есть! Сэр Дан, я крайне благодарен вам за эти радостные сведения. Надеюсь, вы не будете

сильно огорчены, если я вас на некоторое время оставлю. Надо, знаете ли, нанести срочный визит к этим свинским отродьям. Уж простите за грубость — накипело на душе.

— Если вы меня оставите, еще как огорчусь. Я ведь рассчитывал, что визит будет совместным.

— Еще раз простите, не смел вам подобного предложить.

— Со мной семнадцать отличных бойцов — они тоже огорчатся.

— Тогда показывайте дорогу.

— Вам разве не надо приготовиться?

— Воины моей родины рождаются готовыми к бою.

Тук за спиной еле слышно пробурчал что-то о не слишком умных людях, вываливающихся из мамы в начищенных кирасах и с перьями на шлеме, а Саед обратился к своим людям:

— Матийцы! Грязные свиньи, которые от нас ускользнули благодаря шторму, не смогли уйти далеко! Их гнилая галера разбилась вдребезги, а сами они высадились на берег! Это рядом — за час можно дойти! Так давайте же нанесем им неожиданный визит!

Ответ был не менее пафосным. Все до единого, даже слуга капитана, выхватили из ножен длинные узкие мечи, выгнутые непривычно — в обратную сторону. Вскинув оружие в вычурном салюте, моряки гаркнули:

— Матия! Матия! Матия!

Несмотря на некоторую театральность этого несложного ритуала, он произвел на меня какое-то впечатление. Даже более того — будь я демом, потерпевшим кораблекрушение, и услышь такой вопль, непременно бы забился в укромное местечко и прикинулся неодушевленным предметом. Что-то было в этом крике такое… эдакое… многообещающее…

Причем ничего хорошего не обещающее.

Пожалуй, стоит поторопиться. Море ночью почти затихло, а звуки по воде разносятся далеко. Если их услышат демы, потом их, возможно, придется выискивать по окрестным холмам. А оно мне надо?

Ссадив Зеленого с плеча, я пристроил его на ветку ближайшего куста. Хоть и не слишком удобная, но он, охотно вцепившись в опору когтями, замер, будто чучело, всем своим видом говоря одно: «Ну дайте же наконец попугаю поспать!»

— Сиди тут!

— Такой приказ не грех и выполнить, милашка, — сонно пробормотал птиц.

Обернулся к Саеду:

— Зеленый — парень смелый и вояка хоть куда, но только не в темное время суток. Поспать любит.

— Птицы ночью и должны спать, если это, разумеется, не совы, — прокомментировал матиец и осторожно уточнил: — Чего ждем?

— Моих ребят. Я пару лазутчиков послал заранее, первым делом, как только узнал о демах. Сейчас Люк их приведет, и послушаем.

— Поскорее бы. Не хочу говорить ничего хорошего про свиноедов, но воевать они умеют. Если дозорные нас заметят, неожиданного нападения не получится. Оно, конечно, считается, что сражаться надо лицом к лицу, без хитростей. Мой народ целиком разделяет это мнение, но только если речь не идет о демах. О каком благородстве речь, когда давишь подошвой грязного сапога тараканов? Вот и с этими отродьями свиней то же самое. Их надо давить. Просто давить. И не смущаться, когда бьешь в спину.

— Рад слышать, потому что сам думаю аналогично.

— Да? Значит, по духу вы матиец.

Я начал понимать, почему демы так ненавидят народ Саеда. Трудно воевать с противником, который не видит ничего зазорного в неожиданном нападении на спящий лагерь. Это ведь как-то не по-рыцарски. То есть напасть как бы можно, но при этом необходимо предупредить противника ревом боевых горнов или даже через посланцев, с письмом в духе «иду на вы». У врага будет возможность неспешно подняться, сделать зарядку, умыться, облачиться в доспехи и отправляться воевать. Кенгуд и прочие воюют против темных именно так, если речь не идет об ордах монстров.

С матийцами так не получится. Вскакивай и дерись как есть, хоть в исподнем. Или удирай в спасительную тьму, сверкая подштанниками.

Мне все больше и больше нравились новые союзники.

Демам меньше, чем матийцам, повезло с местом, где нашел последнее пристанище их корабль. Побережье в этих местах на всем протяжении обрывистое — почти вертикальный откос иной раз на тридцать — сорок метров ввысь. Глина вперемешку с камнями, изредка встречаются скалы, еще реже попадаются осыпи. Полоска пляжа узкая, сложена булыжниками разного размера. На мелководье вода пенится вокруг валунов-исполинов, дальше из глубины вздымаются пики рифов, иной раз натыканные столь густо, что образуют что-то вроде чуть затопленной щетки. Островов много, и почти все неприступные.

Попробуй вскарабкайся без навыков альпинизма и соответствующего снаряжения.

Вот и на береговой обрыв также хрен вскарабкаешься. Разве что воспользоваться руслом впадающего в море ручейка — их долины, как правило, легко проходимые.

Напротив лагеря матийцев такой ручеек был. У демов ничего подобного — ближайший путь наверх в полутора километрах от места кораблекрушения. Шагать по камням нелегко, тем более в доспехах и при тяжелом оружии — путь до тропы занимает у свиноедов минимум двадцать минут. Но они почему-то не сменили места жительства. Возможно, надеются отремонтировать галеру или продолжают спасать груз. Неизвестно. Но что бы ни было — враги устроились в месте, неудобном для обороны, но и, как и это ни парадоксально, напасть на них тоже непросто.

Разумная идея: поставить на береговом обрыве стрелков с луками и арбалетами, чтобы потом превратить противников в кровавое подобие ежиков. Столь великолепный план в первую очередь приходит в голову разнообразным дуракам, которые уверены, что единственно пригодное место для засады — это когда дорога входит в узкое ущелье с почти неприступными стенами. К сожалению, идея эта столь очевидна, что даже полный идиот ни за что не сунется в такую примитивную ловушку, не проверив перед этим, что происходит наверху.

Про демов я не могу сказать ничего хорошего, но вряд ли они тупее идиотов. Значит, обезопасить лагерь с этой стороны обязаны. Разведчики не подвели, подтвердив мои предположения. Свиноеды не поленились из камней сложить подобие бастиона, где наверняка расположился отряд лучших арбалетчиков. Взять их приступом можно, но это приведет к потерям — подходы хорошо просматриваются, не исключено, что ловушки приготовлены. Шипы в ногу, веревка низко натянутая — это враги умеют делать. Без потерь не обойдется, да и поднимется шум.

Что сделают демы внизу, поняв, что их людей атаковали? А вот что — зальют оба своих костра водой, достанут арбалеты и станут ждать. Чего именно они будут ждать? Того самого — когда наши стрелки выстроятся на краю обрыва.

Вот подумайте, что увидят наши лучники? Глубокая ночь, темнота, полоса пляжа в тени от обрыва, и там ни огонька. Юморист Альфонс Алле, нарисовав такую картину, дал ей название «Битва негров в глубокой пещере темной ночью». Широким массам более известен плагиат — «Черный квадрат», созданный кистью Казимира Малевича. Не думаю, что арбалетчики в той битве сумели бы блеснуть искусной стрельбой.

А что увидят демы снизу? Небо, даже в такую ночь, никогда

не бывает непроницаемо черным. На его фоне фигурки наших стрелков будут видны отчетливо. Красота: выстроились в ряд, будто потертые плюшевые игрушки в ярмарочном тире.

В общем, от идеи сурово покарать врагов при помощи стрел, пускаемых с обрыва вниз, я отказался. И даже вообще самоустранился от тактического планирования, не колеблясь переложив это дело на плечи Саеда. Во-первых, у него людей в три раза больше, чем у меня; во-вторых — хотелось проверить, на что он способен в деле. А ну как скомандует всем прыгать головой вниз, стараясь своими телами зашибить хотя бы одного свиноеда. Ведь какая распрекрасная выйдет смерть — героическая до полного идиотизма.

Может, у капитана матийцев и проскакивали подобные идеи, но вслух он озвучил принципиально иное:

— Сэр Дан. Мне кажется, нам для начала надо поискать другой путь вниз. Тот, что ближе к моему лагерю, давно никем не использовался — нет свежих следов. Демы, видимо, другой нашли, и он, совершенно очевидно, расположен дальше по берегу. И так же очевидно, что он тоже охраняется. Мне думается, расслышав шум нападения на лагерь, оба дозора разбегутся. Места здесь, как вы сами понимаете, малолюдные, и придется немало сил и времени затратить на поимку негодяев. Нет уж, накрывать — так всех сразу. Потому следует два отряда оставить у обрыва и тропы, чтобы ударили одновременно с основными силами. Причем тот, который у тропы, надо усилить. Расправившись с дозором, ему следует спуститься и перекрыть береговую полосу, дабы перехватывать спасающихся от праведного гнева свиноедов. А сами мы спустимся по ближней тропе, подойдем к лагерю по пляжу и, постаравшись подкрасться скрытно, обрушимся неожиданно. Укреплений у них нет, воинов тоже не столь много, арбалеты в темноте помогают мало. Как вам мой замысел?

— Разведчики говорили, что в лагере есть как минимум один грим. Боюсь, он почует приближение большого отряда.

При этих словах Саед поморщился. Было отчего. Гримы — та еще проблема. Громадные собаки, злобные, быстрые, с отличным нюхом. В свое время я немало адреналина получил, впервые столкнувшись с этими тварями.

— Грим легко умирает от честного железа, — ответил матиец. — Ну а что до неожиданности нападения… Даже если он почует заранее, они все равно не сразу нас разглядят. Луна удачно расположилась — пляж в тени остался. В любом случае я не могу придумать идею получше. Переносить атаку на утро чревато излишними потерями — их арбалетчики смогут стрелять

издали. Или у вас есть другой план?

— Да нет, согласен. Но есть маленькое дополнение. Будет лучше, если для вырезания дозоров оставить хороших стрелков. Наверху посветлее, не мешает тень от обрыва — луки и арбалеты не будут лишними.

— Это вы хорошо придумали.

— К тому же, если внизу костры не успеют погасить, ребята, перебив дозорных, помогут сверху стрелами.

— Не хочу вас огорчать, но в такой темноте отличить дема от честного человека не всегда возможно. Будет печально, если стрелы поразят своих.

Да уж, не подумав ляпнул. Нормальный герой, естественно, легко выпутывается из таких ситуаций, приказывая своим людям привязать на левую руку белую тряпку или что-то в этом роде. Но мне бы не хотелось вступать в бой, зная, что на высоте девятиэтажного дома стоят стрелки и, подслеповато щурясь, пытаются что-то высмотреть в круговерти драки, более чем скудно подсвечиваемой отблесками костров.

Нет уж, попадать под «дружественный огонь» в мои планы не входит.

— Да. Верно. Не подумал. Оставляем все как есть?

— Если не возражаете, приступим. Не до утра же нам здесь разговоры вести!

За свою короткую здешнюю жизнь я столько раз в бой ходил, что не стыдно со счета сбиться. И каждый раз одно и то же: поначалу нервничаешь, стараясь внешне этого не показывать, страх, само собой, пощипывает, а потом, как только доходит до настоящего дела, — все лишнее будто обрезает. Когда речь заходит о смерти, суета и ненужные мысли сами собой сходят на нет.

Вот и сейчас я не изменил себе. Пока отряд шагал по камням пляжа, вздрагивал от каждого звука постороннего, от тени угрожающей, мурашками морозными покрывался. Взгляды из темноты мерещились, скользкий шелест извлекаемых из ножен клинков и скрип натягиваемых арбалетов. Хотя шагать старались тихо, но как вы можете себе представить бесшумным шествие шести десятков взрослых мужчин, у которых хватает доспехов и разнообразного холодного оружия. Лязг такой шел, будто железнодорожные вагоны сцепляют. Я не сомневался, что эту какофонию расслышали еще на стадии спуска к берегу. Тем более что один из матийцев там ухитрился поскользнуться, после чего кубарем прокатился метров тридцать, громыхая стальной кирасой о каждый камень и поминая при этом имя Господа всуе.

Отделался ушибами и сломанной рукой, так что еще до начала боя мы понесли первые потери. Саед на это философски заявил, что ничего другого не ожидал, потому как его люди ходить горазды лишь по корабельной палубе, а на суше беспомощней младенцев.

Надо сказать, что разговор он вел как обычно: громко, ничего не таясь. Я был почти уверен, что демы, разбуженные жутким грохотом разбивающегося латника, расслышали все до единого слова.

Но странное дело — наш шумный «паровоз» приближался, а лагерь продолжал спать. Никто не суетился вокруг костров, пытаясь залить их водой, не метался по пляжу, размахивая факелом, выкрикивая при этом призывы к бою. Воспаленное воображение заставляло подозревать о коварнейшей ловушке, нам уготованной, что не прибавляло душевного спокойствия.

Лагерь все ближе и ближе. Отблески костра освещают импровизированные палатки, сделанные из парусов, сгорбленные фигурки часовых возле костров. Желтые огоньки играют на гребнях ленивых ночных волн, чуть дальше от берега к невидимому горизонту протянулась серебристая лунная дорога. Не холодно, но меня бьет озноб. Будто двоечник-первоклассник, собирающийся предъявить папе дневник с итогами далеко не лучшей недели.

А ведь папа сегодня очень не в духе…

Зато когда впереди утробно, низко рыкнули, а потом завыли в два тошнотворных голоса, мурашки сбежали прочь со скоростью гоночного болида, и мгновенно стало жарко. Голова опустела, сухие ладони перехватили древко Штучки. Постепенно переходя на легкий бег, я одним глазом старался посматривать под ноги, чтобы не споткнуться о не вовремя подвернувшийся валун, а другим уставился на лагерь врага, начиная «наводиться на цель».

Там наконец очнулись. Похоже, шум волн и впрямь отлично маскирует, раз только сейчас нас обнаружили. После короткого, но впечатляющего концерта в исполнении пары гримов из палаток начали выскакивать человеческие фигурки, за пределами освещенного кострами пространства тоже наблюдалось подозрительное шевеление. Не всем хватило места под парусиной — некоторые ночевали среди камней.

Зверюг или с поводков спустили, или они не были привязаны, но среди человеческой суеты я прекрасно рассмотрел два коренастых сгустка тьмы, несущихся в нашу сторону. Надо сказать, тяжелыми доспехами я себя не обременял. Кто-то наверняка думает, что таскать их просто, и вообще сущее удовольствие, а я вот попробовал раз — и отказался. Может, и

впрямь безопаснее, но при этом приходится жертвовать подвижностью, а это очень весомый минус. Реакция у меня с детства отличная, двигаюсь быстро — зачем мне лишаться своих основных козырей? Тук и прочие не один раз пытались заставить сэра стража отказаться от такой самоубийственной привычки, но не преуспели. В итоге отстали и даже, если не ошибаюсь, зауважали. Теперь я у этих бывших пиратов, наверное, кем-то вроде берсерка считаюсь. Или мазохиста…

Благодаря легкости амуниции я находился на острие атаки. Рядом со мной лишь несколько разведчиков — кроме несерьезных кольчуг, на них ничего не было. Основные силы матийцев плелись позади. Эти защитой не пренебрегали: кирасы, пластинчатые доспехи, стальные шлемы. Все тяжелое и во многом копирует изделия демов. У них тоже имеется такая же особенность: железо при необходимости можно скинуть, рванув пару лямок на боках. Очень практично, если речь идет о сражениях на море, — ведь угодить при абордаже за борт проще простого, а остаться на плаву в пудовой одежке гораздо сложнее.

В общем, гримы не придумали ничего лучшего, как атаковать ближайшие цели. А именно — меня и пару быстроногих разведчиков.

— Стоп! — прикрикнул я, выставляя Штучку на изготовку.

Первая тварь, как и надеялся, кинулась на меня, не обращая внимания на безобидную с виду палку. Гримы не такие уж тупые и понимают, что без наконечника она для них не опасна.

Торцом успел встретить разогнавшуюся тушу, одновременно подавая вперед пальцем. Уж не знаю, на каких принципах основывается работа этого оружия, но конструкцией вроде выкидного ножа здесь и не пахнет. Серебристая сталь будто рождается на конце древка, в один миг выстраиваясь в форму изогнутого клинка, с одной стороны заточенного до бритвенной остроты на всю длину ровной кромки, с другой до середины, и кромка там причудливо волнистая.

И еще кое-что. Если в этот момент перед торцом Штучки будет находиться какое-то препятствие, сталь возникнет прямо в нем, расшвыривая в стороны клочья уже бывшего препятствия. Не суть важно, что там за материал. Я экспериментировал с керамикой, деревом, камнем — все одинаково разлетается в жалкий хлам.

С плотью тоже экспериментировал. Причем с живой. Приходилось…

Морда «мастифа-переростка» взорвалась. На левую щеку брызнуло теплым и омерзительным. Не обращая на это внимания, я обернулся ко второй твари, пойманной разведчиками на копья.

Несмотря на страшные раны, она неистово металась, стараясь вырваться и кого-нибудь начать рвать.

Взмахнуть Штучкой я не успел — кто-то опередил, выскочив из тьмы, и с замаха опустил лезвие алебарды на шею твари, одновременно заорав:

— Матия!

— Матия! Матия! Матия! — вразнобой выдали десятки глоток.

Я хоть и устранился от лишнего и суетного, но не мог не отметить, что при подобном способе хоровой декламации слышится не «Матия», а «мать ее». Будь ситуация иной, взгрустнул бы, вспоминая затерянный в другом пространстве дом.

Хрясь — за спиной кто-то разрядил арбалет. Демы не запаниковали, пытаются выстроиться на границе лагеря, ощетинив стальной строй копьями, но чуть-чуть не успевают. Да и строй от стального далек — доспехи далеко не у всех, и даже у тех, кто нацепил, не затянуты, а просто наброшены, болтаются вроде неудобного пончо. Спорное решение — больше мешают, чем помогают.

Из фрагментарного строя навстречу делает шаг рослый детина, защищенный лишь нательной рубахой. На лезвии его копья сверкает красноватый отблеск костра. Резко притормаживаю, полушаг в сторону с одновременным движением левой рукой. Рукоять Штучки отбивает выпад противника, возвратным движением серебряная сталь опускается в ту точку, где шея переходит в плечо, чиркает, разваливая мясо до костей. После этого пинаю раненного в голень, а подскочивший разведчик добавляет ему мечом. Наискось рубанул следующего, чуть правее с кем-то сцепившегося, и, рванув вперед, оказываюсь в тылу вражеского строя.

А вот теперь можно работать всерьез. Штучка прекрасно помогает в любой ситуации, но наиболее полно ее талант раскрывается на просторе. Легкое, почти невесомое древко в рост человека, прекрасно сбалансированное и оснащенное лезвием, способным рассекать в воздухе подброшенные куски железной проволоки.

Дзинь — в ночи брызнул сноп искр, с печальным звоном покатился по камням обломок меча. И поделом — нечего пытаться остановить бег Штучки какой-то ржавой железякой. Кожаный доспех расступается под лезвием, будто свежий блин под кухонным ножом. Оружие легко выходит из раны, раскручивается над головой и змеиным броском устремляется к следующей жертве. Этот детина, видимо, в рубашке родился — ухитрился успеть прикрыться щитом. Защита одноразовая —

расположовинило, но второго удара нанести не успеваю — враг падает от алебарды прорвавшегося матийца.

Нет — все же не в рубашке…

За спиной кто-то поет бакайскую боевую песню с незатейливой мелодией. Впрочем, звук работы бетономешалки, которую засыпали пустыми жестянками, больше похож на мелодию, чем эта какофония. Да и песней назвать тоже сложно — будто вопль слона, ухитрившегося наступить себе на яйца всеми четырьмя ногами.

Звон стали, крики ярости и боли, отчаянные вопли Саеда, пытающегося что-то командовать. Людской массе на команды сейчас наплевать. Ночной бой, встречный, рассыпным строем — противники сцепились, и теперь победит тот, кто передавит вражеский напор.

Нас больше, мы лучше подготовлены, мы заранее знали, что сейчас будет, а вот демы пусть и хорошие вояки, но опрометчиво сочли побережье настолько безопасным, что можно спать без доспехов. Мы давим, они поддаются.

Хлипкий, дырявый строй с ходу прорвали в нескольких местах, и самых шустрых, быстро соображающих демов покрошили в первую минуту схватки. Каким бы ты ни был воином, не выстоишь долго, получая удары со всех сторон. Самые разгоряченные матийцы и мои ребята, наплевав на крики командиров, промчались по лагерю, рубя на ходу запоздавших противников, — некоторые только начали выползать из палаток, а главаря оты, как потом рассказывали, закололи завернутым в одеяло. Видимо, в суматохе запутался.

Неудачник…

Я толком не успел начать воевать, как пришлось остановиться из-за обидной причины. Громыхающая сталью стена сомкнувшихся в неровную линию матийских моряков паровым катком прошла по жалким остаткам вражеского строя, и как раз в этот момент моя нога неудачно застряла между камнями. Пытаясь удержать равновесие, сильно наклонился, а пробегающий мимо союзник все усложнил, нечаянно толкнув плечом. В общем, я упал. Хорошо упал — со звоном растянулся на камнях. И вот же обидно — не успел даже начать подниматься, как кто-то промчался по спине и при этом даже не подумал проявить хоть каплю нежности. Наверное, за убитого принял.

В общем, пока я наконец выпрямился во весь рост, бой переместился на противоположный край лагеря. Да и не бой это был, а так… избиение.

Оглянувшись по сторонам, я, понадеявшись, что мой позор остался незамеченным, бросился на шум схватки — там

затравленно столпились уцелевшие демы, окруженные со всех сторон:

— Живьем! Живьем хватайте! Вяжите их!

Саед из темноты прокричал:

— Лютой казни хотите предать?!

— Да есть у меня на них планы! Вяжите их!

Надо сказать, не все демы согласились на предложение сдачи. Несколько попыталось пробиться через окружение, направляясь почему-то к воде. Возможно, предпочитали утонуть, нежели попасть в плен к заклятым врагам. Ведь не зря они так матийцев ненавидят — видимо, накопились счеты.

Уйти не смог ни один.

Глава 4
ЭКСКУРСИЯ

Бой, несмотря на скоротечность и кажущуюся легкость, дался нам не бесплатно. У матийцев было трое убитых и восемь серьезно раненных, если не считать моряка, сломавшего руку. Своими ребятами я мог гордиться — никого не потеряли, но пятерых зацепило, причем двоих тяжело. Стрела, пушенная наобум, в ночь, кем-то из своих, насквозь пронзила основание шеи одного, чудом не задев артерию или что-нибудь другое, не менее жизненно важное, второй схлопотал по голове и демонстрировал все признаки сильного сотрясения мозга. Хорошо, что череп выдержал, но все равно дело неприятное.

На берегу остались тридцать семь вражеских тел, считая с теми, кого добили после боя: возиться с ранеными свиноедами никто не стал. Живыми и относительно невредимыми (ну не считать же синяки, ссадины и выбитые зубы серьезными травмами) взяли двенадцать. Еще, вот уж чудеса, в лагере освободили восемь рабов. Выходит, не все гребцы погибли при крушении — несколько, несмотря на цепи, ухитрились выбраться из штормящего моря и хозяева убивать их не стали.

Трофеи оказались небогатыми — немного оружия и доспехов. Демам повезло гораздо меньше, чем матийцам. Гребцы рассказали, что галеру поначалу приложило о камни вдали от берега, и многие, запаниковав, бросились вплавь чуть ли не голышом. Когда ее сорвало волнами и принесло поближе, немало добра смыло за борт, а еще больше просыпалось вниз при втором, самом сильном ударе, из-за которого сильно пострадал нос. Морская вода, раз за разом врываясь в пробоину, подмела с палубы кучу полезного барахла. Этим отчасти и объясняются наши незначительные потери — врагам попросту нечем было отбиваться. Убитым матийцам не повезло нарваться на кучку самых лучших воинов. Им бы, это поняв, не переть дурными лосями, а окружить, дожидаясь приличного подкрепления, но неуместная удаль заставила идти напролом впереди всех. А так бы, глядишь, и вообще одними ранеными обошлось.

Утром невыспавшиеся, усталые как собаки, мы потащились в лагерь матийцев, подгоняя пленников, нагруженных скудной добычей. Мрачный Саед, догнав меня, поведал о печальном:

— Корыто свиноедов больше никогда и никуда не поплывет. Конструкция там простая, и отремонтировать несложно, но только не в том случае, когда прямо посредине ломается балка

киля. Еще один шторм или два, если сильно повезет, — и от их лоханки одни щепки останутся. А ведь я, признаться, очень надеялся на лучшее. Вы же понимаете, в какой мы оказались ситуации: нам очень нужен корабль. Любой. Пусть даже такой. Лишь бы мог выйти в море. Кстати, вы уже решили, каким способом покараете этих животных? Если нет, то у меня есть парочка весьма занятных идей.

— Да. Придумал.

— Вот и чудесно. Когда думаете совершить казнь? Народу будет радостно узнать.

— Пленников двенадцать, перед началом боя мы договаривались добычу делить пополам. Так вот, если их поделим тоже, то своих шестерых я убивать не стану. Пока не стану.

— Вот как? Интригуете… Не хотите утолить мое любопытство?

— Они будут умирать медленно, и их смерть приблизит смерть всего их рода.

— Я что-то еще больше запутался…

— Саед… Я так понимаю, срочных дел у вас сейчас нет?

— Ну… раз нет корабля… Какие у меня могут быть срочные дела?!

— Давайте я вас приглашу в гости вместе со всей командой. А по пути в мой замок мы кое-куда заглянем.

— Я так понимаю, что именно там появится возможность утолить мое любопытство?

— Да. Иногда лучше один раз увидеть, чем часами выслушивать объяснения. Это не первые демы, пойманные на моей земле, — у нас умеют с ними обращаться. Поверьте, вам понравится то, что с ними произойдет.

Если откровенно, я тоже очень старался поверить в свои слова. Саед внешне казался человеком приличным и по местным меркам практически добрым, но все, что мне доводилось слышать про матийцев, подсказывало — внешность может быть обманчивой. Ведь не зря демы ненавидели их настолько, что один взгляд на характерно изогнутый меч приводил свиноедов в неописуемую ярость. Не так давно лично в этом убедился, причем на собственной шкуре.

Вот взять хотя бы их милый обычай «Лепестки на воде». Под столь невинно поэтическим названием скрывается лютое живодерство. Схваченных демов сажают на колья, после чего умирающих расставляют на плотах и отпускают странствовать по морским волнам. Нетрудно представить реакцию друзей,

соратников, родственников, столкнувшихся во время плавания с таким зрелищем.

В общем, у меня имелись опасения, что Саед посчитает мой способ обращения с пленниками чересчур гуманным. Надо будет постараться вбить в его голову хоть часть своих грандиозных идей — мне до зарезу нужны адекватные союзники. Пусть даже во всей их стране один боевой корабль остался. Корабли ведь дело наживное, а друзей много не бывает.

Я тоже не люблю демов, но, как человек прагматичный, чураюсь бессмысленной жестокости. Пусть подыхают с пользой для дела.

Еще не так давно я мог сесть за руль автомобиля и без проблем промчаться за час семьдесят — сто километров. Увы, здесь это считалось серьезнейшим расстоянием, и отряд, обремененный поклажей и ранеными, преодолевал его за два — четыре дня, в зависимости от рельефа местности и состояния дороги. Лошади, конечно, могли поправить положение, но у нас их было слишком мало для такого похода — ведь я не рассчитывал на толпу гостей, когда выступал в рейд. Оставлять большую часть матийцев на побережье счел плохой идеей — там не самое безопасное место. Правда, сразу послал гонца в Мальрок, чтобы пригнали коней. Дорога от замка до цели нашего пути имелась, причем отличная — ведь в начале весны на ней поработали сотни рук. Три новых моста возвели и один восстановили, не говоря о мелочах.

Два дня наш объединенный отряд шел по безлюдной земле, почти строго придерживаясь северо-западного направления. Холмы становились все выше и выше, все чаще и чаще почву пронзали выпирающие из земли зубья каменных выходов, начали появляться серьезные скалы на вершинах и по склонам долин. Встреченные речушки и ручьи заваливали русла труднопроходимыми нагромождениями валунов, меж которых шумно пенилась вода, пугая лошадей. Нахальная форель безбоязненно наведывалась на шум переправ, так же беспечно вели себя птицы и мелкое зверье, благодаря чему наш котел регулярно пополнялся свежей дичью. Почти везде с двух сторон над тропой нависали зеленые стены горных лесов. Народ здесь и раньше не очень-то селиться любил, а после проделок солдат Кенгуда и вовсе повымирал. Деревеньки встречались редко, выглядели бедно, а иногда и откровенно страшно. Очень уж любит местный фольклор населять заброшенные места различными неприятными созданиями.

Возможно, не все в них выдумано… В таких местах самое

время начинать верить в разную чертовщину.

Наутро третьего дня выбравшись на очередной водораздел, на удивление лысый, лишенный даже чахлых кустиков, впереди увидели настоящие горы. Точнее, даже не горы, а как бы это сказать… Я когда впервые сюда попал, почему-то вспомнил кадры, сделанные на крупнейших гидроэлектростанциях Земли. Эдакие бетонные стены немыслимой высоты, причудливо изогнутые, громадные, монструозные и, несмотря на это, выглядевшие элегантно.

Здесь тоже было нечто подобное, но куда более грандиозное. Скальная стена, в самых низких местах полукилометровой высоты, чуть ли не вертикальная, практически ровная. Складки и выщерблины издали незаметны, цвет однородный, светло-серый — легко можно за бетон принять. При близком рассмотрении, конечно, понимаешь, что это природа поработала, но все равно поражаешься ее размаху и затейливости. Ведь, как правило, она чурается ровных линий, тем более в таких масштабах.

Не один я был под впечатлением — матийцы, попавшие сюда впервые, возбужденно загомонили, уставившись на скальную стену. Пришлось взять на себя роль гида:

— То, что вы видите, похоже на стену замка для богов, но на самом деле это обычная гора, и называется она Щит Бахтарсаха.

— Бахтарсах? — удивился Саед. — Ведь это, если не ошибаюсь, языческий демон, покровитель кузнецов, незаконнорожденный сын божества огня.

— Да. Это старое название. От язычников осталось. Церковники, правда, пытались изменить его на «Расколотый щит», но ничего у них из этого не вышло.

— А почему расколотый?

— Думаю, к полудню вы сами найдете ответ на этот вопрос.

В своем прогнозе я не ошибся — еще до полудня мы добрались до тропы, тянувшейся вдоль подножия исполинской скалы, и за незначительным изгибом Щита обнаружилось единственное ущелье, его рассекающее.

— Саед, если на это место взглянуть издали, желательно со стороны дороги, что ведет к Мальроку, то ущелье покажется следом от топора, рассекшего этот щит.

— Даже с этой стороны оно похоже именно на это. Какое удивительное место. Я бы даже сказал, странное. В старых легендах говорится о великанах. Может, это сделано их руками?

— Не удивлюсь. Более странной горы я тоже никогда не видел. Эта стена почти ровная и тянется на два дня пути. Нигде через нее не перебраться, кроме этого места, но и здесь далеко не уйдешь. Потому что дальше ущелье расширяется в долину, но

потом ее преграждает почти такая же стена. Троп наверх нет, а просто так, если лезть напрямик, шею свернешь. Склоны ущелья тоже не подарок — очень крутые, а местами отвесные. Вот и называют его Секира Великана, как вы уже догадались. Там я держу своих демов, так что через пару часов вы наконец узнаете, какая участь уготована моим пленникам.

На въезде в Секиру обнаружились свежие следы человеческой деятельности. Ширина ущелья здесь не превышала километра, и на всем протяжении его перекрывала стена. Точнее, вал — высокое нагромождение камней без раствора. Единственный проход располагался в низкой башне — вот здесь на кладке не экономили. Множество моих подданных и пленников около месяца трудились, чтобы это убожество возвести, о чем я и сообщил Саеду.

— Сэр Дан, но зачем вам понадобилось делать эту стену? Чтобы ее защитить, понадобится не одна сотня воинов, и все равно перебраться через нее будет не слишком сложно.

— Эта стена замыкает единственный вход в долину. Будь у меня больше рабочих и времени, я бы, конечно, соорудил что-то посерьезнее, но пока приходится обходиться тем, что есть. Она не от врагов. В долине куча пленных демов, и это мешает им разбежаться.

— Как я уже говорил — не так уж трудно перебраться через эту преграду.

— Согласен. Но это гораздо сложнее, если на ноге у тебя цепь с тяжелым грузом, а по гребню стены днем и ночью ходят патрули с собаками. При свете незамеченным подобраться очень трудно — с другой стороны вырублены все кустики и деревья. А на ночь демов запирают в бараки с крепкими стенами, тщательно их перед этим пересчитывая. Пока что ни один не смог уйти, хотя попытки предпринимали.

— Разумные меры… Но до сих пор не могу понять: зачем вы их здесь держите, расходуя продовольствие на эту шваль?

— Пожалуй, пришло время начать давать объяснения.

Я не специалист и понятия не имею, какие силы создали эту природную стену и рубленую рану ущелья. Но догадываюсь, что процессы здесь протекали достаточно интересные и бурные. Помимо внешней зрелищности, у этого природного феномена имелась полезная начинка, несведущему глазу незаметная, даже если смотреть в упор. Люди не любили здесь жить, но наведывались сюда часто. Зачем? Да за этой самой начинкой.

Ведь не просто так название этого места связано с кузнечным делом…

— Видите стены этого ущелья?

— Разумеется.

— На всем протяжении они пронизаны рудными жилами. Здесь издавна добывают свинец, есть немного меди и даже серебра. Железо тоже имеется, хотя и не очень хорошего качества, а в ручье, что берет начало в долине, встречаются песчинки и мелкие зерна золота. Но, к сожалению, его там слишком мало, чтобы думать о серьезной добыче. Но вот насчет всего остального… Сэр Саед, как по-вашему: какие из металлов самые важные для войны?

— Железо, золото и серебро, — почти не задумываясь, ответил матиец.

— Верно. Железо — это оружие и доспехи, а благородные металлы, или, точнее, монеты из них — предназначены для снабжения армии и флота. Можно вести войну, не имея этих металлов?

— Вести, разумеется, можно, но вряд ли боевые действия будут успешными.

— Полностью с вами согласен. А теперь войдите в мое положение. Межгорье подчистую разграблено ортарцами. К тому же они перебили почти всех жителей. В итоге я правлю краем, где очень мало людей. Но даже если у меня получится набрать где-то армию, ее нечем будет вооружать.

— Кажется, понимаю… В этой долине у вас каторга? Рудник?

— И не один. И не только рудник. Здесь мы добываем железо, здесь же его плавим. Не те примитивные малые горны, что у кузнецов дымят на задних дворах, а огромные печи. Вскоре вы их увидите. Помимо железа, очень много добываем свинца. Нам он в таких количествах не нужен, вывозить его на продажу пока что нет возможности — слишком тяжел, а стоит недорого. Но он идет попутно при добыче меди и серебра. Серебро использую для закупок в Ортаре всего, чего нам не хватает. И еще есть применение: привлекаю к нам людей, в том числе и звонкой монетой. Стыдно признать, но даже беглых крестьян принимаю, хотя это строго запрещено королевским указом. Но я в безвыходном положении — ведь у меня каждая пара рук на вес золота. Ненавижу демов, но даже их заставил служить на пользу моему делу. Условия работы на рудниках и особенно возле печей — ужасные, если не сказать хуже. Сомневаюсь, что эти твари протянут долго. Да вы сами скоро убедитесь, что лучше мучительная смерть, чем их существование.

Беседу пришлось прервать: подошли к воротам. Стража была заранее предупреждена гонцом о нашем приближении и не стала поднимать тревоги. Гостеприимно распахнулись створки,

управляющий рудника, младший брат Грата, выскочил с докладом:

— Сэр страж, у нас полный порядок. Был, правда, обвал в той старой серебряной шахте, которую пытаемся раскопать с другой стороны, но никого не зашибло, хвала небесам. А Южанин грозится вот-вот запустить вторую печь. Руды на нее перевели прорву и почти весь уголь. Надо бы с углем что-то придумать поскорее, а то ведь практически без запасов остались. Я бы и сам им занялся, но в долине леса на отжиг нет, и поблизости тоже одни кусты кривые, а вдали его брать не получится: мало охраны, не уследим за демами в чаще.

— Насчет угля не переживай: через неделю, не позже, придут первые телеги. Что там по первой печи?

— Да все то же: вот-вот рассыплется. Если и со второй такое получится, я тогда… Не мое, конечно, дело, но неплохо бы Южанина на кол посадить. Специально, поди, вредит.

Я бы и сам не против люто казнить своего главного металлурга, но нельзя. С ним все получилось странно и спонтанно, вопреки собственным желаниям поступил.

Когда меня перед заброской фаршировали знаниями, я в том числе получил «металлургический минимум». Набор технологий, который по идее может помочь, если я попаду в достаточно развитый мир, но отстающий от нашего. Приблизительно в «эпоху пара», но ни в коем случае не раньше, иначе столкнусь с непреодолимыми трудностями. Там, базируясь на местной промышленности и слегка ее модернизируя, я должен был создать портальную установку, пробив с ее помощью дорогу к Земле.

Увы — здесь о паровых машинах никто ничего не слышал. Я попал в несколько более раннюю эпоху, если не сказать хуже. На этот случай меня тоже готовили, но как бы это сказать… Без особого старания, что ли. Ведь даже чахоточной корове понятно, что, имея производственную базу в виде кузниц с кожаными мехами и глиняными горнами для плавки низкокачественного железа, я вряд ли смогу создать множество тонких деталей со строго выверенными размерами, чистые сплавы, километры тончайшей изолированной проволоки со строго выдержанным сечением, вакуумные лампы и прочее-прочее. Так что знания, которые сейчас действительно могут пригодиться, я получал в гомеопатических дозах.

Смешно, но я даже стали нормальной получить не могу. Под словом «нормальная» подразумеваю промышленные методы производства. Местная сталь изготавливается кустарно, с большими трудозатратами, методом кузнечной сварки. Да, тот

самый булат, который одной левой обязаны на коленке стряпать люди в моей ситуации. А то, что для получения одного-единственного, не самого выдающегося клинка в местных реалиях надо затратить сотни человеко-часов высококвалифицированного труда…

У меня нет возможности тратить такие усилия ради мизерного результата. Девяносто процентов моих подданных заняты добычей хлеба насущного: пашут, ловят рыбу, пасут скот, охотятся. Отвлекать приличные силы возможно лишь в периоды, когда сельскохозяйственные работы ведутся вяло. То есть между вспашкой, посевной, уборочной и прочим. К тому же массы эти неквалифицированны — к наковальне их не поставишь. Их удел — строительство, дорожные работы, лесозаготовки, выжиг древесного угля, карьерные работы.

Оставшиеся десять процентов — это армия и мастеровые. В основном, увы, армия. Толпа бездельников…

Последний процент можно поднять, улучшив производительность труда. К примеру, вместо корявой сохи ввести передовые плуги, вместо деревянных лопат — стальные. Серпы тоже анахронизм — даешь жатки или как минимум хорошие косы. Сеялки, само собой, механические молотилки и прочее. Вот тут мы и сталкиваемся с проблемой: первым делом необходим металл, причем высокого качества, получать который здесь могут только кузнечной сваркой — долгим и крайне непроизводительным способом. Не говоря уже о том, что даже дрянное железо здесь на каждом шагу не валяется, его производство ничтожно.

Кстати, проблема эта историческая. В Древнем мире на одного человека приходились сотни граммов добытого железа. Причем не в год, а за целую жизнь. Именно с резкого повышения этой цифры началась промышленная революция — человечество сделало мощный скачок, сумев найти достойное применение почти бесполезному прежде чугуну. Он ведь ни на что не годился, кроме разве что пушечных ядер и прочих малополезных вещей. Доходило до того, что из его слитков фундаменты зданий возводили. Но все изменилось, когда человек научился переделывать его в сталь.

Вернемся к моей ситуации и начнем с первых шагов: как добывают металл здешние кузнецы? Очень просто. Железо на Земле дефицитом не являлось, и здесь картина схожая. Кто-то черпает болотную руду, другие ходят по оврагам, выискивая камни с заметными следами ржавчины. Собрав кучу сырья, перемешивают его с углем послойно в примитивных печах и зажигают. Затем с умным видом следят за процессом горения, в

итоге извлекая на свет остывшие кучи шлака. Поплевав на руки, берутся за каменную кувалду и начинают этот шлак громить, освобождая капли застывшего железа.

Железо, признаюсь честно, дрянное: мягкое, загрязненное вкраплениями шлака, разное по составу, охотно и быстро ржавеющее. Ножи из него тупятся, будто из мягкой меди сделаны, мечи приходится ковать грубые, тяжелые, иначе согнутся при ударе о щит или доспехи, да и зарубки никому не нужны, не говоря уже о тенденции ломаться пополам или у рукояти. Заточка, само собой, не из тех, при которой можно рассечь подброшенный в воздух шелковый платок.

Но и такой металл ценится дорого — из-за высокой трудоемкости работ. Вкалывать ради него приходится долго, а выход мизерный.

Сталь вообще тема больная… Ее изготавливают из того же сырого железа. Долго и нудно перековывают разносортный металл в полоски, прутья или что-то еще — у каждого мастера свои секреты. Сваривают при помощи тоже секретных флюсов, монотонно обстукивая молотами, по много раз нагревая, опять перековывают, опять сваривают. Процесс долгий, нудный, не прощающий ошибок. Грат как-то обмолвился, что выкованный прут он рубит вдвое, сваривает половинки с помощью смеси чугунной пудры и растолченного до пыли угля, полученного из ореховой скорлупы, — того самого «секретного флюса». Затем прут вытягивает до прежней длины, опять рубит, повторяя это двести сорок шесть раз. Для изготовления заготовки для одного благородного меча таких прутов нужно два десятка. Да и железо какое попало нельзя пускать — отборное подавай, к тому же разных видов.

Кстати, местный булат обожает ржаветь. Не знаю — может, и земному это свойственно. Лишь матийские клинки исключение и оружие демов, но и те и другие строго хранят свои секреты.

Ладно, отвлекся. В общем, если я хочу иметь сильную армию и развитые владения, мне нужно обеспечить сырьевую базу. Местные технологии не годятся — с их темпом я скорее правнуков дождусь, чем впечатляющих результатов.

С чего я начинал? Да с того самого первого звена металлургической цепи — запретил кузнецам заниматься поиском руды и ее плавкой. Понимания эта мера не встретила, и мне где кулаком, а где уговором пришлось действовать. Ваше дело, пролетарии, молотом махать, создавая орудия труда и войны, а добычу и прочее оставьте другим.

Кому именно можно поручить металлургию?

Хороший вопрос… Взять на себя? Поначалу так и хотел. Я

понимал, что вряд ли смогу создать печь на основе восстановления железа водородом или даже старый добрый мартен. Очень жаль — ведь более-менее хорошо помню, что там потребуется сделать. Уж это в меня вбить постарались. Но не с нынешними возможностями за такое браться…

С более примитивными технологиями дело обстоит хуже — знаю меньше, а понимаю еще меньше. Ведь с тем же мартеном, допустим, можно связываться, лишь имея приличную базу, а это значит, что для этого найдутся специалисты. Не придется самому ломать голову над проблемами вроде огнеупорных кирпичей — это сделают за меня, на основе своих знаний и опыта.

Здесь специалистов нет, и взять их негде. Мастера вроде Грата знают только горн и монотонную перековку прутьев.

Помог случай. Одна из захваченных галер демов была новенькой — перед походом спущена на воду. По древнему обычаю мастер, руководивший работами на верфи, обязан был пойти в первое плавание. Своего рода гарантия — чтобы брак не гнали. Кому захочется утонуть из-за собственной халатности?

В бой этот мастер не лез и потому был схвачен живым и почти не пострадавшим. Я не сразу осознал, какое сокровище заполучил, и гнить бы ему в общей куче, вдыхая ядовитую пыль на руднике или дым у свинцовой печи, но тут вмешался второй случай: дем оказался не из глупых и быстро понял, что если ничего срочно не изменить в своей судьбе, то очень скоро придется ставить точку в биографии. Когда я нагрянул на каторгу с очередной проверкой, он попросту бухнулся мне в ноги и скороговоркой выпалил, что может быть полезен, если сэру стражу нужен помощник, знающий секреты выплавки серебра.

Секреты эти я и без него знал и давно использовал, отработав на практике, но так как тоже дураком не был, догадался, что специалист по плавке драгоценного металла может и про железо кое-что знать. А у меня как раз был трудный период. Очередная попытка соорудить домну оказалась достаточно успешной — я получил кучу бесполезного чугуна, затратив на это все запасы угля и руды, после чего оказался в технологическом тупике.

Чугун — это, конечно, тоже достижение, но вот переделать его в сталь почему-то не получалось. А это плохо… Мастера смотрели на меня косо, дивясь ресурсоемким чудачествам стража. К тому же чугун получился паршивый — загрязнен все тем же шлаком, и как это поправить с минимальными трудозатратами, я не знал, а если бы и знал, то какой в этом смысл, если не представляю, что с ним делать дальше?

Зачем мне чугун? Из него не выковать меч или лезвие для косы. Разве что наковальню можно отлить, но здесь возникает

новая проблема: я весьма смутно представляю процедуру литья.

Нет, в теории все прекрасно. Лепим из воска нужную форму, далее закапываем ее в глину, и… «Гладко было на бумаге, да забыли про овраги…» В моем мире развелось теоретиков-всезнаек, а стоит заставить такого делом заняться, так не сможет гвоздь в деревянную стену забить, не говоря уже о более крепких материалах. Вот и я ничем не лучше них. Какой воск необходим — ведь, как оказывается, он не одного вида? Какая глина не даст просадки и трещин от температуры и давления тяжелого расплава? И как не допустить образования чугунной пробки в самом начале процесса, иначе получим жалкий огрызок формы? А каверны и прочие дефекты? Как их избегать?

Ответы на эти и многие другие вопросы мне были неизвестны.

Зато Южанин их знал.

Что такое корабельный мастер? Я наивно считал, что это человек, занимающийся работами на верфи, не более. Так и есть, но лишь отчасти. Настоящий мастер, галеры которого идут нарасхват, контролирует движение каждого атома, из которых в итоге будет состоять его судно. Он знает, где брали руду, из которой выплавили железо для гвоздей и скоб, в каком лесу рубили деревья для досок обшивки и брусьев шпангоута, как звали ткачих, работавших над парусами.

В идеале он знает тонкости всех сопутствующих процессов.

Южанин идеалом не был, но знал куда больше моего. И даже более того: будучи человеком неглупым, он к тому же легко воспринимал новые идеи и очень внимательно прислушивался к моему невнятному бормотанию, когда я пытался описать принципы передовых металлургических процессов. А то Грату объясняй не объясняй, а он лишь затылок чешет и одно отвечает: «А на кой оно нам вообще надо, если дедовский способ все равно лучше и вообще единственно правильный?»

В общем, Южанин оказался идеальным помощником для «горе-теоретика» — влет воспринимающий его невразумительные идеи, все понимающий с полуслова. Даже то, что толком не понимает сам говорящий. Бесценный клад для того, кто не может сливного бачка починить, но зато считает себя величайшим гением в вопросе конструирования космической техники, термоядерного вооружения и микроэлектроники.

Ты ему смутную идею — а он в ответ воплощение.

Осмотрев остатки моей домны, дем тут же доложил, что поставлена она на плохом месте. Земля, дескать, легкая. Что это значит, я не знал, но поверил на слово, на всякий случай пригрозив, что если его плавка пройдет хуже моей, то он сильно

позавидует участи рудничных каторжан. На это он заявил, что при таких вводных условиях должен лично контролировать работу углежогов, так как очень многое зависит от качества угля. И еще ему нужно осмотреть окрестности в поисках глины, которой потребуется несколько разновидностей, причем не факт, что все они обнаружатся поблизости. Известняк еще нужен будет, и тоже не какой попало.

Скрипя зубами, я выделил ему персональную охрану и пока что ни разу об этом не пожалел.

К середине весны у меня было чугунное литье, а сейчас наконец получена сталь. Процесс не сказать чтобы передовой, скорее примитивный. Если не ошибаюсь — разновидность пудлингования. Адский труд, малопроизводительный, но в сравнении с тем, чем занимаются здешние кузнецы, — это атомная бомба против самой дешевой китайской петарды.

Теперь я понимаю, почему у демов нет проблем с доспехами и вооружением. По словам Южанина, в их мастерских даже штамповка налажена, пусть и грубая: кирасы, пластины наборной брони, детали шлемов и щитов. Один начинающий подмастерье там делает работу десяти опытных кузнецов. Само собой, я тоже мечтаю о таком технологическом скачке, и потому Южанина приходится беречь и лелеять. Он на положении заключенного, но живет так, что многим моим подданным такое и не снилось. Отдельное просторное жилье в стороне от ядовитых дымов металлургических печей, лучшая еда, вежливое обращение, никаких колодок с грузом на ногах.

И пусть первая его сталь дается трудно, а печь вышла не вполне удачной, я все прощу. Пусть исправит ошибки в следующей.

Саед прижал к носу белоснежный платок, немилосердно надушенный, и покачал головой:

— Смрад — будто в аду для самых злостных грешников, вы не находите?

— Так и есть, — согласился я. — Здесь вы видите первый цикл обработки руды, содержащей свинец и серебро. Ее дробят и потом обжигают на сильном огне, отчего и появляется запах серы. Даже несколько минут находиться здесь настоящая мука, а пленники работают от зари до зари. Вы все еще продолжаете думать, что гораздо лучшая идея — посадить их на кол?

— Нет, я уже давно понял, что их нынешняя жизнь недостойна возвышенной поэмы, но по отдельным намекам мне кажется, что все это вы показываете не просто так, а с каким-то скрытым подтекстом.

— Так и есть. У меня к вам, уважаемый Саед, имеется предложение. И прежде чем его озвучить, я был обязан показать это хозяйство и поведать о своих планах.

— На хозяйство я взглянул и остался под впечатлением, хотя и не скажу, что благостным. Планы ваши, как понимаю, просты: заселить долину, создать сильную армию и с ее помощью вернуть этой земле былое процветание. Я не ошибся?

— Нет, в общем-то правы.

— Тогда не сочтите за грубость, но самое время перейти к еще не высказанному предложению, и желательно в другой обстановке. Уж простите, но смердит здесь просто чудовищно. Даже ваша несносная птица не выдержала и куда-то улетела.

— Она улетела вон на ту скалу. Оттуда открывается чудесный вид на всю долину, и там поставили беседку для подобных случаев. А сейчас под ней накрыт стол с закуской и вином, и попугай, само собой, караулит это дело, опасаясь, что все выпьют без него. Не желаете к нему присоединиться?

— Надеюсь, эта вонь там не ощущается?

— Нет, что вы. Особенность ветров в долине такова, что там при всем желании ничего не почуешь.

Наверху, кроме Тука и Зеленого, никого не оказалось. У обоих подозрительно поблескивали глаза, да и птиц не начал клянчить вина с ходу, что выдавало их с головой. Ну да ничего, не до мелочных разбирательств сейчас.

Дождавшись, когда Саед в своей напыщенно-витиеватой манере похвалит мальрокское вино и жесткий козий окорок (ничего поизысканнее не нашлось), я приступил к делу:

— Вам, как я понимаю, нужен корабль?

— Ну разумеется.

— Хочу вам сообщить, что корабль у меня есть, причем не один.

Матиец едва заметно напрягся, уставился цепко, подчеркнутое безразличие и расслабленность будто ураганом смело. Передо мной сидел очень сильно заинтересованный человек, собирающийся выслушивать условия крайне заманчивой для него сделки. Именно сделки — ведь прекрасно понимает, что эту экскурсию я затеял не за тем, чтобы по итогам подарить корабль и помахать ручкой с удаляющегося берега.

— Помните, я рассказывал о нашествии демов, которое случилось зимой?

— Прекрасно помню. И еще запомнил рассказы ваших людей о том же самом. Кстати, в своих рассказах вы упустили кое-какие подробности.

— Да. Упустил. В том числе и те, где говорилось о

захваченных галерах. Саед, давайте начистоту. Я замыслил кое-что, и в этом деле мне очень пригодится ваша помощь. По итогам вы получите любой из кораблей — на выбор, и, возможно, будет кое-какая добыча. Если вам интересно, я приступлю к подробностям.

— Очень внимательно вас слушаю.

— О чем вам говорит название «Железный Мыс»?

— Так я же сам вам про него рассказывал, еще при первой нашей встрече. Это город на южном берегу. Там делают лучшее оружие, доспехи и всякие другие вещи.

— Верно. Это и не город фактически, а скопище сотен мастерских. Литейни, кузни, ткацкие цеха, верфи, лесопильни, гончарни, стекольные и канатные производства. Многое из того, что там изготавливается, не могут делать больше нигде. Я заметил у вас красный бокал. Так вот, уверен — он оттуда.

— Военный трофей, — кивнул Саед.

— Вы, должно быть, представляете масштабы их деятельности. Сравните с моими. — Я махнул рукой куда-то в направлении центра долины.

Матиец уставился туда же. Вдалеке, перед скальной стеной темнели воды небольшого, мерзко выглядевшего озера. Вблизи оно, если откровенно, выглядело еще хуже, к тому же в нем не было ничего живого, если не считать зеленого налета на камнях, в биологической природе которого я не вполне уверен. Должно быть, изобилие в округе тяжелых металлов плохо отражалось на экологии. На полпути к водоему в небо поднимались струи черного дыма моего «цеха цветметаллов», левее него в чистом поле прихрамывающие пленники таскали носилки с глиной и камнями, закладывая основание новой печи. Если глянуть правее, то в склоне долины можно было разглядеть черные норы мелких шахт и неряшливые кучи отвалов. Редкие чахлые кустики и отсутствие деревьев на пользу пейзажу не шли. Одним словом, невесело.

Саед, подумав, осторожно заметил:

— Не хочу вас огорчать, но ваши усилия, как созидателя, выглядят незначительными в сравнении с тем, что располагается на Железном Мысе.

— Не огорчен, потому что полностью с вами согласен. Но это не мешает мне страстно мечтать это исправить. Потому и рассчитываю на вашу помощь.

— Я все еще не понимаю, о какой помощи идет речь. Вы планируете устроить налет на Железный Мыс, чтобы все там сровнять с землей? Разумная идея, ведь после этого вы, при всей скромности начинаний, превзойдете их многократно, ибо

сравнение с выжженным пустырем почти всегда будет не в пользу последнего.

— Вы частично угадали мой замысел. Я действительно планирую налет на Железный Мыс. Но сомневаюсь, что у меня хватит сил выжечь там все. Да и к чему? Где выгода? Все проще: я хочу захватить там мастеров. Много мастеров. Таких, как Южанин, или даже лучше. И с их помощью превратить эту долину в самую могучую кузницу мира. Это сила, настоящая сила.

— Дерзко.

— Да. Мне даже не придется неволить народ. Допросив бывших рабов, освобожденных зимой, я узнал, что демы из пленников отбирают мастеров, переводя их на Железный Мыс. Там они хоть и заключенные, но привилегированные — условия относительно хорошие. Но если что не так, их гонят на весла, если не хуже. Так ко мне попал один кузнец, вот он-то и рассказал о порядках в мастерских. Уверяет, что достаточно кораблям пристать к берегу, как народ к нам толпами повалит. Оттуда ведь нет выхода — с трех сторон море, с четвертой узкий перешеек, соединяющий с материком. Его преграждает стена: охрана никого не пускает и не выпускает. Берег скалистый, пристать к нему невозможно. Бухта одна, искусственная, прикрыта каменной башней. И еще там патрульное судно частенько караулит. Побегу пленников они помешать могут, но нападению извне, да еще приличными силами, вряд ли. Но в том-то и проблема, что сил у меня немного. Я не могу выделить приличного отряда для такого похода. К тому же мои люди никогда не ходили к южным берегам. Даже бакайцы предпочитали проворачивать свои дела в районе проливов. А матийцы, как я знаю, рейды к землям демов в былые времена делали не один раз, к тому же с вашей командой я могу снарядить сразу два корабля, а это уже эскадра, а не слабый одиночный налетчик.

— Какие силы в башне и крепости?

— В башнях три-четыре десятка воинов, вряд ли больше, в крепости не более сотни. Но это не те демы, которые пиратством занимаются. Местные ленивые гарнизонщики. Сомневаюсь, что они вообще рискнут высунуться. Закроются и станут дожидаться помощи, а быстро она не подойдет. Это, конечно, при условии, что наше нападение окажется внезапным. А я на это рассчитываю, потому что пойдем мы на галерах демов и нас до последнего будут принимать за своих. Даже если удивятся тому, что мы направляемся к бухте, куда военные корабли не заходят, в последнюю очередь заподозрят набег. В моем плане, конечно, есть несколько допущений, но в каком замысле их не бывает? К

тому же я их не из пальца высосал, а из допросов пленников и освобожденных рабов. Как по-вашему: мой план осуществим?

Саед пожал плечами:

— Трудно сказать. Если все обстоит именно так, как вы говорите, то скорее всего план осуществим. Гарнизоны у них и впрямь набираются из самых ленивых свиней, и они, возможно, только просыпаться начнут к тому моменту, когда ваши паруса уже скроются за горизонтом. Мастеров из пленников они и впрямь набирают охотно — таких просто так на весла не поставят, не говоря уже о худшей участи. Так что и тут вы правы: народ сам к вам побежит, когда поймет, в чем дело. Если даже стражники быстро начнут шевелиться, то бросаться на команды двух галер не станут, а пошлют за помощью. Но крупных войск под рукой не окажется за ненадобностью, и пока соберут силу приличную, мы успеем уйти. Патрульный корабль не помеха — с ходу его на абордаж возьмем, в тесноте бухты ему деваться некуда. К тому же, как я понял, есть вероятность, что его там вообще не окажется. Очень даже хороший план, но жизнь показывает, что даже самый лучший план начинает хромать при воплощении. Что-то неизбежно вмешивается в установленный ход вещей, и часто случается такое, чего предвидеть никак не возможно.

— Так я не понял. Вы считаете, что ничего у меня не получится?

— Не знаю. Хочу надеяться, что получится. Ведь в таком случае я получу корабль и смогу вернуться на родину с почетом. Пусть и потерял своего красавца, но налет на Железный Мыс оценят очень высоко. Странно, что наши правители раньше не догадались этим заняться… Хотя чего здесь странного? На особо богатую добычу надеяться там не стоит. Ювелиры и прочая богатая публика среди невольников не водятся, а устраивать набег ради каких-то железных криц никто не захочет. Кроме вас, конечно. Но вас интересует другая добыча, несколько необычная. Честно говоря, ее и добычей-то считать трудно.

— То есть я могу рассчитывать на вашу помощь?

— Всецело. Я и мои люди в вашем распоряжении. И даже более того: своих пленников тоже передаю на ваше попечение. Вижу, что вы их с толком используете, так что примите их в дар как маленький знак дружбы и уважения. Надеюсь, их труд поможет вашим замыслам. И еще хотелось бы обговорить детали касаемо кораблей, их подготовки к походу, добору команд и многому другому.

— Обязательно обсудим. — Я поднял серебряный бокал. — Давайте выпьем за успех похода.

— За такое не грех бы налить всем присутствующим, — гнусавым голосом трактирного пропойцы пробурчал попугай.

Глава 5
БУДНИ НАЧИНАЮЩЕГО ПИРАТА

Если кто-то думает, что подготовка пиратского рейда начинается с выбора кораблей и загрузки трюмов припасами, то он жестоко ошибается. Хотя я, если честно, поначалу считал приблизительно так же. Но не могу же не доверять бакайцам и матийцам — общепризнанным спецам по всему, что касается морских дел.

А они готовились совсем не так.

Нет, для начала и впрямь кораблями занялись, но как-то без огонька. Это заключалось в том, что Саеда привезли к озеру, где в укромном заливе укрывались наши трофеи. Там он прошелся по палубам, заглянул пару раз в трюм, поморщил нос и заявил, что лоханки, конечно, дырявые до полного позора, к тому же борта слишком низкие, отходить далеко от берегов на таких посудинах противопоказано. Не зря ведь демы орудуют в проливах и районах, изобилующих островами, ни на шаг не удаляясь от суши. Но погода в это время года, как правило, держится хорошая, к тому же он и не на такой рухляди ходил в невиданных по силе штормах, что бушевали в переполненных опасностями водах, и потому Железный Мыс можно считать обреченным. Если у кого завалялась карта, где он нанесен, самое время начинать стирать его название.

Затем Саед поставил вопрос о командовании походом. Нет, он никоим образом не покушался на мои «адмиральские эполеты», но требовал немедленно разобраться с руководством команд. Нужен второй капитан, помощники, штурманы, боцманы, старшие абордажники, призовые капитаны и офицеры, трюмные и палубные старшины, гребные указчики, парусные и бортовые мастера. О тех, кто занимал вторую половину списка, я впервые слышал, но проглотил все сказанное с максимально умным видом, после чего велел Туку притащить всех, кто видел море не только на картинке. Таких у меня оказалось много, так что вскоре кандидатуры были выбраны, но только предварительно.

Окончательное распределение должностей должно было состояться после целого ряда… Нет, не тестов или экзаменов. Все куда проще — кандидат должен пройти через несколько пьянок.

Да-да, я был вынужден расходовать далеко не безграничные запасы своего винного погреба ради шумной братии, готовой с утра до вечера выдумывать все новые и новые тосты на тему успешного пиратского промысла. О несчастных мастерах,

томящихся в неволе в ожидании освобождения, никто при этом даже не заикался. Матросы гуляли отдельно от верхушки, но и те и другие бредили лишь об одном. Все, и Саед не исключение, были почти уверены, что по пути или прямо на месте мы обязательно нарвемся на жемчужный парусник, а может, даже на два. Что это такое, я не знал, но догадаться было не так уж сложно.

Народ мечтал всласть пограбить.

Хоть пьянок я не любил, но в данном случае смирился, прекрасно понимая подоплеку происходящего. Ну не было в этом мире других методов, отработанных так же тщательно. Если люди Саеда сбиты в команду, то моих еще надо сбивать. Бок о бок им придется делить друг с другом дни и недели опасного похода, штормы, схватки, скученность с полным отсутствием личного пространства. Слабость одного может подвести всех. Это не берег — это корабль. Деваться некуда, судьба одна, и надо убедиться, что товарищ из тех, кто выдержит все и не подведет в трудную минуту.

Совместная пьянка не самый плохой способ узнать о худших и лучших сторонах нового соратника, притереться характерами, наконец, просто подружиться, что сплачивает команду. Корабль, пусть даже деревянная галера, слишком сложная штука, чтобы управлять им с помощью толпы ничем не связанных индивидуалистов.

Изрядно проредив мои винные запасы, Саед наконец заявил, что со списком кандидатур определился. Я одобрил его выбор. Капитаном второго корабля был назначен Арисат. Как и все бакайцы, в пиратстве он новичком не был, к тому же в его отсутствие епископ должен покрепче прибрать к рукам нити управления замковым хозяйством, куда воин постоянно вмешивался, из-за чего я устал разрешать возникающие конфликты.

Дальше начали собирать рядовой состав второй команды и добавлять людей в команду Саеда — их у него было недостаточно для долгого плавания на демской галере. С этим проблем не было: бакайцев хватает, и многие бывшие рабы тоже рвутся в бой. Хотя они не моряки, но на веслах посидели «всласть», так что не забыли, с какой стороны за них браться. А что до остального — так для этого есть тренировки.

Тренировались всерьез. Две галеры часами маневрировали на мелководье, отрабатывая маневры абордажа и высадки на вражеский берег. Народ учили правильно выстраиваться на палубах, быстро перебираться на атакуемое судно, не создавать сутолоки, ловко освобождаться от тяжелой амуниции при

падении за борт. Многих пришлось учить плавать. Я даже удивился такой тщательности подготовки. Бакайцы роптали, но оставалось только радоваться своевременному появлению Саеда. Пусть он забавный чистоплюй и не всегда симпатичен, но превращать толпу сухопутных крыс в банду опасных пиратов умеет.

Кстати, сам Саед в процесс почти не вмешивался. Отдавал общие указания и в лучшем случае смотрел со стороны за стараниями своих помощников. В подготовку галер к походу тоже не лез — для этого у него в команде был корабельный плотник, а по факту кто-то вроде офицера-бортинженера, заведовавшего всем, начиная от течей в трюме до состояния баллист. Я наделил его самыми широкими полномочиями, и он, не стесняясь, привлекал лучшие местные кадры. Деревянные корабли штука нежная, непрерывного ухода требуют, а мы бросили их чуть ли не на полгода, ни разу за это время не выведя на соленую воду, что для здешней древесины вредно.

Чем же занимался Саед большую часть времени? Дегустацией вин, чтением книг из крошечной библиотеки епископа, приударял за единственной местной светской дамой — вдовствующей сестрой покойного сэра Нетрасиса, мелкого бакайского феодала, который приходился побратимом покойному сэру Флорису. Приударял, надо признать, без огонька, к ее великому сожалению. И еще он чуть ли не каждый день предавался излюбленному занятию аристократов — охоте. Причем его не интересовали рябчики и зайцы — подавай дичь серьезную.

Земля моя чуть ли не сплошь лесами покрыта, но приличной дичи не так уж много. Раньше ее поголовье снижали многочисленные местные феодалы, затем армия Ортара устроила несколько грандиозных облав, вырезая все живое, как это полагается при зачистке от потенциальной погани. Не постеснялись при этом пустить несколько пожаров. Олени и сохатые частично сгинули от копий и ловушек, частично подались на юг, где леса дремучие и полны рейдеров. Потом возвратились, но далеко не в прежних объемах. Очень много развелось кабанов, но здесь к свиньям отношение сложное и объектами благородной охоты они не считаются. Волков видимо-невидимо, но почему-то они тяготеют к морю, а в центре долины их почти нет. Саеду же подавай зверье именно здесь — далеко ходить он не желал, да и некогда. Ведь как ни крути, а присматривать за подготовкой хоть вполглаза, но обязан.

Возвращаясь раз за разом без добычи, он много пил, мрачнел, морально унижал провинившихся, а также игнорировал успехи подчиненных, что плохо стимулировало их желание добиваться

новых свершений.

В общем, в один прекрасный день я осознал, что слоняться с умным видом вокруг всей этой суеты мне смертельно надоело, а еще больше надоела постная физиономия первого капитана. После чего взял и выдал ценное указание разведчикам: ищите дичь. Не зря ведь вас из опытных охотников набирали, так что давайте побыстрее вспоминайте былые навыки.

И разведчики не подвели. Уже к вечеру следующего дня явились с докладом, что на южном склоне одного интересного холма, где малина почему-то поспевает на удивление рано, обнаружены следы сразу двух медведей. Сластены пасутся там постоянно, они обнаглевшие до неприличия и не пуганные до изумления, да к тому же впечатляющих размеров. Верная добыча, и достаточно благородная. Саед, правда, предпочитал оленей, но этих гадов попробуй еще найди и потом догони по непролазным зарослям, а здесь почти верное дело.

Выслушав мой пересказ доклада разведчиков, матиец изъявил горячее желание наведаться к малиннику с целью добычи парочки медвежьих шкур. Ведь надо как-то обустраиваться на новом корабле. Путь предстоял неблизкий, и вышли мы за полдень, чтобы наутро следующего дня устроить охоту. Если все пройдет быстро, то надолго не задержимся.

Я рассчитывал, что так и будет. Саед со своим слугой и парой умелых матросов — и я с тройкой разведчиков и Туком. Если еще попугая учесть, то у бедных косолапых нет ни единого шанса.

Выступили из замка по дороге, то ныряющей в леса, то петляющей среди полей, заброшенных или возделываемых. Реку миновали по отремонтированному мосту возле руин корчмы, которую я лихо взорвал по зиме заодно с оравой пригревшихся внутри демов. До сих пор по обочинам в этом месте смердело — не все тела мы тогда собрали и не все части тел. Не старались при этом, а падальщиков здесь немного осталось, да и те запуганные — боятся выходить к местам, которые попахивают человеком.

За мостом стучали топоры: народ воздвигал сторожевую башенку. Этой дороге я придавал большое значение — лучший путь на юг. Так сказать, стратегическая трасса. В будущем, надеюсь недалеком, намереваюсь зачистить тамошние леса от рейдирующей погани, расселить там привлеченный со стороны народ, поставить пару крепостей на холмах и организовать нормальное патрулирование. Ведь за холмами течет Ибра, а на ее правом берегу начинаются темные земли, от которых мои владения защищают лишь ортарские пограничники. Но

эффективность защиты низкая — на отрезке, который примыкает к устью, у них нет серьезных сил. Если честно, то временами там вообще ни одного солдата не найти. Так что при желании к Мальроку проследует миллион тварей, и никто этого даже не заметит.

Есть и другая причина развивать юг долины. Там, в холмах, встречаются выходы отличной железной руды, и что еще приятнее — каменного угля. По некоторым признакам, и глину с известняком найти не проблема где-нибудь неподалеку. Отличная база для металлургии, где все под рукой. Может, запасы там и невелики, но мне на сотню жизней должно хватить.

Хватит губить деревья, к тому же древесный уголь уступает каменному и требует огромных затрат труда. Правда, каменный уголь сам по себе плох. Нужен кокс, точнее, особые сорта угля для его производства. Но кое-какие представления об этом у меня есть, и думаю, справлюсь, пусть и не сразу.

А еще на юге можно найти кирт. Собственно, рейдеры там пасутся именно ради него. Как и всякий простой человек, я неровно дышу в сторону всего таинственного, а если оно к тому же сулит выгоду — так еще лучше. Надо этот странный бизнес к рукам прибирать, а не оставлять его в лапах погани.

Железо тоже очень интересно. То, что добывается в долине Щита, Южанин ругает нехорошими словами. Его мало, встречается лишь на поверхности, трудно очищать от посторонних примесей. Подозреваю, что руда тамошняя образовалась после разложения сульфидных минералов и сильно загрязнена серой, а это металлу не на пользу. Как временный источник сойдет, но надо думать о добыче качественного сырья.

Планов прорва, а вот как все успевать и где брать для этого силы…

Но я стараюсь.

Стук топоров затих за спиной, и больше мы людей не встречали. Увы — отсюда и до самой Ибры столкнуться с ними маловероятно. Обитаемых деревень не осталось вообще, потому что мои подданные жмутся к окрестностям Мальрока, и это разумно. Охотники сюда забредают редко, сборщики дикого меда еще реже — для них на севере долины больше работы. А праздношатающегося народа вообще не существует — все при деле. Какие дела могут быть в такой глуши у нормального человека?

Дорога, не так давно бывшая наезженной, успела зарасти травой, а кое-где и кустики пробиваться начали. Через год-другой здесь на телеге будет не проехать. Природа торопится отвоевывать свое, и если я быстро не решу вопроса с новым

населением для долины, то вскоре глушь со всех сторон сомкнется вокруг крошечных человеческих анклавов. Вот потому и придумал этот авантюрный, или, скорее, даже полностью безумный план с нападением на Железный Мыс. Даже если мы не захватим на тамошних пристанях торговых кораблей, которые часто приходят за товарами, на галеры можно будет взять человек триста, а то и больше. С одной стороны, маловато, но с другой — это ведь большей частью отличные мастера в полезных областях. Готовый кадровый костяк для создания полноценной промышленности, пусть и в малых масштабах. Та самая база для повышения производительности труда в сельском хозяйстве и прочих областях. Да после первого же торгового каравана, нагруженного их изделиями, обо мне начнут говорить во внешнем мире, и уже не придется уговаривать народ переселяться. Сами пойдут. Раз есть производство, значит, стабильность, а не обескровленная и переполненная поганью земля.

На севере — Ортар, тамошний король завинтил налоговый пресс до предела, чтобы снабжать войско, занятое непрекращающейся войной. Крестьяне толпами сбегают со своих земель. Да что крестьяне — и мелкие феодалы этим грешат.

За Ортаром — империя Аван. Там гораздо спокойнее, но налоги немногим меньше, к тому же у них эпидемия религиозного фанатизма. Еретики и все, кого в этом могут заподозрить, тоже мечутся как белки в колесе. Дальше другие страны, где тоже не все ладно и народ тоже ищет лучшей доли.

Все это мои потенциальные подданные. Я должен их привлечь. А ничто не привлекает лучше, чем стабильность и обеспеченность. Пока что в Межгорье нет ни того, ни другого.

Я стараюсь и буду продолжать стараться.

Ночевали в очень мрачном месте. Есть хорошая русская поговорка: «В березовом лесу веселиться, в сосновом молиться, в еловом удавиться», — и я полностью с ней согласен. А если в еловом лесу стоит избушка, то о людях, в ней проживающих, можно много чего подумать, главным образом нехорошего. Обернулся по сторонам, инстинктивно выискивая взглядом хозяев. Таковых не обнаружилось, зато в траве, неподалеку от крыльца, увидел россыпь костей и оскал черепа. В Межгорье такого добра на каждом шагу хватает, но именно здесь, в этом месте, останки выглядели донельзя зловеще.

— Как-то здесь не слишком празднично, — тихо пробурчал попугай, и я понял, что не у одного меня на душе кошки скребутся.

Тук нерешительно уточнил:

— Ночевать здесь будем?

— Темнеет… — заметил я.

— Да оно понятно, но место такое, что здесь отдыхать душа не лежит. Кто же выбрал такое место для жилья? Не иначе как злющая ведьма.

— Если и ведьма, то далеко она не ушла. — Саед указал на кости.

— Череп цел, кости растащены. Не понять, как убили. Похоронить бы надо…

— Вот ты и займись похоронами, — «наградил» я горбуна за инициативу.

— На ночь глядя?! Это что за похороны такие?! Поганой магией попахивает!

— Да просто прикопай или мхом прикрой, чтобы глаза не мозолили. Все же лучше, чем на виду валяться. Или ты думаешь, что все кости у нас принято торжественно хоронить, вызывая священника?

— Нет, я так не думаю, но нехорошо как-то… Место уж больно хмурое…

С Туком я был полностью согласен. Но мы не на освоенном туристами ласковом побережье южного моря. Искать другую «гостиницу» нет времени — того и гляди совсем стемнеет, а ночью по такому лесу лошади идти откажутся.

Внутри оказалось не так уж плохо, как я подозревал. Крыша не прохудилась, так что сухо и почти чисто. Немудреная мебель, жердевой пол, закопченный потолок — топили здесь по-черному. Места нам хватит, хоть и тесновато будет.

Достав из-за печи связку высушенных стеблей какой-то травы, Тук заявил:

— И впрямь ведьма жила.

— Может, просто травница, — возразил Люк.

— Ведьма, я тебе как есть говорю. Слушай старших, мы больше в таких делах понимаем.

Саед провел по лавке платком, изучил изменение его белизны, брезгливо хмыкнул и безмятежно произнес:

— Да пусть хоть сам дьявол тут раньше жил, но эту ночь мы проведем здесь.

— Будем поддерживать костер снаружи и дежурить возле него по очереди. — Это уже я внес свою лепту.

Ужинали молча. Все были угрюмы, и каждый наверняка подозревал, что без приключений ночь не пройдет. А я вот исключение — верил в хорошее. Слишком уж подчеркнуто все мрачно, чтобы разрядиться всерьез опасной ситуацией.

Настоящие проблемы, как правило, сваливаются, когда об их приближении не подозреваешь.

«Продолжение отчета добровольца номер девять. Надиктован местному запоминающему устройству под наименованием Зеленый спустя приблизительно один год после заброски. Год имеется в виду местный. Насколько он соответствует земному, сказать не могу, потому как часов вы мне так и не забросили.

Здравствуйте, Ваня. Прошу прощения за то, что отчеты мои столь нерегулярны. Настроение у меня не очень, и это уже хронически. Очевидно, после всего пережитого испортился характер. Тук говорит, что мне жениться пора, но боюсь, что позитива от этого не прибавится. Скорее наоборот — ведь сам горбатый ни одной юбки не пропускает и всегда жизнерадостен, если не считать моментов, когда его пытаются притащить к церковному алтарю.

Кратко докладываю о состоянии дел с портальной установкой. Наладил добычу полиметаллических руд и железа. Железо дрянное, скорее всего высокосернистое. Подумываю о новых рудниках, на юге долины. В настоящий момент там хозяйничает погань, и для освоения источников высококачественного сырья очень не помешают пулеметы, которых я до сих пор так и не дождался. К слову, не дождался и прочего: зубной щетки, самоучителя китайского языка и компьютера. Да в одной галактике Млечного Пути около двухсот миллионов звезд, неужто жалко подорвать штуки три для обеспечения заброски очень нужного для операции имущества?!

Сейчас как раз двигаюсь на юг, параллельно устроив развлекательную программу для нового союзника. А в данный момент сижу возле костра. Вокруг темно и страшно. Еловый лес мрачен и зловеще тих, моя паранойя подсказывает, что это неспроста. Там кто-то есть, и он уже очень близко. Очень. В двух шагах. За спиной. С топором, заржавевшим от крови.

Вань, вы когда-нибудь бывали в еловых лесах? Предположим, что да. Согласитесь, что зрелище даже днем угрюмое. А если к тому же на краю такого леса стоит старая перекосившаяся избушка, сложенная из потемневших замшелых бревен, то это готовая декорация к фильму. Не к любому, конечно, а одному из тех недорогих поделок, не претендующих на роль шедевров, где на природу приезжает компания веселой молодежи с целью отдохнуть, а в итоге все заканчивается не очень весело. Сперва они пьют пиво и смеются, затем рассказывают страшные истории про кровавого пуделя и одноглазого мстителя, далее появляется непонятный тип в маске, заводит бензопилу и красочно мочит

одного героя за другим. В промежутках между расчленениями происходит много криков и тупой беготни, народ непременно разделяется на одиночных придурков или мелкие группы, облегчая работу психопату, а девушки часто и охотно показывают оголенные молочные железы.

Я такие фильмы видел неоднократно: в них менялись только декорации и актеры. Вот и сегодня, увидев эту избушку, начал тревожно озираться по сторонам, выискивая затаившихся маньяков с бензопилами или окованными заточенной сталью клюшками для хоккея. И то, что никого не увидел, еще ничего не значит. Ведь имеются улики: скелет, кости которого раскиданы на приличной площади. Может, звери постарались, а может… Ну вы сами прекрасно понимаете.

В свете вышесказанного прошу простить за сумбурность отчета. Сильно нервничаю, плюс попугай хочет спать и ведет себя безобразнее обычного.

До связи.

P.S. 1. Не вздумайте забыть, что к компьютеру должна прилагаться беспроводная мышка с розовым слоником на правой кнопке.

P.S. 2. Завтра мне предстоит охота на медведя. А ведь именно медведь был первым созданием, с которым я здесь повстречался. Вспоминаю ту встречу с душевным содроганием. У меня самые плохие предчувствия. Тем более что ночь темна, лес вокруг еловый, антидепрессантов в аптеке не продают. Уже начинаются слуховые галлюцинации — издали доносится зловещий визг бензопилы. Или это не галлюцинации?!

P.S. 3. А еще я от безденежья решил податься в пираты. Не люблю долго двигаться по карьерной лестнице, так что сразу назначил себя адмиралом. У меня есть два почти подготовленных корабля, которые я назвал „Страх“ и „Ужас“. Надеюсь, именно эти чувства будут испытывать коммерческие перевозчики при виде моей эскадры. К тому же вспоминаются спутники Марса, и они же сыновья Ареса,[3] греческого бога войны, что тоже может повысить эффективность нового способа заработка — само олимпийское небо должно помогать».

Глава 6
ОСОБЕННОСТИ МЕЖГОРСКОЙ ОХОТЫ

Малина была мелкой и по вкусу почти не уступала недозрелому лимону — только-только начала поспевать. Но косолапым было невтерпеж, такие тропы натоптать успели, что даже полный профан в следах не пройдет мимо. Тук даже клок шерсти обнаружил — зверюга неаккуратно бок почесал о расщеп поломанной сосны.

Зачем-то понюхав трофей, горбун уверенно заявил:

— Знатный зверюга.

— Если у него все волосы такие, то шкура хорошая, — с надеждой на усовершенствование обстановки капитанской каюты произнес Саед.

Слева подозрительно зашуршало, все обернулись, но тревога оказалась ложной: из-за дерева высунулась любопытная мордочка куницы, изучила нас, сочла для добычи крупными, а для неприятностей в самый раз, после чего скрылась с дивной быстротой.

Тут же зашуршало с другой стороны, но всерьез — что-то крупное. Саед молча поднял руку, Глонарис так же молча вложил в нее охотничье копье. Но тревога опять оказалась ложной — это возвращался Люк.

— Ну что? Нашел свежий след? — спросил я, не дожидаясь, когда он подойдет.

— Нашел, — как-то напряженно ответил разведчик. — Только это не медведь. Там плохо дело. Там вообще все плохо.

— Не понял?!

— Раскоп я нашел, совсем свежий — только начат. Ушли наши медведи. Они рядом с рейдерами оставаться не станут.

Саед уставился на Люка с недоумением, а потом перевел взгляд на меня, сменив его на вопросительный. Уже все поняв, я пояснил:

— Мы далеко на юг забрались, здесь часто появляются рейдеры. Копают кирт — его много в этих местах. Это новый раскоп, его только начали. Зверье погани не переносит, так что медведи, скорее всего, ушли отсюда.

— Постойте!.. А как же погань?! Люк, вы видели погань?!

— Нет. В такие дни она не слишком любит показываться. Там рядом ручей в глубоком русле, скалу подмыл. Под ней грот.

Думаю, там они прячутся. Точно не скажу, потому что спускаться в одиночку побоялся. Тем более что у них нюх отличный — запросто могут почуять.

Все же не зря нас вчера мучили плохие предчувствия…

— Простите, Саед. Похоже, охоты не получится. Надо разворачиваться.

— Я вас не понимаю. Рядом логово погани, а вы о каких-то медведях думаете. Неужели можно поменять рейдеров на обычную дичь? Нас девять человек, думаю, вполне хватит. Насколько мне известно, рейдеров в группах немного.

— Да, — кивнул я. — Это верно. Скажу вам больше: не один раз сталкивался с этими тварями. И скажу еще больше: даже от одиночки предпочту сбежать, если драться не обязательно. И не вижу ни единой причины вступать в бой. У нас впереди важное дело, и мы можем все испортить, если останемся калеками или погибнем здесь. Сейчас на полной скорости отсюда уйдем, а через день вернемся с подкреплением и все зачистим. Быстрее к лошадям. Как можно быстрее.

— Вам, конечно, виднее, но я бы и сам справился.

— Не сомневаюсь. Быстрее уходим. Может, у вас и будет шанс показать, как вы сами с ними справляться умеете. Если они выползут из норы и заметят следы Люка или почуют его запах, то нам даже на лошадях от них не уйти. Будут гнать до темноты, а там припустят втрое быстрее. Обязательно догонят. Сталкивался уже, знаю.

Вот так и закончилась наша охота. Даже не начавшись.

Если кто-то думает, что мы с разбегу вскочили в седла и поскакали навстречу заходящему солнцу, а ветер красиво развевал наши волосы, то он не прав. Не так все быстро делается, как нам хочется.

Лошадь тварь ленивая, пугливая и требующая нежного обращения. При долгих остановках с нее полагается снимать все лишнее. Если потом надо срочно куда-то податься, нельзя ее завести с полоборота, отпустить сцепление и дать по газам. Надо опять возиться с потником, седлом, уздечкой. Следить, чтобы легло без складок, затянуть не туго, а чтобы в самый раз. А если эта зараза к тому же не горит желанием покидать симпатичную полянку, заросшую сочной травой, то еще брыкается при этом, сильно мешая процессу.

Но и этого мало. Уже оказавшись в седле, нельзя ее сразу пришпоривать, стараясь как можно быстрее набрать полный ход. Все надо делать постепенно, а то скотина здоровье попортит. И вообще даже не надейся часами галопом мчаться. Даже на

хорошей дороге лошадь быстро выдохнется, а уж на такой гораздо быстрее. Если загонишь, то дальше вообще пойдешь пешком. Это, конечно, менее хлопотно, чем верхом, но гораздо медленнее.

В общем, быстро уйти у нас не получилось. И я, мучимый самыми дурными предчувствиями, даже обрадовался, когда Зеленый зашипел змеей подколодной, а в стороне от тропы в кустах что-то шустро прошмыгнуло и оттуда раздался пронзительный квакающий звук — будто громадную лягушку в кипяток бросили. На грани свиста заорала. А потом крик перешел в нестерпимый визг — трение ногтя о школьную доску в сравнении с этим омерзительным звуком песенка лирическая.

Почему обрадовался? Да просто люблю определенность, пусть даже если она ничего хорошего не обещает.

Лошади, как им и полагается, испуганно заржали, самые нервные взвились на дыбы.

— Что за нечисть?! — вскричал Саед, растеряв свою невозмутимость.

— Это еще не нечисть. Это так… Мелочь… Нюхач нас выследил. Скотина… Люк! Должно быть, он тебя все же почуял!

— Выходит, что так. Плохо. Я ведь старался… близко к гроту не подходил.

— Примем бой?! — нервно спросил матиец.

— Шутите?! Да в этих кустах нас передавят, как слепых мышат, спрятавшихся в ботинке! Тук!

— Чего?!

— Помнишь, перед тем ельником, где мы в избушке ночевали, тропа по дну оврага шла?

— Помню. Там подъем еще крутой.

— Мчимся туда, ты внизу сразу начинай латы надевать, будешь первым их встречать. Опасно, уж прости, но у тебя это хорошо получается.

— Вы к тому, что я хорошо тумаки собираю в этой жестянке? — хохотнул горбун.

— Не хорошо, а просто изумительно. Люк, там по следам сколько их?

— Вроде трое было. Нюхач, копач и несун.

С классификацией погани я уже не раз сталкивался и знал, что запутана она донельзя. К примеру, рейдерами называли не только стандартные группы, занимающиеся исключительно киртом, но и любую мелкую стаю, занятую походом по человеческой территории. Если «археологи» вели себя более-менее прилично, доставляя беды только тем, кто на них нарывался, то от вторых проблем было на много порядков больше. К тому же у первых было лишь три вида существ, а

вторые в этом никак себя не ограничивали.

Но здесь, похоже, стандартная тройка «археологов». Нюхач — та самая визгливая тварь, что носится сейчас вокруг нас, не высовываясь из зарослей. Быстрая, но мелкая, не слишком опасная, чем-то похожая на плод любовной связи лягушки с аллигатором. Ее основная задача — поиск древних мест, перспективных для поисков кирта. Второстепенная — следить за тем, чтобы к месту раскопок не подобрались посторонние. Если почует чужого, наводит на него основные силы, ну а в драке мелкий гаденыш тоже может бед натворить, исподтишка действуя, со спины, добивая раненых, атакуя самых слабых.

Копач — прямая противоположность нюхачу. Гигантский набор бугров, сформировавших что-то вроде пародии на тело толстого человека, коническая голова без шеи, единственный огромный глаз, короткие массивные ноги, одна рука вывернута локтем вперед, она огромна и вместо ладони заканчивается лопатой, вторая похожа на бур, причем наконечник очень твердый. Говорят, легко может крушить кирпичные стены. Рост у копача несколько метров, подвижность низкая, поворотливость еще хуже. Но по прямой шагать умеет достаточно быстро и без остановок на отдых. Его основная задача — копать в местах, найденных нюхачом.

Несун выглядит проще первых двух других. Двухметровый, или немногим больше паука. Иногда четырехлапый, иногда шести. Бывает пяти, что совсем уж странно и похоже на противоестественную шутку природы. Тело массивное, но до копача ему далеко. Да и разглядеть его трудно — шерстью зарос длиннющей. На спине что-то вроде встроенного мешка, способного растягиваться до дивных размеров. В нем шайка хранит добытый кирт, что в общем-то разумно: нюхач много не унесет, а копачу хватать добро нечем — вместо ладоней бур и лопата.

Таким образом, каждая группа рейдеров самодостаточна, и тройки тварей вполне хватает для выполнения заданий. Как я подозреваю, они неотделимы друг от дружки — при отсутствии одного миссию можно считать проваленной, а четвертый в такой группе и впрямь лишним будет.

А еще имеется путаница с терминологией. Тварей каждый называет как ему вздумается. Копач может быть «копателем», «ройщиком», «гнударем», «кирторoем» и так далее. У каждой разновидности столько кличек, что даже всезнающий епископ в них путается. Но одно несомненно и незыблемо: как правило, рейдеров трое.

Вот именно такая тройка несется сейчас по нашему следу.

Нюхач уже догнал, но нападать не станет. Визжит, указывая соучастникам кратчайшую дорогу. Галопом, конечно, мы легко можем уйти, но недалеко. Лошадей заводных у нас на всех парочка — брали их для перевозки поклажи и добычи, а в одноконь особо не побегаешь. Тропа отвратительная, зигзаги наворачивает такие, что север то впереди, то за спиной, а твари могут и напрямик через заросли двигаться — им не привыкать.

В общем, они нас непременно догонят, если ничего непредвиденного не произойдет. А раз так, то нечего оттягивать неизбежное. К тому же выбор места встречи за нами, и грех этим не воспользоваться.

Девять человек против тройки тварей… Да я гораздо хуже расклады видал и выходил невредимым.

Ну, или почти невредимым…

А нет… Уже не девять…

Впереди показался одинокий всадник. Мы не успели даже за оружие взяться, как пришлось расслабиться.

— Амед! Что ты здесь делаешь?! — изумился Тук.

И ведь какой голос — почти без фальши. А ведь сто процентов, что в заговоре с этим душителем. В свое время хесков послал один горячо любимый инквизитор с заданием упокоить некоего обнаглевшего стража. То есть меня. Упокоить не получилось, более того — я кое-кого из этой шайки спас, сам того не сильно желая. Те, будучи мне обязанными, подчиняясь своим странным обычаям, устроились в услужение и ждут не дождутся момента, когда смогут отплатить мне той же услугой, что освободит их от данного слова.

Иногда они бывают навязчивыми. Вот и сейчас я наотрез отказался брать их на охоту, но Амед все равно просочился. Коварно крался следом, стараясь не попасться на глаза. Ночевал, получается, в сыром страшном ельнике, не побоялся.

— Я слышу, у вас не все ладно, — невозмутимо произнес хеск, выразительно обернувшись на близкий визг.

— Не то слово! Лошадка у тебя не уставшая?! А то нам до оврага надо быстро домчаться.

— Выдержит…

Времени разбираться с Амедом не было. Я только молча состроил зверскую морду и пришпорил расслабившуюся лошадку. Не та ситуация, чтобы разговорами заниматься.

Великие боги, ну до чего же противный визг у этой проклятой твари!

Овраг был что надо — длиннющий и не такой уж узкий внизу. Да и не овраг это, а ров какой-то древний. В этих краях

такого добра хоть двумя ложками хлебай — археологам не на один век работы хватит. Если, конечно, рейдеры им что-нибудь оставят.

Лошадей отвели выше и стреножили. Уж очень они боялись тварей. Хотя легче перечислить, чего они не боялись. Если честно записывать, так список будет пустым.

Дальше наступило время построения для битвы. Учитывая скудость сил, простора для хитроумных тактических схем не было. Я попросту приказал Туку стоять впереди — благодаря своим тяжелым латам он защищен лучше всех. К тому же практика показывает, что даже после самых сильных ударов здоровье у него практически не портится, а доспехи отделываются легким ремонтом. Если приглядеться, можно легко заметить следы многочисленных серьезных вмятин.

Очень пригодились копья, прихваченные для медведей. Это были охотничьи разновидности древнего оружия, от боевых аналогов их отличало отсутствие режущих кромок на лезвиях, железных полосок в передней части, защищающих от рубящих ударов, и наличие массивных перекладин, не позволяющих нанизать зверя слишком глубоко, позволив ему дотянуться до человека.

Для погани тоже сойдет. Мне не улыбается, если проколотая тварь насадит себя до упора и начнет полосовать когтями или попросту голову откусит. Доводилось видеть…

Хотя сам копьем всерьез работать не собирался. Вся надежда на Штучку. Привык я к этому необычному оружию и знаю его возможности — не подведет. Даже не боюсь, что «батарейка» сядет. Не так давно решился на опыт: раз за разом выпускал лезвие, дробя стену рудного карьера. На семьдесят шестом включении ничего не произошло — в руках остался простой посох, пусть и подозрительно выглядевший. Пережил тогда несколько неприятных часов, кляня себя последними словами. Ведь так глупо остался без уникального оружия. Но затем все опять заработало.

Или «батарейка» имеет свойство самостоятельно заряжаться, или там неиссякаемый источник энергии, а ограничение включений — что-то вроде предохранителя.

Кстати, за тот опыт, длившийся минут десять, я выполнил дневную работу парочки забойщиков. Камень разлетался отлично, а иногда и опасно — осколком щеку поцарапало. Маску надо при таких испытаниях носить или хотя бы защитные очки.

За семьдесят шесть нажатий я любого копача превращу в груду зловонного фарша, перемешанного с обломками костей. Хотя до такого, конечно, лучше не доводить: даже со

смертельными ранами эти твари могут успеть нехорошо с тобой обойтись.

Об этом я и предупредил народ:

— На рожон не лезьте. Ударите копьем — и отходите, если на вас прет. Не подпускайте к себе. Лучники, бейте по глазам. У копача глаз один, размер у него что надо — промазать трудно. Если нюхач перестанет носиться или попрет прямо на вас, тоже стреляйте без раздумий. Даже с мелкой раной у него прыти меньше становится. И опасайтесь несуна. Он похож на мохнатого паука, и у него очень скверная кровь. Если попадет на кожу и сразу не смыть, то в лучшем случае отделаетесь язвой, которая будет заживать не один месяц. А если гадость в вашу рану попадет, то можете сразу отходную заказывать — шансов выкарабкаться мало. Цельте ему в основание лап — два-три удачных удара копьем, и он свалится. Как свалится, сразу отскакивайте подальше, а то забрызжет.

Разведчики и глазом не повели — знают, сталкивались, а вот матийцы слегка спали с лица. Ребята они, может быть, и храбрые, но только погань по морям не ходит, и дерутся островитяне почти исключительно с демами. Тоже твари, но твари человеческие — привычные. С такими омерзительными противниками небось впервые сталкиваются.

Саед помалкивает. Видимо, даже до него начало доходить, что демонстрировать свою запредельную храбрость и еще более запредельный пофигизм не совсем уместно.

Древний ров. А если точнее, не ров, а проход между двумя валами. Начинаются они внезапно и так же заканчиваются. Это не похоже на остатки крепостного укрепления — ведь ни намека нет на некогда замкнутый оборонительный периметр. Тогда что? Да кто ж его знает… Понятия не имею, чем жили язычники, к тому же, по слухам, даже они здесь были не первыми — до них тут обитали чуть ли не боги, от которых и остались самые внушительные руины. Эти валы — еще скромняшки… Какой у них объем? Половина великой пирамиды, вряд ли меньше. Какой пустяк…

Такие сумбурные мысли проносились у меня в голове в ожидании появления основных сил противника. Я с рейдерами уже сталкивался, причем не один раз, и до сих пор мне это сходило с рук. Вот и сейчас причин бояться как бы нет, ведь нас десятеро, а их трое. Но почему-то мурашки по коже бегают, и с трудом удерживаю себя от суетливых слов и движений. Люди должны видеть, что их командир невозмутимая скала, от которой отскакивают выпущенные катапультой снаряды.

Далеко впереди коротко, утробно рыкнули, затем затрещало

дерево. Вспомнив массивную сухую ветку, нависавшую над тропой, я заподозрил, что копач до нее добрался. Располагалась она на высоте около трех метров, значит, рост у него никак не меньше, раз пришлось сломать. Нагибаться эти боровы-переростки не любили.

— Готовимся! Они рядом!

Куда готовиться? Все давно готовы. Тук впереди, за ним жмутся шесть копейщиков, на склон левого вала выбрались два лучника. Я расположился между ними и копейщиками, как и все, уставившись вперед. Там до самого конца древнего сооружения нет деревьев — лишь чахлые кустики. Дальше стеной поднимается лес. Тварей в нем не разглядеть, но незаметно через такое открытое пространство они не подберутся.

В зеленой стене показалось какое-то шевеление, и наконец на открытую от зарослей тропу выбрался несун. У этого лап оказалось шесть, и поддерживали они мохнатый шар полутораметрового диаметра. Вперед выступала внушительная система из нескольких жвал, отсюда видно не было, но я знал, что выше нее располагаются пять мелких черных глаз.

Стараясь, чтобы мой голос представлял собой воплощение невозмутимости, я предупредил:

— Имейте в виду, что укус у него смертельный. Яда на жвалах много.

— При таких размерах он и без яда должен насмерть кусать, — так же невозмутимо заметил Саед.

Носач остановился, не решаясь идти вперед в одиночку: привычка у них такая — далеко от копача не отходить. А тот не заставил себя ждать — выбрался. Народ тут же загалдел, причем некоторые с нотками паники. Я, признаться, в первый миг тоже обалдел. Зимой, после памятного боя перед воротами Мальрока, куда демы согнали всю окрестную погань, я думал, что самых крупных рейдеров мы выбили.

Ошибался.

Мелкой эту тварь не назвать — метров пять, если не больше. Омерзительное тело, будто сшитое из кусков жирных полуразложившихся трупов. Запах пока не доносился, но по опыту знал — пахнет копач не фиалками.

— Этот тоже ядовитый? — уточнил Саед.

— Не… Этот вроде без яда… Да на хрена такому яд нужен?!

— Да… действительно. Ваше замечание к месту — совсем ни к чему ему отрава. Жаль, что мех на нем не растет…

— А мех вам на кой, Саед?!

— Ну… За неимением медвежьей шкуры…

Посмотрев на матийца как на полного психа, я подкинул в

руке копье, вонзил его в землю перед собой и, взводя арбалет, скомандовал:

— Прикрывайте Тука. Если его собьют с ног, столбами не стойте — отходите, но медленно, не переставая лупить в ответ. Если сразу раните или прикончите несуна, то станет гораздо легче — копач неповоротлив, и увернуться от него нетрудно. Окружим и забьем со всех сторон. Он живучий, но не бессмертный. А вот остальные слабы на рану — их надо первыми мочить.

Копач вырвался вперед. Паук не отставал, проворно семенил следом, иногда замирая и вскидывая при этом передние лапы. Будто целился. Я знал, что стрелять ему нечем, но все равно душа пыталась в пятки спрятаться — выглядело неприятно.

Хлопнул лук, затем второй. Слишком рано — до противников полторы сотни метров, но у парней нервы не выдержали. Сам я не торопился. Арбалет — вещь хорошая и очень удобная, но быстро его не перезарядишь. У меня будет время выстрелить один раз с гарантией, и затем придется браться за копье. Спешить с этим не стоит — даже одиночный болт, если выпущен удачно, может серьезно попортить здоровье твари.

Они все ближе и ближе. Я наконец смог разглядеть мутные глазки паука. Уже видны мельчайшие детали: бур копача чуть выщерблен на конце, а к лопате прилипли комки рыжей глины. Нюхач где-то справа, за валом, визжит совсем уж отвратительно, но не показывается, к сожалению. Луки хлопают непрерывно, причем с частыми попаданиями, но твари не обращают внимания на уколы стрел.

Пятьдесят метров. Сорок. Тридцать. Мне уже кажется, что доносится зловонное дыхание твари. Пора.

Вскидываю арбалет, тщательно целюсь, сгибаю указательный палец. Толчок отдачи, болт впивается чуть выше мутного огромного глаза — единственного на уродливой голове. Эх… чуток не повезло… Уж очень трудно подладиться под дергающуюся походку твари. Все, второй попытки не будет.

Хватаю копье, примеряюсь, с силой бросаю. Метатель из меня никудышный, а чудеса случаются редко. Не то что в глаз — даже в голову не попал. Промах позорнейший.

Кому-то из лучников наконец повезло — достал глаз. Стрела тяжелая, боевая, дистанция мизерная, так что вошла глубоко. Копач утробно заревел, замер, слепо замахал лапами. Пользуясь случаем, Тук просеменил вперед, рубанул по колену, тут же поспешил назад. Паук, не давая ему уйти, выскочил из-под старшего напарника, нацеливаясь лапами. Может, когти сталь и не пробьют, но доспехи не защищают всего тела, да и удар будет

такой, что на ногах не устоит. Копейщики не подвели — синхронно шагнули вперед, и твари пришлось отшатнуться.

Пока вся орава занималась этими делами, я столбом не стоял. Пользуясь тем, что они увлеклись друг другом, обогнул строй по склону вала, намереваясь ударить тварям в тыл. Но тут в мой план вмешался случай — лучники опять добились удачного попадания. На этот раз огреб несун — схлопотал подарок в основание лапы. Место слабое — удар серьезным оружием может парализовать или даже убить. Но и такая не слишком опасная рана сильно его огорчила. Оставив в покое Тука и прикрывавших его копейщиков, паук посеменил наверх, намереваясь разобраться с обидчиками. Я оказался на его пути.

Тварь, наверное, не сочла меня серьезной преградой — мчалась нагло, явно намереваясь снести человеческую букашку с ходу. Понимая, что с такой подвижной целью будет непросто провернуть трюк с выскакивающим лезвием, я сразу перевел Штучку в боевой режим и поспешил убраться с курса несуна, рванув выше по склону. Если он увяжется за мной, луки его чуть ли не в упор расстреляют, если кинется на них — я его покараю сзади.

Увы, в бой опять вмешался случай. Хоть солнце давно поднялось, но за вал еще заглянуть не успело. Утро, к сожалению, выдалось очень росистым и затяжным, не вся влага здесь успела высохнуть. Опорная нога поскользнулась на мокрой траве, и это было очень серьезно. У меня оставалось два выхода: или пытаться сохранить равновесие, размахивая руками и совершая нелепые телодвижения, или покориться судьбе и покатиться вниз.

Я выбрал второе, потому что заниматься первым в шаге от атакующей твари чревато крупными неприятностями. Тем более что, если падать добровольно, можно хоть как-то этот процесс контролировать. Вот и сейчас, пролетая под занесенными конечностями несуна, успел от души рубануть Штучкой, начисто снеся одну лапу и повредив вторую. Больше ничего сделать не получилось — гравитация слишком быстро увлекла меня к подножию вала.

Там покалеченного копача обступили со всех сторон и лупили сильно, без затей — будто ковер выбивали. Я успел разглядеть обломок копья, засевший в основании головы, изрубленную ногу, подгибающуюся, отказывающуюся поддерживать массивное тело, и нелепый взмах лапы с лопатой. Ослепленная тварь упорно отказывалась умирать и, не видя противников, била куда попало.

Нелепый взмах лапы достиг цели — лопата исполинской мухобойкой опустилась на мои ноги, вбивая их в глину древнего

рва. Боль вспыхнула такая, что я подавился в крике, перед глазами померкло. Когда картинка проступила сквозь слезы, увидел, что копач наконец завалился и его агонизирующую тушу рубит Тук. Остальные пробегали мимо, куда-то вверх. Видимо, за несуном спешили.

Попытался приподняться, но тут накатила новая вспышка боли, столь сильной, что потемнело в разы больше прежнего, а где-то в ногах что-то хрустнуло, и звук этот новой волной муки отозвался во всем теле.

Я понял — для меня бой окончен. Это не ушиб и не царапина. Мне уже доводилось сталкиваться с переломами, не забыл еще.

Проклятая роса…

Глава 7 ПОСТЕЛЬНЫЙ РЕЖИМ

— …И тут я, значит, осерчал всерьез. Гора эта ходячая прет на меня, воняет портянками, граблями своими размахивает резво, смотрит очень недобро. Я на руки поплевал, ну и давай разгоняться навстречу, а затем хлоп ему по одной корявой ноге, хлоп по второй. Ну он, значится, в животе напополам складывается от такого нехорошего приключения, и я, опять на руки поплевав, еще раз бью, прямиком в глаз.

— Ты же в прошлый раз говорил, что в глаз ему копьем сэр страж попал!

— Ну да. Говорил. И что? Я разве оказываюсь от слов своих? Было в глазу копье, не стану отрицать, и я прямиком рядом с ним ударил, место как раз для топора оставалось. Копье, конечно, вещь славная, но секира ему в помощь лишней не будет или вы по-другому считаете?

— И правда, что копач вслепую сэру стражу ногу сломал?

— И да и нет. Я уже когда шею рубанул, тот упал прямиком на сэра стража. Туша, я вам скажу, преогромная, как не раздавила — сам не знаю.

— А матийцы говорят, что его только лапой придавило.

— Ты кому веришь — им или мне?! Ха! Матийцы! Да они яблоко не станут жрать, прежде чем духами дорогими его не натрут! Спеси в них — хоть на базаре ведрами продавай, а двух слов связать по-простому не умеют! Говорю тебе, придавило ужас как страшно. Мы мясо это стащили — и видим: лежит сэр страж, а нога его в двух местах изогнута и глубоко в землю вдавлена. Что в землю вдавило, то, конечно, не страшно. А вот изогнутость все же лишняя — колено ведь у человека одно, а не два.

— А нюхач?

— Что нюхач? Сбежал он, как старших мы завалили. Я бы, конечно догнал, да латы помешали. Тяжело в железе бегать, да и громыхает так, что в Ортаре глухие слышат.

Сидя возле распахнутого окна своей башни, я слушал, наверное, уже пятнадцатую версию боя с поганью в исполнении Тука. Занимался он этим на внутреннем дворе замка, и зрителей было хоть отбавляй. Удивительно, но, несмотря на то что многие уже не к одному варианту рассказа приобщились, замечаний касаемо несоответствий было мало. Жизнь местная размеренна и скучна, самое мелкое событие вроде ощенившейся борзой вызывает всеобщий интерес, а уж такое становится сенсацией. Очевидцев с подвешенным языком ценят и охотно прощают несуразности и преувеличения.

Правую ногу я держал горизонтально, на подставленном табурете. Она уже почти не болела — только когда вниз по лестнице спускался. Левая практически не пострадала — просто ушиб. Помучился первые часы, а потом за пару дней мой непростой организм справился с повреждениями. Но кость не мясо, и потому старался лишний раз не двигаться — пусть спокойно до конца долечится. А то после знакомства с инквизиторами у меня уже был негативный опыт, знаю, что постельный режим в таких случаях нарушать нежелательно.

На лестнице застучали шаги, затем затихли, и что-то неразборчивое проговорил Амед. Его и в упор слушая не всегда понимаешь, а уж издали, да еще за дверью, вообще плохо дело. Стук по ступеням возобновился — кто-то серьезно обутый продолжает подниматься. Раз хеск его пропустил, значит, посетитель из тех, кто имеет право заходить ко мне без доклада.

Так и оказалось — дверь распахнулась, на пороге показался Саед:

— Вечер добрый, сэр Дан.

— И вам добрый вечер.

— Как нога?

— В полном порядке — готов хоть сейчас в бой.

— Даже завидую вам, стражам: самая страшная рана нипочем. При моем образе жизни качество наиполезнейшее.

— А вы многих стражей знали?

— Лично только одного — вас. В последнее время орден стражей, как я понимаю, обезлюдел пуще прежнего. А уж он никогда многочисленностью не отличался. Поговаривают, что на юг ваши перебрались.

— Может, и так… У меня с головой проблемы после ранения тяжелого, не все помню…

— Слышал. Жаль. Люди в вашем ордене из тех, которых бы хотелось иметь побольше. В свое время ведь именно страж превратил Межгорье в цветущий край. Жаль, что в итоге все так получилось. Но не сомневаюсь, что вы вернете былое.

Обидно. Я ведь не могу «в лоб» выспрашивать про стражей и про все, что с ними связано. Вот и с Саедом сперва дождался, когда он сам об этом речь заведет, и только потом, как бы между прочим, попытался выведать известное ему.

К сожалению, известно ему не так много. Скажу больше: жена Грата — главная сплетница Межгорья — и то больше знает…

— Саед, вы по делу или просто заглянули? Уж простите за прямоту.

— Ничего страшного. Попадая к людям за пределами нашего острова, я и сам почти целиком перехожу на их язык. Привык, что

здесь так лучше понимают, да и быстрее получается. Вообще-то я пришел с вопросом. Причем не с одним.

— И?..

— Корабли готовы к плаванию. Осталось только загрузить припасы. Команды обучены, хотя многого от них не ждите. Пусть они и не крысы сухопутные, но настоящие команды похожи на семьи, и такими они становятся, пройдя через многие шторма, рифы с опасными течениями, схватки с врагами на суше и на море. Но до Железного Мыса они дойдут. Теперь вы должны назначить день отплытия.

— Какие-то рекомендации по этому поводу есть? Я ведь такая же сухопутная крыса — много в ваших делах не понимаю.

— Мне говорили, что на земли погани вы пришли с моря.

— Да, но трудно назвать это полноценным плаванием: ведь вместо корабля у меня было бревно, а вместо команды вот этот субъект. — Я кивнул в сторону окна, где рассевшийся на подоконнике Зеленый с помощью чистки перьев пытался превратить себя в писаного красавца.

— Вот как? Такого любопытного опыта даже у меня нет, так что не принижайте своих способностей. А касаемо выбора дня отплытия я бы рекомендовал не слишком с этим затягивать. Лето на море период спокойный, но ближе к середине случаются бури, иногда очень серьезные. Их трудно предугадывать заранее, но, если все пройдет гладко, выйдя завтра, мы имеем хорошие шансы успеть вернуться до опасной поры.

— Честно говоря, ни разу не видел серьезных штормов на этом море. Мелкое оно. Даже удивлен тому, что случилось с вашим кораблем.

— Не скажите. Глубины есть, да еще какие! К тому же на мели в шторм даже опаснее. Уж очень много камней под брюхо норовит ужалить.

— Завтра никак не получится. Припасы не готовы. В коптильнях еще мясо висит и рыба отборная, мясо свежее надо засолить, сухарей еще не насушили.

— Я знаю. Но через два дня все будет готово.

— Вот как? Тогда давайте ориентироваться на утро третьего.

— Будет лучше выйти из озера в ночь. Река широкая, без сюрпризов, пока доберемся до устья, начнется отлив, поможет отойти от берега.

— Во всем, что касается морских дел, я вам доверяю, так что давайте перенесем отплытие на вечер.

За дверью послышался какой-то шум, потом ругань нескольких голосов, звонкий звук отборной затрещины. На пороге показался возбужденно выглядевший Тук и скороговоркой

произнес:

— Народ пришел из форта, который у Горловины. Поймали душегуба, посланного вас убить.

— Что за народ? Что за душегуб?

— Эй! Поди сюда и сам расскажи!

По лестнице поднялся один из латников Дирбза и без предисловий доложил:

— Пришел утром снизу, встал под стеной и начал орать, что послан к нам Хорьком, чтобы вас, значится, убить. Кинжал показал, говорил, что лезвие ядом пропитано. Мы на крысе проверили — не врет.

— Стоп! Я что-то не понял. Ты говоришь, что человек, посланный меня убить, сам об этом начал кричать, едва подойдя к воротам?

— Ну да. Так все и было. Наверное, за полных дураков нас принял. Неужто решил, что пропустим его, боков не намяв для начала?

— Надеюсь, вы его не убили?

— Что вы! Как можно! Ваш приказ помним и зря не губим. Притащили живьем и почти невредимым. Сказать плотникам, чтобы виселицу ставили, или что-нибудь позатейливее надумаете?

— У меня есть парочка интересных идей, — оживился Саед.

Господи… Какие странные люди меня окружают. Жестокие, но неиспорченные. И напрочь отказывающиеся думать. Если человек сам, громогласно, перед лицом моих воинов заявил, что является подосланным убийцей, то здесь три варианта: или он идеальный идиот, или убивать меня не собирался, или рассчитывает, что я его приму с распростертыми объятиями, после чего, выбрав момент, нанесет удар. Последний вариант маловероятен — столь изощренными интригами местные не балуются. Тот же Хорек действовал куда проще. С первым случаем все понятно, а вот со вторым надо разбираться.

А они сразу о виселицах и китайских казнях…

Мой старый друг-инквизитор уже не первый раз сюда народ посылает. Первыми были хески, по весне под скалой в Горловине нашли тела двух разбившихся — пытались по отвесной круче миновать стену, которой я перегородил путь. Честному человеку так рисковать ни к чему, а наличие мощного арбалета, специальных болтов и склянки яда говорило о многом.

Теперь вот третья попытка.

— С виселицей и прочим повременим. Приведите сюда этого человека — хочу на него сам взглянуть.

Долго ждать не пришлось, так как схваченного держали у

дверей в башню, и не просто держали, а, похоже, лупили. Когда «киллера» привели, оказалось, что нос у него свежерасквашенный и вообще вид такой, будто избивали буквально только что, а не, допустим, час назад. Или морда не понравилась, или, что вернее, подданные на чужой шкуре демонстрируют, что обожают своего сюзерена.

Пленник оказался низкорослым, болезненно худым, лицом походил на облезлого крысеныша, одно плечо заметно выше другого, волосы редкие, кучерявые, будто у негра, только не черные, а рыжие, глаза мелкие и бегающие. Одет небогато, но и не как нищий, а больше всего во внешности бросался громадный нос крючком.

Саед тоже отметил эту деталь:

— Боже, да у вашей птицы клюв гораздо меньше, чем у него нос! Этого висельника можно вместо плуга использовать.

— Если сам потащишь по полю вместо кобылки, то запросто, — шмыгнув упомянутым носом, поддержал матийца несостоявшийся убийца.

Тот, опешив, покачал головой:

— А язык-то у тебя, пожалуй, даже побольше носа будет.

— Да уж не больше твоего!

— Заткнись! — не выдержал Тук, отвешивая пленнику подзатыльник. — С благородным человеком разговариваешь!

— Видал и поблагороднее! И вообще — я дворянин! Почти барон! — Последние фразы дались «киллеру» с некоторой неуверенностью.

— Это какого такого баронства? — хмыкнул горбун. — Тараканье гнездо под старым веником за выступенной печью?

— Нет. С севера я. Имперец. Там тараканов не водится — холода зимнего не переносят. И дураков поменьше, чем здесь. А таких, как ты, вообще ни разу не встречал, хотя мир повидал.

Я начал подозревать, что избиения пленника являлись следствием его характера, а не выслуживания моих подданных. Этот человек меня одновременно забавлял и вызывал своего рода симпатию. Похож на нахохлившегося мокрого воробья, окруженного стаей наглых котов. Но хоть положение безнадежное, продолжает вести себя задиристо. Пора, пожалуй, брать разговор в свои руки, а то сейчас его опять лупить начнут:

— Звать тебя как?

Шмыгнув носом, рыжий буркнул:

— По родителям я Кашшру, только у вас такое все равно никто не выговорит и потому все кличут Нюхом.

— А я страж Дан. Раз уж мы познакомились, скажи — зачем хотел меня убить?

— Это кто сказал такое? Этот небось? — Пленник кивнул в сторону латника.

— Да. Он передал твои слова.

— И вы поверили? Да он визг поросячий правильно передать не способен, потому как глупая мамка его торопилась с козлом согрешить и так резво мчалась к соседскому хлеву, что неловко перепрыгнула через плетень, подолом зацепилась и сынок из нее неожиданно вывалился головой вниз на утоптанную свиньями землю. С тех пор он круглый дурак, а таких любят в солдаты брать, так что все сходится.

Подождав, когда взбешенного латника оттащат от обидчика, я прикрикнул:

— Прекратить тут ругаться и руки распускать! — Затем, уже обычным голосом, продолжил допрос: — Если твои слова передали неправильно, перепутав, то повтори их сам.

— Всего-то и прокричал: «Я Кашшру из Мэддокса. Комиссар-инквизитор Ортара послал меня в Межгорье, чтобы убить сэра Дана. Выполнять его приказа я не собираюсь. Приведите меня поскорее к стражу. Хочу сообщить что-то важное». Вот что там вообще можно было перепутать? Где вы вообще таких дураков нашли, да еще числом великим, и зачем в одном месте собрали? Они все как один распускали руки и обещали меня казнить сорока двумя способами за то, что хотел убить стража. А я разве этого хотел? Я вообще никого убивать не собирался, но поди объясни это балбесам, которые до двух сосчитать не умеют.

Латник проглотил это молча, но покраснел сильнее прежнего и посматривал на болтуна так, что того и гляди у того начнет затылок дымиться.

— Ну, вот тебя ко мне привели, как и просил. Что хотел сообщить?

— У черных на вас зуб размером с королевский замок. Они могут еще кого-нибудь послать, так что поберегитесь.

— Да они уже посылали сюда убийц. Два раза.

— Да?! Так я, получается, не первый?!

— Ты тут последний, причем самый тупой из всех, — ухмыльнулся Тук.

— Да? Ну да ничего — зато у твоей жены первым был.

— У меня нет жены, — заливисто рассмеялся горбун.

— Ой! Прости! С твоей мамой перепутал.

— У! Сын прокаженного борова! Только выйди отсюда — кое-что очень плохое тебе покажу!

Хоть церемоний у меня нет и народ держится просто, но дисциплина на высоте — приказа не лупить пленника даже Тук не посмел нарушить.

— Кашшру, который Нюх. И как там поживает святой страж Цавус? Ты говоришь, что он теперь комиссар-инквизитор? В прошлом году был всего лишь председателем трибунала.

— Братия расширила свою миссию в Ортаре, и эту вонючку повысили. Все равно главным остался, но ранг другой. Чтобы ему на гной изойти…

— Каким образом он тебе приказал действовать? Не думаю, что погнал к воротам стучать с такими словами.

— Нет. Мне дали отравленный кинжал и сказали выдавать себя за бродячего торговца. Товар дали разный: иглы для ткани и кожи, вязальные крючки и другое барахло. И еще сказали, чтобы выдавал я себя за великого знатока кирта. Вы, мол, этим делом очень интересуетесь, потому как у вас оружие древнее есть. Познав, что пришел такой знаток, непременно к себе пригласите. Вот там я вас и должен убить. А если не получится, то рассказать сказку, будто знаю про особый кирт, который спрятан рядом, но, чтобы взять его, надо не больше и не меньше чем два человека. Вы, мол, обязательно заинтересуетесь, и мы вдвоем отправимся в ночь, потому как засветло тот кирт не дастся. Ну а в темноте, да без охраны, вас легко можно убить или хотя бы подранить, а дальше яд сделает свое дело. Потом голову вам следовало отрезать и принести Цавусу.

Может, это и вершина местного коварства, но меня этот план почему-то не впечатлил. Или здесь такая наивность в порядке вещей, или Цавус окончательно тронулся на почве жажды моего убийства.

— И почему ты не стал выполнять приказ комиссара?

— Ха! Да я не такая уж сволочь, чтобы людей почем зря резать! К тому же из Империи подался не просто так, а потому что такие, как Хорек, вконец допекли. В Ортаре из-за доноса глупого попал в темницу, там меня и нашли черные сволочи. Привели в свою вонючую башню, и Цавус мне предложил или червей кормить в подземелье, или выполнить работенку, за которую очень хорошо заплатит. Я даже слушать не стал — сразу согласился. Пусть хоть на солнце прикажет крест демский нарисовать, лишь бы не назад за решетку. Очень уж уважаю свободу.

— Ну что ж… Хоть я и сам знаю, что черная братия меня не любит, но все равно спасибо за предупреждение.

— Э! Какое спасибо?! И все?! А где благодарность настоящая?!

— Выпороть тебя, а там и всерьез отблагодарить! — взорвался Тук. — Вы только гляньте на наглеца! Благодарности ему не хватает!

— Тихо! — чуть не рассмеялся я: рыжий забавлял все больше и больше. — Скажи тогда уж, что за благодарность хочешь получить?

— Ну развязали бы для начала. Затем дело такое — назад мне хода нет, потому как Цавус обязательно спросит — где, мол, ваша голова, — и что я ему отвечать буду? Проиграл в трактире по дороге? Так что хочу здесь осесть, пусть даже ненадолго, но так как кровей я благородных, крестьянствовать мне не с руки будет. Надо бы деревеньку какую, с крестьянами, на прокорм, ну и по мелочам помочь: ведь обжиться — дело непростое.

— Берлогу тебе и пару голодных косолапых под бок! — изумился Тук такой наглости.

— Нюх, мне деревеньки не жалко, но в Межгорье есть закон, которого даже я не могу нарушить. Живущие землей платят натуральный налог на содержание армии, и ничего более. Зависимых крестьян нет — все свободны. Даже я не могу с них лишнего урвать, и все мои доходы идут от рудников и торговли. Вот такие дела… Но если ты хочешь жить как благородный, то выход есть. Война как раз для благородных занятие, и хорошие воины у нас ценятся. В бедноте жить не будешь. Как раз на днях в поход выступаем, возможно, с хорошей добычей вернемся. Но даже если хорошей не будет, все равно без серебра никто не останется. Пойдешь?

— А куда именно собрались?

— Да к демам, на южный берег.

— Много где бывал, но там не бывал еще, а посмотреть охота. Так и быть, договорились — схожу. Только мне корабль нужен и команда. Вот этот горбун сойдет за боцмана — крикливый он и глупый. Как раз то, что нужно.

— Постой… Ты что, в капитаны метишь?

— В адмиралы боязно идти — плохо я корабельные дела знаю. Так что капитаном в самый раз будет.

Пожалуй, это самый интересный подданный из тех, которые пришли в Межгорье за последние полгода…

Спокойно долечить ногу мне не позволили. Средневековье, дикость, все завязано на одного человека. Я был обязан напоследок лично посетить все ключевые места своих владений, раздав распоряжения, которые за целый год не выполнить. И ничего, что ухожу не больше чем на месяц, — так принято.

При себе таскал епископа. В последнее время он обзавелся брюшком — видимо, от религиозной радости: его паства быстро увеличивалась за счет пришлых еретиков и новообращенных. Так как других священников в Межгорье не было, он, получается, стал

монополистом, чем беззастенчиво пользовался.

Ничего, так у него даже вид солидней стал, а то раньше был похож на Кощея Бессмертного.

Епископа не просто так таскал, а в каждую голову вбивал мысль, что подчиняться ему должны так же, как мне. В мое, разумеется, отсутствие. И все равно сомневался в том, что эта простая мысль останется у всех в головах.

Такой уж здесь народ. Мне подчиняются, потому что я легитимная власть, хотя полных прав у меня на Межгорье пока что нет — ведь не вышел трехлетний срок. А раз так, то полномочия назначения заместителей под большим вопросом.

Хоть вообще не покидай долины…

Но нельзя. Не сомневаюсь, что в плавании бакайцы первым делом перегрызутся с матийцами. Ну не любят они друг друга. К тому же даже Саед нет-нет да подкинет предложение вместо Железного Мыса наведаться на жемчужный промысел или в удобном месте подкараулить пару жирных купцов. Дело, мол, верное при таких силах, к тому же галеры наши издали за свои все принимать будут, и можно забраться туда, куда никто до нас не рисковал добираться, а там добыча гораздо лучше должна быть.

Нет, без присмотра этих анархистов отпускать нельзя.

Глава 8
ЗА СПИНОЙ РАСТАЯЛИ РОДНЫЕ БЕРЕГА

Корабли, на которых бакайцы любили заниматься древнейшим морским промыслом, причем не рыбной ловлей и не торговыми перевозками, были невелики. Что-то вроде казацких «чаек», как я понял из описаний. Держались они группами, противника атаковали совместно, а если силы оказывались неравными, рассыпались в стороны и легко уходили за счет превосходства в маневренности. Осадка у юрких суденышек была смехотворной, приличную волну они переносили плохо, и потому пираты держались вблизи берегов, удаляясь от них только в безвыходных ситуациях. Опыта управления большими галерами ни у кого не было, как и навыков навигации в открытом море.

Да что говорить — у них даже компасов не было. Лоции и карты вообще тема отдельная. Таких, к которым я привык, вообще ни одной не видел. Вот как выглядели их «лоции»: длинный свиток, на котором изображалась линия побережья с ориентирами. Что-то вроде осциллограммы, украшенной надписями вроде: «Мыс с горбатой скалой, на которой растет кривое дерево, на котором в позапрошлом году повесили Гука Борзого за дерзость при дележке добычи». Неудивительно, что масштаба у этих филькиных грамот тоже не существовало.

Матийцы в морском вопросе куда прогрессивнее, хотя не без недостатков. Корабли у них относительно приличные, а главный упор сделан на парусное вооружение. При подходящем ветре догонят кого угодно, но в штиль будут плестись как черепахи — весел мало, установлены они неудобно, и вообще конструкция не благоприятствует гребле. Они прекрасно себя чувствовали вдали от берегов, легко переносили даже сильные шторма. Штурманы умели прокладывать курс по звездам и солнцу при помощи примитивных угломерных инструментов, подвешиваемых к реям. Имелся простейший компас — болтающаяся на шелковой нити намагниченная игла. Карты хоть и ужасные, но настоящие, а не те смехотворные рулоны, которые хранил сэр Флорис в своем сундуке.

Но управлять галерами демов матийцы тоже не умели. Я, мало понимая в кораблестроении, все же видел, что конструкция там специфическая и по местным меркам все устроено сложно. Эти суда могли быстро разгоняться в любую сторону, помогать

гребцам парусами, разворачиваться со столь приличной скоростью, что лишь бакайские скорлупки в этом их превосходили.

Саед признался однажды, что самое трудное для матийского корабля при схватке с демами — это подойти для абордажа. Даже имея превосходство в ветре, трудно сойтись с этой маневренной скорлупкой, если капитан врага этого не желает.

Во время зимней войны нам удалось повоевать на воде, устроив абордажную схватку сразу с двумя галерами. Но тогда плавание заняло считаные часы, вода в озере и реке спокойная, время суток светлое — идеальные условия для команды новичков. К тому же демы не пытались уклониться от схватки — наоборот, рвались навстречу, а на борту имелись опытные гребцы.

При тренировках мы привели с рудников несколько пленников, заставив их раскрыть секреты приличной маневренности этих внешне неповоротливых «утюгов», но помогло это мало. Увы, команды наши слишком неопытны — хоть чуть ли не каждый с морем на «ты», но действовать как единый организм и не теряться в любой ситуации пока что не могут.

Ничего, все еще впереди.

Имелась и другая проблема. На веслах я намеревался держать воинов вместо невольников. Это увеличивало количество бойцов на корабле и число мест для будущих пассажиров. Увы, если в зимней войне ребятки охотно взялись за это дело ради последнего боя, то сейчас не горели желанием натирать мозоли. Все дело в предрассудках — ведь, по всеобщему мнению, такое занятие — удел рабов. Согласиться на такое после жаркого боя, не отойдя от горячки, — это одно, а после месяцев спокойной жизни — совсем другое. Бакайцы еще со скрипом, но смирились, что придется заменить собою кандальников, а вот матийцы категорически заявили, что это неблагородное дело. То есть наотрез отказались.

Стоило немалых трудов убедить их в обратном, но все равно опасался, что по пути эти зазнайки устроят «итальянскую забастовку».[4] Потому я решил плыть на корабле Саеда, а не Арисата. Своим доверия больше.

И это лишь сотая часть проблем, которые мне лично пришлось решать в процессе подготовки к плаванию. Кто бы мог подумать, что пиратство такое хлопотное дело.

Первые проблемы начались еще до выхода. Оказалось, что тренировки проводились лишь в светлое время суток, и ночью плыть по реке ни Саед, ни Арисат не решились. Я предложил

впереди послать пару лодок с фонарями, для ориентира, но они все равно побоялись сунуться в узкое русло. В итоге отлив мы прозевали, но я не сильно расстроился — подумаешь, потеряли несколько часов.

Солнце уже прилично поднялось, когда преодолели скальное сужение, в котором располагался форт, защищающий водный путь в долину. На площадках возвышались укрепления из кое-как отесанных камней, оттуда размахивали руками немногочисленные воины гарнизона. Командир не удержался, догнал галеру на лодке, поднялся на борт, доложил, что все спокойно и посторонних давненько не видели. Я его отпустил, но он возвращаться не спешил, заявив, что намерен нас проводить. Судя по решительному виду, провожать рассчитывал до самого Железного Мыса, так что погнал я его на берег чуть ли не пинками.

Все же до идеальной дисциплины здесь пока что далеко…

Еще через час вышли к устью, миновали береговую скалу, что тянулась слева. У ее подножия можно было различить груды человеческих костей и множество черепов, надетых на колья. Надпись «Добро пожаловать в Межгорье» тоже сохранилась. Матийцы высыпали на палубу, уставившись на зловещее зрелище, а мои ребята начали взахлеб рассказывать о мрачной истории появления гостеприимных слов и зловещих останков.

Рассказ так заинтересовал рулевых, что они, заслушавшись, позабыли о своих прямых обязанностях, из-за чего галера начала выполнять странный маневр — что-то вроде поворота по все круче и круче изгибающейся дуге, при этом почему-то заметно ускорилась. Наверное, дело в речном течении. Будь дело на просторе — вообще бы круг описала, но здесь тесновато и на пути оказался берег. Скалистый…

Не врезались, но пару неприятных минут я пережил — ошибочный маневр рулевого в сочетании с течением реки, осложненным остаточными явлениями прилива, едва не довели до беды.

Многообещающее начало плавания. Даже попугая проняло — ругался как потомственный грузчик мебельного магазина. Хотя ему-то чего бояться? В случае чего спокойно улетит. Ни шлюпок пернатому не нужно, ни спасательных жилетов.

А ведь на корабле даже спасательных кругов нет…

В прошлом году, гением земных ученых и личным везением будучи заброшенным в этот мир, я очутился в этом самом море, вдалеке от берегов. Точнее, берег как раз имелся, причем поблизости, но принадлежал он небольшому острову, где меня

поджидали не самые приятные приключения. Пришлось тогда очень срочно уплывать на первом попавшемся плавсредстве — кривом бревне. Несмотря на всю его неказистость, я сумел добраться до более-менее нормального побережья и даже с прибылью остался, обзаведясь по пути попугаем, благодаря которому меня не повесили первые же встреченные люди.

Хотя, если вдуматься, прибыль какая-то сомнительная…

Я и раньше считал, что пересечь море на бревне — это круто. Никогда про такое не слышал. На лодках, плотах — это да, но чтобы вот так… А теперь лишний раз убедился, что совершил тогда великое деяние.

Волны медленно поднимали корабль и так же медленно опускали. Не знаю, каковы они по высоте, но на глаз такие жуткие, что страшно очутиться среди них в обычной лодке. А каково было на бревне среди них? Или тогда было потише? Не помню уже, хотя вроде да — вода поутру оказалась как зеркало. Правда, волнение тоже случалось.

Мимо с позеленевшим лицом просеменил Нюх, склонился за борт, в очередной раз покормил море содержимым желудка. Саед, брезгливо наблюдая за действиями «северного почти барона», поинтересовался:

— Зачем вы вообще взяли его с собой? От него же один скелет останется к концу плавания.

— А вдруг он и вправду замыслил меня убить, замаскировав свои намерения «явлением кающегося наемника»? Пусть под рукой будет, а не вредит исподтишка. Все равно ему подобраться ко мне не дадут. Ребята ему не доверяют.

— Есть масса способов выяснить его истинные намерения. Я как раз знаю парочку очень эффективных.

— Пытки? Примитивно… Знаете, иногда люблю пощекотать себе нервы.

— Понимаю. Но все же предпочитаю вульгарные пытки.

— К тому же Нюх много где побывал, а слушать рассказы о других странах я люблю. В тот момент мне показалось забавным держать под рукой такого человека. Сейчас, правда, уже не очень смешно, хотя ребята, как погляжу, смотрят на него и не нарадуются.

— Понимаю их чувства. Этот грубиян своим языком всех успел зацепить, так что смотреть на его мучения — для них высшее удовольствие. И ведь это только начало. Что будет, когда в море выйдем, где болтанка не чета нынешней?

— А это разве не море?

Саед удивленно повел бровью, затем указал рукой в сторону правого борта:

— Что вы видите?

Посмотрел в указанном направлении. Водный простор, пенные барашки на волнах, далеко, почти на грани видимости, просматривается вытянутое пятнышко острова или, скорее, скалы голой.

— Если не ошибаюсь, это море.

— Нет, вы не правы. Видите, как ломаются волны? Это из-за малой глубины и берегового течения. Вон, прямо по курсу, облако по горизонту — это длинный остров, прикрывающий нас от волнения с юга. Отсюда его не видно, но он точно есть — облако его выдает. Дно местами выпирает, скалы слева и справа просматриваются, добавляя водам опасности, но зато высокую волну они ломают хорошо.

— А мы не налетим днищем на скрытый водой камень? Может, стоит сбавить ход?

— Нет, в такую погоду не налетим. По поведению волн издали заметим опасность и свернем. Вот ночью — да, опасно. И днем бывает, при очень сильном ветре, когда корабль плохо управляется, как получилось с нами в тот шторм. Хуже, когда волн вообще нет: разглядеть подводный камень при спокойной погоде очень тяжело, и зачастую происходит это в последний момент, когда отвернуть уже не остается времени. Вот потому при входах в опасные бухты ставят маяки, а на борт берут местного лоцмана. Там ведь даже в бурю может быть почти спокойно, если подветренная сторона.

— Этим впередсмотрящий занимается? А вы бы могли так же замечать?

— Мог бы, иначе какой из меня капитан. Не зная всех тонкостей морского искусства, неминуемо доведешь корабль до беды. Впрочем, даже я довел. Видимо, не все еще знаю. Увы.

— Не переживайте, у вас теперь другой корабль. Как он, кстати? Нравится?

— Пока трудно судить. Ход дает хороший, а вот с маневрами пока не все гладко. На озере лучше получалось — ведь там волна не мешала, да и течения не было. Трюм нравится — хоть и низкий, но вместительный, и практично устроен. Даже если течь пойдет, вода начнет затапливать его частями. Не понравилась гребная палуба. Очень тесно, во весь рост даже в центральном проходе не выпрямиться. Люди будто в ящиках сидят. Я понимаю, что рабов демам жалеть ни к чему, но ведь это мешает им выкладываться в полную силу. На наших кораблях по вертикали простора куда больше, да и в остальном комфортнее. Видели бы вы мою каюту… А здесь? Даже у вас конура, в которой не всякая собака жить согласится.

— А когда мы выйдем к нормальному морю из этого залива?

— Это не залив — пролив. Язычники называли его Ко-ча, у нас его именуют пролив Годара. Тот остров, которого мы не видим, очень велик, но никто там не живет. Длинный он и узкий, при набеге демов не получится скрыться в глубине. Я там приставал однажды, когда мачту чинил. Отличная земля, красиво очень, дичи видимо-невидимо. Вы бы его как-нибудь к рукам прибрали, раз хозяина нет. От того форта, что на реке, до него день плавания на хорошем струге.

— Эх, Саед… У меня навалом превосходной земли, вот только обрабатывать ее некому. Забыли, зачем мы плывем? Вот то-то… Куда мне об островах думать, если в долине пахать не перепахать.

— Не только у вас подобная беда. Все без исключения южные страны страдают от безлюдья. Погань давит медленно, но верно. С ней всегда все одинаково. Сперва появляются рейдеры, потом набеги начинаются. Год от года они случаются чаще и чаще. Как ни охраняй границу, а орды все равно лазейку находят. Или нагло ломятся, силой продавливая. Деревни начисто разоряют, городам тоже достается. Чем ближе к погани, тем чаще случается мор, а это уж вовсе беда. Крестьяне начинают в страхе разбегаться, разнося заразу, земля пустеет все быстрее и быстрее. Нет землепашцев — некому кормить армию. Солдат становится все меньше и меньше, держать границу не хватает сил, погань начинает вырезать ослабленные гарнизоны. И заканчивается все исходом уцелевших. Бредут на север, в чужие страны, соглашаясь на любые условия, лишь бы не оставаться под тьмой. Поначалу там радуются прибавлению подданных, но вслед за ними появляются рейдеры, и потом все то же самое начинается, до нового исхода еще дальше на север. Сэр Дан, давно хочу вас спросить…

— О чем?

— Мне рассказывали, что вы покарали демов колдовством невиданной силы. Рассказчики не лгали?

— Это не колдовство.

— Но так говорят…

— Когда к ране прикладывают лист подорожника, она быстрее заживает. Это колдовство?

— Нет, просто такое полезное свойство у подорожника. Трав целебных много, честные лекарки этим пользуются, не опасаясь гнева черной братии. Никакого зла в помощи больному нет. Даже более того — сердца погани и некоторые другие органы спасают от болезней, заживляют раны, прибавляют силы. И за это тоже не порицают, при условии если лечение проводит врач с

разрешением от карающих.

— Вот то, что я тогда сделал, — оно вроде подорожника, но с другими свойствами. Никакое не колдовство это. Иначе можно все колдовством обозвать. Вот вы заставляете ветер двигать ваш корабль? Колдовство. Масло горит в ваших фонарях? Тоже колдовство.

— Я понял ваши пояснения. Хорошо, пусть будет не колдовство. Вы сможете это повторить на Железном Мысе?

— Нет. У меня нет при себе необходимых материалов.

— Жаль… Я-то наделся, что сможете. Смущает меня та крепость, и вообще — рабы не все знают, да и пленники тоже. Мало ли какие силы могут оказаться у темных под рукой.

Я усмехнулся:

— Странно такое слышать от набожного матийца.

— К чему вы это сказали?

— Набожные люди чураются колдовства, а вы честно признались, что на него рассчитывали.

— А… Вот вы о чем. У нас на острове все просто: то, что помогает бить тьму, непременно праведно. Если вы каким-то образом ухитритесь демона из ада оседлать и поскачете на нем в бой, наш священник вас благословит и даже не поморщится при этом.

— И как к этому относится черная братия?

— Я не посвящен в тонкости высшей церковной иерархии, но думаю, даже если они не одобряют некоторых черт нашего национального характера, вынуждены закрывать глаза. Церковного суда у нас нет, и священнослужители могут лишь доносы строчить и передавать власти, а уже та судит по гражданским законам. И как вы понимаете, героев войны никто не накажет, какими бы способами они ни добивались победы. Слышал я, вы тоже воевали, не задумываясь о соблюдении условностей?

— Вы имеете в виду неожиданные ночные удары и нарушение неписаных правил действий перед боем?

— Да. Мы, матийцы, злейшие враги демов, потому что тоже не отягощаем себя условностями. Просто не считаем их людьми. О каких правилах этикета может идти речь, если имеешь дело с диким зверем?

— Вам, должно быть, проще воевать. Мне немало трудов стоило заставить своих людей сражаться, чтобы просто победить, а не связывать себя по рукам и ногам глупыми условностями.

Мимо в направлении борта опять просеменил Нюх, лицо у него было зеленее прежнего. Проследив за ним рассеянным взглядом, Саед задумчиво произнес:

— Как выберемся из пролива, море навалится на нас всерьез. Ветер ровный, дует давно — волну разогнал хорошую.

— Вы когда-нибудь ходили этим путем?

— Нет. Нам придется двигаться через море, напрямик. Корабли Матии если такое и делают, то от своих берегов, а не от здешних. А бакайцы и прочие даже не подозревают, что так можно делать. Вы видели их карты?

— Доводилось.

— Тогда понимаете, о чем я. Для них море — это берега и узкая полоса воды, к ним примыкающая. Все, что за горизонтом, попросту не существует. Здесь только мы и демы так ходить умеем, поэтому вдали от суши никого другого не встретишь. Никто не знает, что чем дальше от материка, тем меньше скал и островов, а глубины увеличиваются столь сильно, что ни якорем, ни лотом до дна не достать. Ориентиров нет, только солнце, звезды и путеводная игла, которая не везде работает правильно. Есть еще хитрости с мерной веревкой, когда надо расстояние пройденное определять, но это только на проверенных маршрутах. Здесь, на новом, бесполезно таким заниматься, разве что на будущее промеры сделать. Первое время придется двигаться осторожно и на ночь останавливаться, иначе до беды недалеко. Но как отойдем всерьез, так помчимся и светом, и темнотой. Парусное вооружение у наших галер не очень удобное, но под боковым ветром ходить можно, а на штиль в эту пору нелегко нарваться. Приближение суши днем можно определять по дымке и облакам на горизонте, ночью помогает шум волн, хотя с нашим ходом короткой летней ночью мы много не пройдем, чтобы стоило всерьез беспокоиться об опасности мелей и камней. Они поодиночке редки и почти всегда рядом с островами, так что заранее можно заметить опасность.

Вспомнив обстоятельства своего появления на этой планете, я осторожно закинул удочку:

— Поговаривают, что на дальних островах демы чем-то совсем уж мерзким занимаются.

— Они и на ближних ничего хорошего не делают. Все их дела мерзки, к тому же вам должно быть больше известно.

— У меня проблемы с памятью после полученных ран — мало что помню.

Саед покосился на юг и, перейдя чуть ли не на шепот, попросил:

— Вы поменьше о таком говорите.

— Беду накликаю? Бросьте. Неужели вы подвержены морским суевериям?

— Вам, как сухопутному человеку, простительно не думать о

подобном, но моряки — совершенно другое дело. Чего только не увидишь в плавании и каких только рассказов не услышишь от тех, кто повстречался с темнотой и выжил. Не просто так люди боятся от берегов отходить. Море переполнено тайнами, и многие из них смертоносны. Можно не только жизни лишиться, но и души. Не зря только демы здесь ничего не боятся — ведь они часть тьмы, и она их не тронет. А вот мы — другое дело. Увидите еще, как матросы по вечерам молятся, и все только об одном: просят бога помочь им увидеть рассвет.

— И все равно вы согласились на это плавание?

— Мы — матийцы. Если тьму не трогать, она не станет сидеть на месте. Сегодня ей вольготно в открытом море, а завтра даже у берегов станет невозможно ходить. Многие наши корабли пропали при дальних плаваниях, но это не повод отказываться от борьбы. К тому же вы правы с вашим замыслом. Если идти вдоль суши, обязательно попадешься на глаза, и предупрежденный враг перехватит нас большими силами. Но со стороны моря никто не ждет нападения. Мы будто ночной убийца, неслышно подкравшийся сзади. Воин стоит, он напряжен, готов к битве, его оружие намерено встретить врага, напавшего лицом к лицу. Но кинжала под лопатку он не ждет, и его доспехи не защищают уязвимого места. Сэр Дан, даже если мы все до единого погибнем, демы это запомнят надолго. Очень надолго. Это будет славная смерть, наши предки будут нами гордиться.

Глава 9
ПЕРВЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Мне не однажды доводилось читать книги и смотреть фильмы, раскрывающие тему приключений на море. Обычно там почти без перерывов происходило что-то интересное, а в краткие промежутки между событиями форштевень рассекал волны, палубу обдавало солеными брызгами, матросы пели песни и ползали по снастям, капитан с загадочным видом таращился в подзорную трубу.

Начало первого моего плавания можно было охарактеризовать одним словом: скука. Ничего не происходило. Вообще ничего. Даже момента выхода из-под защиты острова я не заметил. Узнал об этом лишь из пояснений Саеда. Как раскачивало судно на волнах, так и продолжало, на взгляд такой сухопутной крысы, как я, болтанка ни на каплю не усилилась. Подзорных труб аборигены не знали, но не уверен, что, окажись она у капитана, он бы немедленно начал таращиться вдаль. Матиец вообще не особо смотрел по сторонам, доверив это дело матросам. И вообще не понять, для чего он здесь — ни приказов не отдает, ни за обстановкой не следит.

Хотя зря я его в безделье заподозрил. Судя по разговорам, он прекрасно знает, что вокруг происходит, и не считает нужным имитировать бурную деятельность. Отдал генеральный приказ и следит за его выполнением.

Последние признаки суши под вечер исчезли, хотя и задолго до этого я не мог их заметить. Хотя чайки продолжали встречаться, а они, если не ошибаюсь, сильно от берега не отдаляются. Правда, не исключено, что просто живут на скале безжизненной, которой издали не различить, или очень увлеклись преследованием кораблей.

Такую скалу я нашел в первые дни своего пребывания в этом мире. Гнезд птичьих там хватало.

На ночь Саед, как и обещал, велел спустить паруса и оставить весла в покое. На корме и носу повесили два фонаря, аналогично поступили на втором корабле. Вахтенные матросы ворочали руль, держа судно носом к волне, и поглядывали за «Ужасом», чтобы не сильно удалялся.

Утром волнение стало заметно слабее, но все равно раскачивало прилично — народ, слабый на желудки, продолжал страдать от морской болезни. Корабли не разошлись — расстояние, если судить на глаз, за ночь ни на метр не

увеличилось. А еще в округе не наблюдалось ни одной чайки, и я решил, что берег и впрямь остался далеко.

Притихший ветер замедлил наш ход и вызвал негативную реакцию рядовых членов команды — ведь теперь пришлось работать им. От парусов толку мало, вся надежда на весла.

Кстати, этот примитивный движитель очень прилично, на мой взгляд, разгонял тяжелую галеру. Странно, что здесь не принято устанавливать тараны, на что указал Саеду. Тот, выслушав мое замечание, не сразу понял, о чем речь, а когда понял, удивился:

— Дан, но ведь люди по натуре трусливы, и не каждый согласится пасть так доблестно, потому и не принято на дорогих кораблях такое оружие устанавливать.

— Не понял? О чем вы? Кто там собрался пасть доблестно?

— Вы, должно быть, не слишком разбираетесь в конструкции кораблей, но поверьте, что эта галера не только противника утопит, но и сама развалится при таране. Зачем вообще нос утяжелять, если хоть так, хоть без этого конец одинаков? У сертольцев есть суденышки таранные, но они малого размера, с единым килем, сделанным из цельного бревна дерева матук. Вот на его оконечности и держится таран. Крепкая конструкция, но все равно ломаются часто. Видел я однажды такой корабль — больше на челн долбленый похоже. Места на палубе вообще нет, все гребцами занято. Даже при малой волне заливает. Смешно.

— Скажите, Саед, а если за ночь «Страх» отнесет далеко, мы сможем его найти?

— С чего это его должно далеко унести? Мы ведь рядом стоим, течение с одинаковой скоростью несет в одну сторону.

— Ну… Мало ли. Может, завихрение течения или шторм…

— Дан, вы хороший воин, к тому же страж, пусть даже молодой, и к вашим словам стоит прислушиваться. Но прошу вас: пореже думайте о невзгодах, когда находитесь на палубе корабля. Моряки народ суеверный и не сомневаются, что беды притягиваются всяким упоминанием о них. Так давайте никогда не думать о плохом. К тому же какие завихрения и водовороты, если поблизости ни берега, ни скал нет?

На третью ночь я проснулся от хоровых воплей, исполняемых глотками десятков мужчин. Звучало это ужасно, и первая мысль была логичной — мне просто снится кошмар. Но слишком он какой-то реальный. Нос различает уже привычные корабельные запахи, в окошко, что вырезано в низкой дверце, пробиваются красноватые отблески кормового фонаря.

И нет качки. Совсем нет. В последнее время она почти

исчезла, но ведь не полностью.

Вскочив с подвесной койки, торопливо натянул одежду, выскочил на палубу. Здесь впервые увидел, как Саед командует. Стоя возле мачты, он размахивал фонарем и четко, уверенно покрикивал:

— Слить воду из бочек за борт. Припасы перетащить с носа на корму. Носовые весла снять и тоже перенести на корму. Отдать носовой якорь. Если до дна не достанет, рубить канат. Всем, кто не на помпе и не на веслах, выстроиться на корме. Вскрыть балластный отсек и начать перетаскивание камней от носа к корме.

Обернувшись к подошедшему Туку, я спросил:

— Что происходит?

— На скалы нас принесло. Кто же знал, что они здесь? Волны нет, вахта не услышала.

— Странно, я не чувствовал удара.

— Спали небось.

— Что теперь будет?

— А кто же его знает… Матиец пытается все тяжелое с носа или побросать, или на корму перетащить. Если нос приподнимется, то может получиться кормой вперед сдать.

— А если нет?

— Тогда придется все лишнее в воду кидать, облегчать корабль — и опять пытаться вытащить. Если дно рядом, то якорной лебедкой можно попробовать помочь.

— Раз на камни сели, то здесь неглубоко.

— Всякое бывает. Иные скалы будто бревна торчат из жуткой глубины. На ней брюхо пропорешь, а шаг в сторону сделаешь, и лотом дна не достать. Если «Ужас» быстро не стащить, то худо нам придется.

— Почему?

— Волна хоть и слабая, но все равно есть. Корпус приподнимает и опускает, раз за разом прикладывая о камни. Пробоины ширятся, обшивка трещит, доски расходятся. Будь волна высокой — быстро бы разбило.

На палубу выскочил один из матийцев, в руках он сжимал огромную трубу. Поднес ее к губам, уши едва не заложило от долгого заунывного звука дивной силы.

— Сигнал «Страху» подает, — пояснил Тук. — Течение их от нас отнести далеко может, да и пусть выгребают на месте, а то не хватало им тоже засесть на этих рифах.

В суету я не лез, прекрасно понимая, что толку от меня там не будет: эти люди знают, что надо делать, и сухопутным крысам остается им не мешать. Даже помогал, стоя на корме. Хоть я и не

сильно толстый, но сейчас каждый килограмм груза должен работать на общее благо.

Не знаю, чем бы все закончилось, но глубина за кормой оказалась небольшой и оттащенный с помощью лодки якорь достиг дна. Когда впустую молотящим веслам на помощь пришла лебедка, корабль медленно отполз назад, причем несколько раз раздавался приглушенный скрежет, противной дрожью отдававшийся по корпусу.

В трюме резко возрос приток воды, помпы не справлялись. За борт спустились несколько матросов, вручную начали запихивать в щели разошедшейся обшивки комки просмоленной пакли. Это чуть улучшило ситуацию, но с донными пробоинами они ничего не смогли сделать. Попытки заделать их изнутри тоже закончились неудачно. Ситуация замерла в положении хрупкого равновесия — крен не увеличивался, но и не уменьшался. Мы сливали за борт приблизительно столько же, сколько принимали.

В детстве меня удивляло: почему деревянные корабли тонут? Палка ведь плавает, так чем от нее отличается набор из досок и брусьев? С тех пор я подрос физически и умственно, так что прекрасно понимал, чем грозит нам изменение «равновесия» в пользу моря. Если пробоины не залатать, «Ужас» пойдет ко дну ничем не хуже чугунного утюга.

На рассвете подошел «Страх», пришвартовался, на него перешла часть нашей команды, их заменили свежими силами. Туда же начали перегружать припасы и прочие грузы, но помогало это мало. Все попытки заделать течи так ни к чему и не привели. Слишком велика осадка у галеры, а водолазов у нас не было.

Спустя пару часов организовали совет капитанов, запершись от лишних ушей в моей крохотной каюте.

— «Ужас» надо бросать, — с ходу предложил Арисат. — Дно ему хорошо побило, на волнах течь будет усиливаться, и скоро он сам ко дну пойдет. Пока не поздно, перегружаем все ценное и команду.

— Тогда придется возвращаться, — нахмурился я. — «Страх» будет перегружен, на него ни добычи взять не сможем, ни людей с Железного Мыса.

— Сэр страж, но в открытом море починить галеру мы не сможем. Нужен берег, причем нормальный, а не скала. — Арисат выразительно указал в сторону двери.

Где-то там, если выйти, можно было разглядеть неподалеку от корабля россыпь черных точек, вокруг которых пенились разбивающиеся волны. Верхушки каменной гряды — именно на нее нас угораздило напороться. Наверное, раньше здесь был

островок, но море оставило от него жалкие огрызки.

Ну почему оно его целиком не проглотило?!

— Берег здесь есть, — неожиданно заявил Саед.

— Где?! — недоверчиво спросил Арисат. — Я все вокруг оглядел, но никаких примет суши не заметил.

— Вы, бакайцы, никогда далеко в море не заходили, потому и не замечаете очевидного. На юге есть суша. Похоже на остров.

— А может, это уже берег демов?

— Нет. До него мы никак бы не успели дойти. Ветер хоть и помогал, но не особо. По моим расчетам, еще дня два пути осталось, а скорее даже три или четыре, если не больше. Все от ветра зависит.

— И что там за остров? — уточнил я.

Саед пожал плечами:

— Этого я не знаю. Одно скажу — море богато островами, и ничего удивительного, что один из них оказался неподалеку. Корабль хоть и поврежден, но сохранил ход. На веслах еще до вечера должны дойти.

— Если наберет ход, водой задерет пластырь, который на днище завели, — опасливо заявил Арисат. — Или вообще сорвет, потому как сильно его натянуть не получилось.

— От него все равно мало толку — вода как прибывала, так и продолжает прибывать. Киль мешает ткани прижиматься к обшивке. Пусть срывает. Даже если приток усилится, то вряд ли сильно. Перетащим помпы со «Страха» и будем чаще менять на них людей. А вам, Арисат, думаю, стоит пойти первым, разведать берег. Надо найти подходящую бухту, где можно будет отремонтировать «Ужас». Доски есть, смолы и пакли тоже хватает. Главное, чтобы остров оказался подходящим, и тогда быстро починимся.

На здешних островах я уже бывал, причем целых два раза. Первый можно было за полчаса обойти: безлесный, поросший травой и редкими кустарниками, необитаемый, если не считать медведя, с которым далеко не все понятно оказалось. Второй был еще меньше — просто скала, торчащая из моря. Там никто, кроме чаек, не водился и ничего не росло. Голый камень и обломки большой лодки, на которых даже такой всеядный хомяк, как я, не сумел ничем поживиться.

Этот не походил на своих предшественников. Показался около полудня, выглядывая из-за горизонта вершинами тройки зеленых холмов. Цветом этим они были обязаны не только траве и кустам — там настоящие леса поднялись, протягиваясь местами до самого побережья. Издали можно было рассмотреть серый пояс

галечниковых пляжей и буруны на рифах, окружающих сушу.

Пользуясь тем, что «Страх» не поврежден, Арисат далеко оторвался от нашего продырявленного корыта, но приставать не рискнул. Покрутился у северной стороны острова, затем пустил на разведку лодку. Та исследовала широкий проход меж рифов, убедившись, что глубины позволяют пройти даже прилично осевшей на корму галере.

Что поделаешь, поправить крена мы не смогли. То ли виноват сорванный пластырь, то ли от качки расшаталась поврежденная обшивка, сказать не могу. Просто воды прибывало больше, чем успевали откачивать помпы, и чем дальше, тем хуже становилась эта пропорция. Вряд ли до утра сумеем на плаву удержаться, если ничто не изменится.

Во время прохода через рифы я даже дышать опасался. Если «Ужас» еще раз налетит на камни — это конец. Не только кораблю, а всем планам. Придется возвращаться, готовить для плавания другую галеру. Кто его знает, в каком она окажется состоянии, — ведь выбирали лучшие, оставив хлам. К тому же в Межгорье скучать не приходится. Мало ли что случится тем временем, и надо будет в темпе отбивать очередное вторжение или заниматься другим делом, не терпящим отлагательства. Придется переносить сроки, а там осень подоспеет, похода ухудшится, идти в незнакомое море станет втройне рискованнее.

Рифы миновали без приключений — разведчики не подвели. Дальше галера продвигалась чуть ли не по миллиметрам, подойдя к берегу в месте, где дно, судя по промерам, было ровным. При этом все не занятые на веслах переместились на корму. Около сотни человек — это груз приблизительно в восемь тонн, не считая личных вещей и тяжелых предметов, сложенных там же. Облегченный нос еще больше приподнялся, что позволило пройти чуть дальше, до соприкосновения с галечным дном.

Толчок вышел едва ощутимым — маневр удался. Следом команду ждала каторжная работа на лебедках — галеру необходимо было вытащить как можно дальше на сушу, чтобы в отлив поврежденный нос показался из воды. Если этого окажется достаточно для проведения ремонта, то проведут его быстро. Если нет — придется потратить кучу времени. На что именно его будут тратить, я не знал, но доверял словам Саеда и Арисата. Похоже, в этом случае корабль придется вытаскивать полностью или даже приподнимать, а он далеко не пушинка.

«Ужас» теперь напоминал выброшенного на берег кита, а стоящий напротив него «Страх» претендовал на роль его скорбящего родственника. На берегу суетились сотни воинов,

занимаясь организацией лагеря. Глядя на это со стороны, я еще больше стал понимать, что по собственной инициативе ввязался в наивную авантюру.

По местным меркам мы бесконечно далеко от родных берегов и при этом лишились одной ноги — «Ужаса». Если его не получится починить и при этом что-то случится со «Страхом», то застрянем неизвестно на сколько, если вообще живы останемся. Купцы здесь не появляются, пиратам, значит, тоже делать нечего, а рыбацкие посудины на приличные расстояния от своих деревень не отходят. Здесь, возможно, от сотворения мира не бывало кораблей. Мы первые. Некому подавать дымовые сигналы или отчаянно размахивать руками, бегая по берегу. Никто не пройдет мимо, не подберет, не поможет.

Обидно… Даже штормов не было, а у нас уже проблемы начались. Ведь тщательно готовились. Без суеты и спешки. Продуманно.

Не очень-то помогло…

Глава 10
ТАИНСТВЕННЫЙ ОСТРОВ

Лишь утром, в отлив, были окончательно определены повреждения, полученные «Ужасом». Удар о камни и последующие нагрузки при раскачивании на волнах привели к тому, что не выдержали крепления обшивки на носу и перекрытия балластного отсека, что привело к расхождению досок. В щели, естественно, хлынула вода, а дальше все понятно. Также подозревали повреждение шпангоута, но, к счастью, все обошлось. К счастью — потому что это гораздо более серьезная поломка. Помогло то, что все детали корпуса в этом месте были усилены кораблестроителями как раз на случай подобных ситуаций.

Теперь предстояло стянуть все заново, тщательно закрепить, проконопатить щели, вывести галеру на воду и пополнить запасы пресной воды, которые мы слили за борт для облегчения судна.

На поиски источников выделили команду разведчиков, остальные занимались ремонтом, обустройством лагеря и таскали бредень, пополняя кухонные запасы. Лишь привилегированные люди вроде меня взирали на эту суету со стороны, ничем себя не утруждая. Саед вообще расселся перед своей палаткой и в открытую потягивал винцо. Попугай, скотина неблагодарная и подлейший предатель, переметнулся к нему, польстившись на должность собутыльника. Сам я это дело недолюбливаю, вот и пришлось слоняться по берегу, занимаясь швырянием в море камешков и прочими важными делами.

Скучно…

Отойдя на пару сотен шагов от лагеря, наткнулся на подозрительно ровную россыпь здоровенных булыжников. Если обычные пляжные камешки легко в сжатом кулаке помещались, то этих и лапой великана не обхватить. Выглядели они не к месту. Может, кто-то ссыпал здесь корабельный балласт? Или какое-то сооружение раньше стояло, причем очень давно. И вообще, остров почему-то не казался диким, необитаемым. Чем-то похож на тот, где я оказался по прибытии в этот мир. Вроде парка городского, только без мусора. Там, правда, людей не было, зато имелось кое-что похуже.

Странные мысли. Все от нервов, наверное. Бояться перерождающихся медведей глупо — ведь со мной три сотни головорезов.

Разведчики вернулись быстро, и двух часов не прошло.

Причем возвращались они весьма поспешно — мчались так, будто живого черта увидели. Я сразу заподозрил, что скука осталась в прошлом, и не ошибся.

— Демы! — объявил запыхавшийся Люк.

— Прекрасно, — ответил я и счел нужным уточнить некоторые детали: — А нельзя ли поподробнее? Что за демы, где они, сколько их, чем заняты? Люк, ты же разведчик, а не баба на ярмарке, докладывай как полагается.

— Простите.

— Простите?!

— То есть виноват! На другой стороне острова что-то непонятное, похожее на дворец, но очень уж странный. Не доходя до него, мы нашли тропу, залегли рядом и увидели демов. Четверых. Наверное, они из того дворца пришли.

— Почему решил, что это демы?

— Да неужто мы демов никогда не видали?!

М-да… И это еще далеко не худший из моих людей.

Вот так и работаем…

— Как выглядел этот дворец? — спросил Саед.

— Длиннющий сарай, гладкий, серый, и к нему такой же примыкает в середке. И чудно как-то: снизу гладко, а сверху неровно, будто обгрызено. Похоже, раньше дворец повыше был, но потом верхние этажи разломали зачем-то и оставили как есть. Или, может, сам развалился, а потом, что осталось, отстроили на скорую руку. И еще там на море мачта корабельная видна, но самого корабля из-за замка не разглядеть. Мы как раз хотели стороной обойти, чтобы увидеть бухту, и на тропу наткнулись, ну а там демов увидели.

— Два сарая… Они, пересекаясь, крест образуют?

— Не понял?

— Если сверху смотреть, как птица летящая, то выглядит этот замок будто крест косой?

— Косой или другой, не скажу, но, может, так оно и есть. Со стороны моря мы не видели, что там. И вообще — я не птица.

— Дан, мне надо с вами серьезно поговорить.

— Люк, сходите все пообедайте, потом еще поспрашиваю, — ответил я на это и обернулся к матийцу: — Ну и?

— Ваш разведчик не ошибся — это и правда демы.

— Я так понял, это сооружение вам знакомо?

— Хвала богу, что нет, но слышать доводилось не один раз. У нас о таком с раннего детства всякий знает, из-за сказок страшных. Говорят, что это храм темных богов, а демы при нем прислуживают. Может, и так, точно никто сказать не может, потому как пару веков уже, никак не меньше, такого никто не

видел. В ту пору море еще за нашими оставалось, и тьма только-только пробираться сюда начала, и трудно ей было укрываться от глаз праведных. Говорят, давным-давно, еще в доязыческие времена, не было здесь воды — жили люди на дне нынешнем. Потом случился потоп, и многие страны оттого сгинули. Те острова, которые мы сейчас видим, остатки былых гор и высоких холмов. Похоже на правду, потому как я сам видел залив, где в спокойную погоду на дне можно разглядеть руины. И на островах они часто встречаются. Причем бывает, что стена на берегу начинается, а затем уходит в море и неизвестно, как далеко там тянется. Под водой такого не построить, значит, когда-то был материк. И темного много на таких островах, потому и не любит никто к ним приставать. Все они необитаемыми всегда были из-за этого, кроме нескольких, что на севере и за проливами. Простите, отвлекся немного. Дело в том, что погань, как вы, безусловно, заметили, очень интересуется древними руинами. И неудивительно, что демов от них тоже палкой не отогнать. Говорят, сила доязыческая кое-где сохранилась, и вот именно в таких местах темные строят свои храмы. Скорее даже не строят, а восстанавливают былое. Дозорные рассказывали, что камни странные видели дальше по берегу. Похоже на старую стену. Она в море уходит, сильно волнами попорчена, но разглядеть еще можно. Древняя очень. Да и возле лагеря имеются валуны подозрительные.

— А почему мне никто не доложил?

— Зачем? Здесь такого добра везде хватает. Древние, похоже, любили на горах и холмах строиться, вот и оказалось на островах много чего. Никто не удивляется. Раньше даже промышляли, металл старый копая, ну и кирт само собой. Сейчас без острой необходимости на такой остров никто даже высаживаться не рискнет. Море ведь под тьмой давно уже, а на островах у нее главные рассадники.

В ходе «допроса» я быстро анализировал получаемую информацию. Пусть и неполная, но она давала богатую пищу для развития новых планов. И вообще в такой ситуации думать надо со скоростью света. Нас занесло сами не знаем куда, убраться отсюда тотчас не можем, и вдруг узнаем, что рядом располагается культовое сооружение противника. Чутье мне подсказывает, что Люк вовсе не жрецов видел или, допустим, монахинь, если таковые у демов имеются. Скорее всего, заметил воинов — храмовую стражу, или как там она должна называться. Сколько здесь этих головорезов? Без понятия. Саеда тоже бесполезно допрашивать, так как информации у него мало, к тому же она сильно устарела.

Да его вообще можно со счетов сбрасывать — ведь почти все сведения, как сам признался, черпает из детских сказок.

Сумеем мы остаться незамеченными? Нехороший вопрос: я не хочу заигрывать с вероятностями в такой ситуации. Будем считать, что обязательно обнаружат или уже обнаружили. Ночью мы жгли костры, да и днем не стеснялись с этим делом. Стук плотницких инструментов небось на километр разносился, если не дальше.

О нас или уже знают, или очень скоро узнают…

Что из этого следует? А вот тут есть варианты… Под моим началом три сотни умелых воинов с отличным оружием. Какова численность храмовой стражи? Если думать логически, то, скорее всего, несколько обленившихся инвалидов. В этих водах врагов не бывает — так зачем всерьез заботиться о безопасности? Но паранойя настойчиво подсказывает: ждать такого подарка не стоит. Что за мачту видел Люк? На стандартных галерах демов тоже всего одна, гораздо реже две. Если они корабль не пожалели здесь держать, то и береговой гарнизон должен быть приличным.

Будет невесело, если воинов у врага окажется побольше, чем у нас…

Даже если так, это еще не повод начинать рыдать и заламывать руки в истерике. Знает о нас враг или нет, но нельзя просто так сидеть и покорно ждать развития событий. Инициатива — верная подруга победы. Не мы должны бояться, а нас.

— Арисат, Саед, собрать всех и приготовиться к бою. Выставить охранение, послать две группы из лучших разведчиков — пусть постараются побольше разузнать о храме. Костры залить водой, не шуметь. Ждем возвращения разведчиков, потом будем решать, что делать дальше.

Никто не переспросил меня, о каких решениях идет речь. Тем и хороши здешние аборигены, что прекрасно понимают, во что выльется наша незапланированная высадка на чужой берег. Рядом злейшие враги, глупо будет их не потрепать, тем более если они уже знают о нас или скоро узнают.

В идеале узнают они о нас в тот момент, когда полетят первые стрелы.

На этот раз Люк и его товарищи задержались — вернулись за полдень. Очередной доклад был почти по форме и без лишних эмоций:

— Замок тот и правда на крест похож, только кривой, ненашенский, поганый. Корабль тоже рассмотрели — это струг чудной. Корма очень высокая, на мачте висит другая мачта,

сильно наклоненная. Здоровенная посудина, хотя и поменьше галеры. Еще там пристань есть, каменная, а на ее конце башенка, тоже из камней. Низкая, наверху все закопченное, будто огонь часто разводят. Ребята говорят, что так оно и есть. Жгут кучи дров, чтобы показывать кораблям дорогу в темноте. Сколько всего демов, не понять — их почти не видно. За храмом дорога спускается к бухте, на ее берегу за хлипкой изгородью восемь домов стоит. Видать, там они и живут, а в поганом храме просто служат.

— А сколько вообще демов видели?

— Ну, с десяток точно. Двое в доспехах и при оружии, они у дверей в поганый храм слоняются, еще пара возле пристани. Остальные шастают туда-сюда, на воинов не очень похожи и одеты не для войны, хотя почти у каждого на поясе что-нибудь висит: или нож, или кинжал.

— Признаков суматохи, приготовления к обороне или чего-то подобного не заметили?

— Нет. Но было кое-что подозрительное. Один из слоняющихся о чем-то говорил с воинами у храма и несколько раз показывал рукой в нашу сторону. Может, совпадение, но мне это не понравилось.

— Наверное, дым от наших костров на глаза попался, — предположил Арисат.

— Или огонь в ночи увидели, — добавил Саед. — Если у них есть посты на холмах, то оттуда лагерь хоть и плохо просматривается, но свечения не могли не заметить.

Я склонялся к мнению, что в нашу сторону парочка демов поглядывала случайно. Почему случайно? Просто поставил себя на место врагов. Гарнизон на затерянном среди моря острове, смертельная скука, ровным счетом ничего не происходит, дохлый осетр, вынесенный на берег штормовыми волнами, считается сенсацией мирового масштаба. Нападения не ждут, потому что в эти края чужие не суются. Пираты вроде бакайцев не удаляются от материка, грамотные мореходы вроде матийцев сюда не пойдут, потому как никто о храме не знает. А зачем отправляться в неведомые воды, если это не сулит верной добычи? И вдруг на необитаемом берегу замечают дымы или огни. Неужели после такого они полдня будут затылки чесать и, болтая друг с другом, указывать руками в нашу сторону? Да здесь бы уже через полчаса появилась усиленная разведгруппа, а может, даже любопытствующее население в полном составе. Или вообще ничего не видели, или только что заметили чужое присутствие, а это маловероятно — в последние часы мы вели себя очень осторожно.

Но, как бы там ни было, мы не сможем вечно прятаться. Остров невелик, а нас много. Лагерь еще можно замаскировать, но как укроешь корабли? Достаточно одному врагу забрести в окрестности — и сразу заметит. Окружить расположение цепью секретов и перехватывать любопытных? И что дальше прикажете делать? В таком небольшом гарнизоне пропажу людей быстро заметят и первое, что предпримут, — начнут прочесывать местность. При этом демы будут держаться настороженно, даже не зная, с чем именно столкнулись. А нам разве нужны подготовленные к неприятностям противники? Нет, нам нужен сонный гарнизон, готовый к сражению разве что с мухами, но не с головорезами.

Что из этого следует? Надо не тратить времени на глупые рассуждения и прочее.

— Арисат.

— Что?

— Собирай свою команду. Саед, вы тоже. Лагерь бросить, на кораблях оставить по десятку воинов. Все остальные выступают к храму. Даже если демов там много, они не ждут нападения, и мы застанем их врасплох. Уничтожим всех, потом спокойно отремонтируем корабль.

— Должен признать, что, по-моему, эта идея наилучшая из всех возможных, — одобрил Саед.

«Замок» выглядел невзрачно. Чем-то напоминал пакгауз при железнодорожной станции — строгая смесь скромности и функциональности. Построен из дикого камня, который не удосужились обтесать, но при этом соблюли идеальную прямизну линий. Вот только крест и впрямь косой… Значит, не просто так его пропорции исказили. Зачем? Спрошу у пленных.

Если они еще будут, эти пленные…

Оценив диспозицию, я, посоветовавшись с Арисатом и Саедом, принял решение разделить силы на два отряда. Первый, который побольше, оставляю при себе. Моя задача — зачистить храм и пристань. Внутри крестообразного помещения могут скрываться толпы врагов, втайне от наблюдателей занимаясь темными делами. А вот в восьми домах вряд ли демы сидят набившись, будто селедки в бочку. Строения эти с виду вполне обычные, используемые под жилье и прочие бытовые цели. В них разве что ночуют массово, а днем зачем торчать толпами? Телевидения нет, интернета тоже, даже газетку не почитаешь — от скуки свихнешься в четырех стенах. Пусть Арисат там работает. Если нарвется на приличные силы, остановится, подождет нас. Но это вряд ли — скорее уж мы нарвемся.

Храм даже издали впечатляет размерами. В нем при желании батальон при бронетехнике укрыть можно, и со стороны ни за что не догадаешься о засаде.

Предположение о том, что враги нас обнаружили, не подтвердилось. По пути сюда никого не встретили, здесь тоже тишина и спокойствие. Часовые у ворот храма стоят опершись о копья и, похоже, умудряются спать в этой позе или как минимум подремывать. Если мимо кто-нибудь проходит, суетливо выпрямляются, делая вид, что именно на них держится вся система местной безопасности. А ходят частенько, те самые «мирные». Одеты в длинные серые хламиды, на поясах ножи и кинжалы. Должно быть, жрецы. В их передвижениях нет системы, но в основном бродят из поселка за изгородью к «замку» и обратно. Изредка в сторону пристани, один раз целая процессия, нагруженная кувшинами, зачем-то сходила в лес, потом вернулась. Посланный разведчик доложил, что, судя по следам, они запаслись водой из источника с чистейшей и очень холодной водой.

Жаль, яда нет, насыпать бы туда полмешка…

Около получаса я просидел на склоне холма, наблюдая за деятельностью на вражеском объекте, после чего отдал приказ атаковать. Ничего интересного за это время не произошло, а каждая минута отсрочки увеличивает риск нашего обнаружения.

На выходе из леса разделились — Арисат направился вниз, к поселку, а мы прямиком к воротам храма.

К чести часовых, я зря заподозрил их в сне на боевом посту. Не успели мы выбраться из зарослей, как оба уставились в нашу сторону, затем один заскочил в ворота, а второй помчался по направлению к поселку, на ходу что-то выкрикивая. Расстояние и скрадывающий посторонние звуки рокот прибоя не позволяли различить слов, но и без того понятно, что вряд ли приказывает в срочном порядке накрывать праздничные столы для неожиданных гостей.

— Бегом! — скомандовал я, прибавив темп.

Будет плохо, если предупрежденные враги закроют все входы в храм. Стены с виду толстые, и нам придется попотеть, чтобы ворваться внутрь. Терять время нежелательно, к тому же это может грозить лишними потерями.

Когда я, чуть запыхавшись, домчался до ворот, изнутри отчетливо доносился лязг — их, как и подозревал, поспешно пытались закрыть.

— Люк! Марак! Бегом налево, там в стене какая-то дверь! Не дайте ее закрыть!

Дверь — это резервный вариант. Слишком узкая для

штурмовых действий — защитникам ее легко оборонять. Но если ворота с ходу взять не получится, то никуда не денемся.

Навалился на створку, потянул на себя. Без толку — кто-то или что-то держит ее изнутри. Подскочившие бойцы вначале попытались использовать оружие в качестве рычагов, и это привело к поломке одной алебарды. Причем сломалась она тоже без толку — ворота закрыты надежно.

Разглядев в щель между сотрясаемых створок полосу засова, я отошел на пару шагов, скомандовав:

— Все в стороны! Отойдите! Да отойдите же от ворот!!! Не стойте рядом!!!

Когда разгоряченные бойцы отхлынули в стороны, я поднял Штучку, приставил к окованным железными полосами доскам, сдвинул палец вперед. В разные стороны хлынули щепки и куски металла, рукоять завибрировала, что наблюдалось всегда, если перед зарождающимся лезвием оказывались твердые препятствия.

Повторил процедуру еще раз, прежде чем через образовавшееся отверстие сумел добраться до засова. Он был хлипок, его рассчитывали не для защиты от штурма. Наверное, просто на ночь запирались от местных комаров — вряд ли здесь встречаются хищники пострашнее.

Штучка справилась с ним за один раз.

Бойцы, вдохновленные зрелищем действия волшебного оружия, принадлежащего их командиру, с многообещающим ревом потянули створки на себя. Те начали расходиться в стороны, и я увидел защитников ворот. Точнее, одного защитника. Стоя посредине, он поднимал арбалет.

— Берегись! — заорали в несколько голосов.

Один из голосов был моим, к тому же я первый последовал своему совету, рванувшись в сторону и морально готовясь к первым потерям. Но среди моих людей хватало ловкачей, а вот дем им очень уступал. Ему бы заранее поднять оружие и ждать нас в глубине помещения, в полумраке, где его не так просто сразу разглядеть со стороны освещенной солнцем предвратной площадки. Один из матийцев ужом проскользнул в щель между расходящимися створками, в глубоком выпаде вонзил острие алебарды в живот противнику. Сила удара была такова, что раненый не удержался на ногах и с криком завалился на пятую точку. В следующий миг его втоптали в пол десятки ног — лавина штурмующих ворвалась в храм.

Продвигаясь в передних рядах, я на ходу отметил некую странность внутренностей здания. Ни мебели, ни росписи на стенах, ни окон. Лишь редкие светильники на стенах с голубоватыми язычками открытого пламени да посредине

виднеется что-то вроде рельса, установленного на массивных деревянных подпорках. Этот прямоугольный брусок железа тянулся по крыльям храма, в центре пересекаясь со своим двойником. Таким образом получался огромный металлический крест. Косой. На пересечении его перекладин я заметил сложную систему кандалов.

Алтарь оригинальной конструкции? К его центру приковывали жертвы? Очень похоже на то.

Больше здесь ничего не было. И никого. Пусто — арбалетчик на воротах единственный, кто повстречался.

Зачем демам понадобилось сооружать столь странное здание? И как их кузнецы сумели выковать такую массивную железяку? Даже на бегу было заметно, что следы сварки редки: детали, из которых изготовили крест, были слишком велики для технологии «горна и наковальни». Прокат? Литье? А сваривали как? Уж явно не с помощью молота.

Но заниматься тщательным изучением было некогда — бой продолжался. В углу храма бойцы заметили спуск в подвальное помещение. Естественно, все мгновенно решили, что именно отсюда входят и выходят те самые, ранее примеченные типы в серых хламидах. А раз так, то надо с усиленным ревом кинуться вниз и перерезать их всех до единого.

Вот там нас и накрыли.

Глава 11
БОЙ. КРОВЬ. НЕФТЬ

Мне не везет с подземельями. На Земле, в московском метро, у меня вытаскивали бумажник, задерживали менты, подловив без документов, после чего держали до выяснения личности, ну и других эпизодов хватало. В нью-йоркском я ухитрился схлестнуться с тамошними гопниками и, хотя вышел в общем-то победителем, схлопотал ножом по руке. А еще будучи ребенком, в подвале соседского дома был люто расцарапан разъяренной кошкой.

Но это все полная ерунда в сравнении с тем, что испытал здесь.

Первый раз в этом мире я попал в подземелье во время исхода с опоганенных земель. Тогда по пути мы встретили тайное убежище тварей и, соблазнившись возможными сокровищами, забрались внутрь. Так как дуракам частенько везет, сокровища там и впрямь оказались. Необычные, надо признать, но от этого не ставшие менее ценными. К сожалению, помимо богатств там встретились гораздо менее приятные вещи. В результате я едва ноги унес и до сих пор вздрагиваю, вспоминая пережитое.

Второй раз под землю меня занесло в столице Ортара, во время побега из городской тюрьмы. Тварей там не было, но не скажу, что с радостью готов повторить тогдашние приключения. Сам едва копыта не отбросил и с трудом вытащил епископа, отравленного зловонием городской клоаки. У Конфидуса хватает недостатков, но, увы, он самый ценный мой подданный — такими не разбрасываются. Одно то, что лишь ему я смог доверить управление своими владениями во время похода, говорит о многом.

Один раз — случайность. Два раза — статистика. Поэтому когда я увидел, что весело орущие бойцы ринулись вниз по каменной лестнице, сразу заподозрил, что третье знакомство с подземным миром этой планеты, скорее всего, понравится мне не больше, чем первые два. Вывод этот не отличался логичностью, но своим предчувствиям следует доверять, особенно если они нехорошие. Потому, взревев так, что едва не порвал голосовые связки, сумел перекричать хор воинов:

— Стоять! Все, кто внизу, вон оттуда наверх! Латные копейщики, в три шеренги напротив лестницы — и медленно вперед! Латным мечникам приготовиться спускаться за ними! Алебардщики, вообще не суйтесь — там вам не размахнуться!

В распахнутые ворота храма спикировал Зеленый, и выглядел он странно: раздулся, будто мина морская, а когда подлетел поближе, я различил шипение дико рассерженного кота.

Сволочь, что же ты раньше-то помалкивал!

— Берегись! Погань! — заорал я, сам не зная, как по-другому озвучить то, о чем предупреждал попугай.

Ой, не зря плохие предчувствия одолевали. Нарвались мы.

В следующий миг это и без моих криков стало очевидно. Народ, столпившийся на спуске и не слишком спешащий выполнить приказ подняться наверх, заорал хором, причем без былого веселья. Если раньше бойцы надрывали глотки в предвкушении резни беззащитных жрецов в нелепых хламидах и оттого не могли нарадоваться, то сейчас стало очевидно — внизу обнаружился противник гораздо серьезнее.

Из провала лестницы вылетел округлый предмет, разбрасывая во все стороны брызги густой, дурно выглядящей жидкости. С металлическим звоном он шмякнулся на выложенный плоскими камнями пол, покатился. Только тут я понял, что это голова. Оторванная. Так и осталась в шлеме.

— Копейщики! Вход в подвал держите! Да выбирайтесь оттуда все!

Мог бы и не говорить. Народ, угодивший в тесноту спуска, дружно устремился наверх, подгоняемый кем-то очень неприятным, способным с легкостью оторвать голову взрослому мужчине. Не успевшие спуститься не горели желанием встречать неведомых тварей хлебом и солью, а вот разнообразным железом очень даже соглашались угостить — на вход нацелились десятки наконечников копий и алебард, мешая тем, кто выбирался.

Расталкивая людей, из подвала, будто из самой преисподней, выметнулась жуткая помесь крокодила с гориллой. Разинутая пасть, украшенная двумя рядами острых зубов, сулила много чего малоприятного, а чешуйчатые лапы, массивные, бугрящиеся тугими мускулами и прочными сухожилиями, с когтями, мало чем уступающими серпам, обещали еще больше.

Теперь понятно, кто так ловко умеет обращаться с головами…

Народу столпилось слишком много, и я не смог сразу пробиться к месту, где должна была приземлиться тварь. Совсем чуть-чуть не успел. От места ее падения, будто от эпицентра взрыва, разошлась волна сбиваемых с ног тел. Люди, разлетавшиеся в стороны, увлекали за собой других. Один такой навалился на меня, из-за чего мне пришлось попятиться, пропустив часть зрелища. Лишь краем глаза увидел, как брызнул кровавый фонтан, а когда оттолкнул в сторону загораживающего

обзор воина, адское создание прыгнуло вновь. Задние лапы, вывернутые будто у кузнечика, работали что надо — кошмарная туша с дивной скоростью сиганула прямиком на стену, чуток не достав до потолка, и там, оттолкнувшись от камней, с еще большей прытью понеслась вниз.

Но тут в ее кровавый маршрут вмешался человек. Кто-то из матийцев, ошалев от всего происходящего, метнул свою алебарду. Надо сказать, что в воздухе раз за разом проносились копья и тяжелые дротики, но повезло именно ему — узкое четырехгранное острие вонзилось твари в основание ноги. От толчка гадину развернуло, и вместо того чтобы, мягко приземлившись, опять кого-нибудь наградить ударами пары когтистых лап, она неуклюже завалилась набок. Попыталась вскочить, но повреждение конечности сказалось на резвости — не успела.

Зато люди успели, со всех сторон опуская все, что держали в руках. Надо сказать, букетов роз никто не держал, зато хватало копий, алебард, секир и мечей.

Следующий прыгун, выскочивший из подвала, был встречен организованно, приземлившись на гостеприимно подставленные клинки разнообразных образцов холодного оружия, после чего был с легкостью добит.

— Все копья и алебарды вниз держать, не давать им выпрыгивать! — заорал я, продвигаясь к ближайшему светильнику.

Двигался я к нему не просто так. Еще по пути, на бегу, по запаху, цвету пламени и другим признакам заподозрил, что питает огонь не масло, а нефть или продукт, из нее произведенный. И еще кое-где в стенных нишах стояли кувшины с длинными узкими горлышками. Из таких легко подливать в светильники. Пожар каменным стенам не страшен, вот и не боятся хранить горючие материалы под рукой, чтобы не бегать за ними далеко.

Выдернул пробку, принюхался. Так и есть — отдает чем-то нефтяным. Схватил за плечо ближайшего воина:

— Эй ты! Хватай кувшин и тащи к подвалу! Там лей на лестницу! Бегом!

Парень оказался понятливым — вложил меч в ножны, взялся за посудину. Я направился следом с горящим светильником в руке. Погань много чего не любит, но огня в особенности, так что грех этим не воспользоваться.

У входа в подвал народ организовал многоступенчатую оборону, и попыток прорыва больше не было. Правда, снизу кто-то нехорошо ревел, подвывал, и если уши не врут, даже

скрежетал чем-то. Не исключено, что огромными зубами. Кувшин полетел вниз, разбившись на ступеньках, следом я отправил светильник. Взвилось пламя, тут же опав, захлебнувшись в дыму. Народ дружно закашлялся, отшатываясь от удушающего облака, вопли погани усилились, наверх попытались выскочить сразу две твари, мелкие и шустрые, но двигались они вслепую — огонь явно не пошел им на пользу. Копья сделали свое дело, остановив ловкачей, а секиры и мечи завершили начатое.

— Еще тащите! Кто видит кувшин, тащите сюда и бросайте вниз! — приказал я.

Кувшинов в храме хватало, но мы и половины не сумели использовать. Нефть, сожрав весь кислород в подвале, не горела, а чадила, из-за чего атмосфера в помещении стала непригодной для дыхания, и мы были вынуждены выскочить наружу.

Здесь, кое-как откашлявшись, заняли оборону возле всех выходов, карауля желающих выбраться на свежий воздух. И не зря — три твари приняли на копья. Хотя они были ослеплены огнем и дымом, но все равно ухитрились серьезно зацепить парочку бойцов.

Из ворот и дверей валили клубы черного дыма, в них настороженно вглядывались десятки воинов, держа оружие наготове. Но больше никто не попытался покинуть храм.

Так нас и застал Арисат, с группой своих людей показавшийся со стороны моря.

— Что там у вас? — издали спросил я.

— В поселке порубили всех, они там даже сделать ничего не успели. С гримами больше провозились, чем со жрецами: тварей этих там семь рыл оказалось. А на пристани хорошая драка получилась, темные пытались корабль увести, но не успели. Несколько в башне закрылись, но мы двери вышибли и тоже всех порубили. А у вас тут что?

— Да в подвале куча тварей была, у нас потери. Залили там все нефтью, теперь ждем, когда она дымить перестанет.

— Да лучше прикрыть все двери, и пускай в дыму задыхаются.

— Да они и так, похоже, задохнулись, больше не лезут. А подвал надо проверить, мало ли что там.

— Дело ваше, но я бы двери все же закрыл.

Я указал на ближайшее дерево:

— Посмотри на Зеленого. Сидит на ветке спокойный и перышки чистит. А когда дрались с поганью, шипел, хоть и почуял ее поздно. Думаю, он больше ничего не чует.

— Ну мало ли… Сами говорите, что не сразу почуял. Может, ему под землю трудно заглядывать.

— Если закрыть все двери, мы неделю будем ждать, пока дым выветрится. Я даже не знаю, сколько нефти залили в подвал, но уж никак не пару ведер.

— Нефть худо горит.

— Только не эта — пылала очень даже здорово. Ладно, отставить разговоры. Корабль захваченный под охраной остался?

— Конечно! А как же иначе?!

— Тогда всех, кто у тебя свободен, отправляй прочесывать остров. Наверняка найдутся ловкачи, сумевшие удрать, ты живыми таких бери, а то даже допросить некого.

Отправил Арисата и остался ждать, когда выветрится дым в храме. Плохо, что наши силы сейчас растянуты по всему острову, но никуда не денешься. Будь обе галеры на ходу — приказал бы привести их в местную гавань, но увы…

Ждать пришлось несколько часов. Уж не знаю, нефть была в кувшинах или продукты ее переработки, но горела эта жидкость прекрасно. Сколько ее залили в подвал — неизвестно. В суматохе не до подсчетов было, но по результатам понятно, что жрецов сгубила лень. Не стоило держать в храме таких запасов, ведь мало ли кому и против кого они пригодятся. Ножками надо больше ходить, если светильник гаснет, издали принося посудину с заправкой, а не набирая ее в ближайшей стенной нише.

Когда атмосфера в храме более-менее приблизилась к земной, мы, обмотав лица мокрыми тряпками, сунулись внутрь. Смердело здесь изрядно, да и глаза пощипывало, но дышать было уже можно. Стены и потолок, прежде серые, стали угольно-черными от жирной копоти. Над входом в подвал все еще дымились балки перекрытий — видимо, пламя до них сумело дотянуться, но мореное дерево не занялось. Было темно, и нам пришлось заново разжигать погасшие от недостатка кислорода светильники.

Лестница в подвал была завалена телами убитых воинов и тварей. Некоторых обезобразило огнем до неузнаваемости, других пламя вообще не тронуло, хотя кожа и доспехи лоснились от разлитой нефти, почему-то не сгоревшей. Пожар в замкнутом помещении — непредсказуемое явление…

Дышать, как ни странно, здесь, внизу, было комфортнее. Нет, глаза все так же резало и мокрые тряпки почти не защищали от удушливого смрада, но головокружения от недостатка кислорода не наблюдалось, а то ведь у нас уже двое в обморок упали. Выстроив живую стену, прикрытую щитами и копьями, мы вытащили наверх тела павших, после чего приступили к вдумчивому изучению подземелья.

Для начала я притащил возмущенного попугая, всеми силами пытавшегося уклониться от посещения смрадных помещений. Эта тварь неблагодарная даже за палец не постеснялась укусить, а уж ругалась так, что сапожники краснели. На входе в подвал Зеленый вел себя так же плохо, но признаков того, что чует погань, не проявлял. Выпущенный на свободу, тут же вылетел через ближайшую дверь. Наверняка уселся потом снаружи на удобную ветку и принялся чистить перья, искренне считая, что человеческие прикосновения их осквернили.

Вот теперь гадай: или погани больше нет, или он ее не почуял из-за дыма. А может, просто из-за повышенной скверности характера скрывает истину.

Оставив на входе приличное прикрытие, направились внутрь отрядом из сорока воинов. Тащить в тесноту подземелий большие силы я поостерегся — в таких условиях ими невозможно будет управлять.

Спуск оказался длинным: на лестнице я насчитал сорок шесть ступеней из тщательно подогнанных друг к дружке шлифованных каменных плит. Контраст с тем, что наверху, заметен — наружные стены храма сложены из нетесаных булыжников. Или подземное сооружение строили отдельно, или ему уделялось большее внимание ввиду важности. Я склонялся к последнему предположению, потому как в храме, кроме непонятного железного креста, кувшинов с нефтью и светильников, не было ровным счетом ничего. Но жрецы ведь сюда ходили постоянно, группами и поодиночке, причем ни одного мы до сих пор не встретили. Если отбросить мысли насчет телепортации и бесследного растворения в воздухе, напрашивается вывод, что все они где-то под нами.

За последней ступенькой обнаружился коридор, облицованный все теми же ровными плитами из серого камня. Копоти здесь было мало, и выглядела она неновой. Видимо, осталась от светильников, а пожар сюда толком не заглянул, потому что теплый воздух, подчиняясь законам физики, стремится вверх, а не вниз.

Хотя уже через несколько шагов я был вынужден изменить точку зрения. Здесь коридор раздваивался, и кроме того, над головой виднелось узкое прямоугольное отверстие, скорее всего вентиляционное. Вот здесь копоти было даже побольше, чем в храме, и выглядела она очень даже свежей. А при попытке пройти дальше мы были вынуждены вернуться — такое ощущение, что там вообще кислорода не осталось. Судя по всему, сквозняк слишком слабый, и воздух, испоганенный пожаром, не успел очиститься.

Дыхательных приборов в этом мире не знали, так что пришлось нам вернуться. До вечера оставалось не так много времени, а вот сделать надо успеть как раз много. С подземельем придется разбираться завтра. Уж за ночь воздух обязательно должен прийти в норму.

Выход из подвала завалили разным хламом, оставили дежурить приличный отряд и пришли в лагерь.

Уже в потемках вернулись люди Арисата, посланные на прочесывание острова в поисках уцелевших жрецов и воинов демов. Были они усталыми и недовольными. И пленных не привели. Нет, им удалось встретить парочку беглецов, но те, поняв, что вырваться не удастся, перерезали себе глотки. Несомненные фанатики… Зрелище такого самоубийства дурно отразилось на душевном состоянии бойцов. Понесенные в храме потери тоже настроения не прибавляли — погибло семь человек, еще пятеро получили тяжелые раны. Пришлось мне распорядиться открыть винные бочки и выдать каждому увеличенную порцию для повышения бодрости духа.

Надеюсь, завтра не придется прибегать к алкогольному «успокоительному». Оставить подземелье необследованным я не мог, но, несмотря на удушающую атмосферу, сомневался, что там все живое погибло.

К тому же с поганью вопрос спорный — живет она или как назвать ее существование?

Глава 12
УЖАСЫ ПОДЗЕМЕЛИЙ

Доводилось мне слышать, что самые страшные подземелья в мире располагаются под Парижем. В тамошние каменоломни городскими властями были перемещены останки нескольких миллионов человек. В те далекие годы шла интенсивная борьба с до неприличия доведенными городскими кладбищами, и заброшенные выработки прекрасно подошли для складирования костей. Теперь туда водят туристов за деньги, и ротозеи ужасаются, глядя на скалящиеся черепа.

Смешные люди. Их бы сюда, в этот милый подвал. Первым делом попробуйте пройти сорок шесть ступеней, залитых кровью и нефтью, испачканных ошметками внутренностей и их содержимым. К тому же ступать придется осторожно, перешагивая через тела существ, которых вы вряд ли встретите во время прогулки по городскому парку или даже в виде чучела в музее естественной истории. Некоторые выглядели так, что за один снимок создатели фильмов ужасов без колебаний расстанутся с последним долларом, — ведь если получится повторить такой грим или воссоздать образину с помощью компьютерной графики, в кинотеатрах возникнет дефицит попкорна и колы. Я вот вроде человек закаленный, а не кисейная барышня, но иной раз с трудом сдерживаю рвотные позывы и очень сильно пытаюсь забыть увиденное.

Странно, но никто из моих воинов не признал в тварях старых знакомцев. Мы насчитали четыре разновидности, и ни одну из них никто раньше никогда не встречал. Сюда бы нашего всезнающего Конфидуса с его толстенной книгой, но он остался далеко…

Может, это инкубатор, где создают новых тварей? Так сказать, станция местных селекционеров-мичуринцев?

Ночью не обошлось без происшествий. Часовые услышали шум, кто-то пытался пробраться через завал. Это оказался полуголый молодой мужчина, измазанный сажей. Бойцы недолго думая начали тыкать в него копьями, но, несмотря на то что тот завяз в куче хлама, сопротивление оказал достойное. Сумел даже сломать руку одному из матийцев, и лишь после удара секирой, раскроившей ему череп, угомонился.

По всеобщему мнению, тип этот был не кем иным, как перерожденным. Иначе откуда такая нечеловеческая ловкость и сила? К тому же он выжил в задымленном подвале и после

многих часов пребывания в отравленной атмосфере сумел выказать завидную прыть.

Одежда мертвеца не походила на ту, что носили жрецы. Укороченные штаны, а не хламида, хотя цвет тоже серый. Это настораживало: ведь таких мы здесь ни разу не замечали. Сколько их может скрываться внизу? Неизвестно. Хорошо бы залить подвал кислотой и забетонировать вход, но не получится. Не потому что бетонного раствора у меня нет: не исключено, что имеются запасные выходы, хорошо замаскированные. Если в подземелье уцелели другие перерожденные, то рано или поздно они выберутся, и тогда мы вместо спокойствия ремонтных работ получим партизанскую войну с крайне опасным противником. По опыту знаю, что таких тварей Зеленый чует плохо и лишь на минимальной дистанции, так что его чутье мало нам поможет. А в схватке против одного-единственного отродья погани, пусть безоружного, даже у пятерки отличных воинов не так уж много шансов.

Надо полностью разобраться с потенциальной угрозой. Заодно и узнаем, чем это демы занимаются во мраке подземелий.

Внизу все еще першило в горле от едкого запаха гари, но недостатка кислорода уже не ощущалось. Может, местная вентиляция и не слишком эффективна, но за ночь дым успел рассеяться. Добравшись до развилки, где вчера остановились, оставили там заслон, а то вдруг из правой выскочат перерожденные и ударят в спину. Подсвечивая себе факелами, прошли шагов сорок по коридору, наткнувшись на первую дверь. Открыв ее, обнаружили помещение, центр которого занимал опрокинутый стол, окруженный раскиданными лавками. Вдоль стен тянулись стеллажи, заставленные стеклянными и керамическими сосудами. Некоторые из стеллажей тоже кто-то опрокинул. На полу валялись пергаментные свитки, похоже сброшенные в суматохе, стекляшки, черепки, остро попахивало чем-то медицинским. Повсюду лежали серые тела тех самых жрецов. Я не врач, но, судя по отсутствию следов ран, погибли они от удушья. Вероятно, забились сюда в надежде пересидеть пожар, но кислород закончился, а с ним и жизнь.

Неподвижность тел бойцов не успокоила. Я поморщился, глядя, как покойникам сносят головы. Даже трупам не доверяют.

К уцелевшим склянкам не стал прикасаться — мало ли что за отрава в них может оказаться. Изучение свитков ни к чему не привело — я не понимал языка записей, хотя многие буквы были знакомы. На всякий случай приказал собрать все. По возвращении покажу Конфидусу — может, он разберется.

Дальше по коридору обнаружилась другая дверь, распахнутая

настежь. К тому же ее створка обгорела, вокруг проема все почернело от гари и копоти. Чудные дела устраивает огонь — не понять, как он вообще ухитрился сюда добраться. Внутри никого не нашли, мебели тоже не было, зато были знакомые нефтяные кувшины в изрядном количестве. Судя по состоянию посудин и помещения, здесь не так давно бушевал пожар — стены до сих пор горячие, у меня мгновенно пот вышибло.

Почему вспыхнула нефть? Ведь от входа в подвал далеко, и пламя, разведенное нами, не могло сюда дотянуться. В суматохе штурма кто-то из жрецов опрокинул светильник? Или специально подожгли, надеясь, что выжжет все подземелье вместе со всеми его секретами? Если так, то сильно ошиблись. Пожар быстро высосал из воздуха весь кислород, а так как слабая вентиляция не торопилась это компенсировать, пламя задохнулось. Вместе со жрецами.

Но не все здесь задохнулись. Ой не все. Ведь перерожденный как-то выжил. Может, это и сверхлюди, но сомневаюсь, что они способны десяток часов без кислорода продержаться.

Дверь в следующую комнату была открыта, внутри не нашлось ничего, кроме соломенной подстилки, перепачканной экскрементами. Разило здесь соответственно, причем от запаха волосы шевелились на затылке и руки сами тянулись к оружию. Нетрудно догадаться, что именно в этом месте держали тех тварей, которые устроили нам вчера знатное побоище.

Коридор закончился третьим помещением, с дверью, закрытой на замок. Справившись с преградой, мы обнаружили кладовую с различными припасами. Мешки с мукой, зерном, овощами, изюмом и сушеными фруктами, бочки с квашеной капустой, связки лука, окорока и шматы сала. При виде последнего некоторых бойцов стошнило. Уж очень плохо здесь относятся к свинине, не то что южане. Из-за брезгливости никто не позарился на трофейный провиант — оставили все нетронутым.

На кораблях хватает своих запасов, но с моей точки зрения это не оправдывает подобного поведения. Надо работать с психологией масс, чтобы не допускали подобных глупостей.

Вернулись к развилке, после чего проследовали в правый коридор. Поначалу он ничем не отличался от первого, но, чем дальше мы продвигались, тем больше удивлялись. Уже шагов триста прошли, а ни дверей, ни ответвлений.

Дверь все же нашли. Массивную, окованную железными полосами. Она была раскрыта настежь, и на покрытом тонким слоем сажи полу можно было разглядеть свежие отпечатки босых ног.

Именно отсюда пришел перерожденный.

Осторожно перейдя через порог, убедились, что коридор резко расширяется и по обеим сторонам тянутся ряды симметрично расположенных дверей. Будто в общежитие попали. Все они были закрыты на засовы, причем снаружи. Мера явно не от грабителей — жрецы препятствовали кому-то или чему-то выбираться на просторы подземелья.

Не без опаски открыли первую, обнаружив за ней пустую комнату с низким потолком, на полу лежало несколько тел. Одежда серая, но не жреческая. Знакомые штаны — такие были на перерожденном. Но эти еще и куртки носили, очень простенькие.

В следующей комнате все обстояло аналогично, за исключением того, что трупы в ней были женскими, но в такой же скромной одежде.

Такую картину мы встречали вновь и вновь, пока не добрались до последней комнаты. Дверь здесь была выломана изнутри — похоже, наш ночной «товарищ» был заперт именно за нею. Внутри обнаружился сюрприз — возле стены на корточках сидели два паренька в серых одеждах и бессмысленно таращились перед собой. Несмотря на неподвижность поз, было очевидно, что они живы.

— Перерожденные! — охнул Тук, изготавливая секиру к удару.

— Стой! — приказал я. — Они нас не трогают. Никакие это не перерожденные.

Саед, осторожно подойдя к странным ребятам, присмотрелся к ним, затем молниеносным движением выхватил меч, ударил два раза, с оттяжкой. Кровь брызнула на стены, юноши синхронно завалились на пол, при этом продолжая смотреть куда-то вдаль все так же бездумно. Ни один из них при этом не издал ни звука.

— Дан, это пустые сосуды, — заявил матиец.

— Что? — не понял я.

— Я не знаю, как у вас в ордене такое называют. Люди, из которых темные колдуны высосали душу. Они живы, но души в них больше нет. Пустые сосуды. Освободившееся место. А там, где место свободно, любит селиться темное. В этой комнате очень плотно пригнанная к проему дверь, и наверху вентиляционная отдушина, потому они и выжили. Один переродился и попытался уйти, но наши воины его убили. Этих тоже ждала такая судьба. Я никогда подобного не видел, но часто слышал от наших стариков скверные рассказы. Иногда, в давние времена, этих несчастных находили на кораблях, отвозивших живой груз к проклятым землям. Там из них создавали армии тварей и перерожденных.

Я ничего на это не сказал, просто зашел внутрь, присел возле тела, задрал рубаху, осмотрел грудь, затем руки. Замер, пораженный. Хорошо знакомые следы прижиганий и инъекций. Доводилось такие однажды встречать. Давно… Очень давно… На самой заре моей здешней карьеры…

Такие же следы были у меня. Точнее, у тела, которое мне досталось по прибытии в этот мир.

Соленая вода в легких, морская поверхность над головой — и удаляющийся корабль, который можно было разглядеть в моменты, когда волны чуть приподнимали растерянного пловца.

— Неужели нет никакого способа вернуть им разум?

Саед покачал головой:

— Предки пробовали закрывать их, следили, насильно кормили и поили, ведь сами они беспомощны, будто младенцы.

— И все перерождались?

— Нет. Перерождались вроде редко или даже вообще не перерождались. Наверное, не успевали. Умирали они быстро. Никто и недели не протягивал. Возможно, им нужен особый присмотр.

На этом подземелье не заканчивалось. Дальше коридор перекрывала очередная массивная дверь вроде первой — такая же окованная. И в отличие от той она была заперта на засов. Открывали мы ее с опаской. Кто знает, что обнаружится за нею, если даже потенциальных перерожденных держали ближе к выходу?

За нею находился такой же широкий коридор с аналогичными дверьми по обеим сторонам. И еще здесь почти не пахло гарью, а воздух был заметно свежее. Или вентиляция гораздо лучше, или дым сюда не сумел толком добраться.

За первой дверью оказалась комната, похожая на ту, где мы нашли мертвых жрецов. Два длинных стола, выглядевших зловеще, — их будто из морга притащили. Вдоль стен стеллажи со склянками и какими-то нехорошо выглядевшими инструментами: или пыточные, или медицинские. Попахивало, кстати, будто в аптеке.

В комнате напротив обнаружился склад серых одежд — такие были на «кандидатах в перерожденные».

Во всех оставшихся шести комнатах были люди. Много людей — без малого сотня. Причем не «пустые сосуды», а очень даже соображающие, испуганные. В крестьянской одежде.

Увидев за первой открытой дверью толпу этой публики, воины разволновались, приняв за перерожденных, но быстро сообразивший Тук тут же сделал правильный вывод:

— Да это пленники демов! Из них перерожденных собрались

сделать!

— Или уже сделали, — задумчиво заметил Саед.

— Так способ есть проверить, — радостно ответил на это горбун. — Веревка с петлей нужна, всего-то.

— И зачем? — уточнил я.

— Так подвешиваешь такого легонько — и смотришь. Если тьма в человеке, то долго она не вытерпит и начнет бесноваться, стараться вырваться с дивной силой. Тут уж надо не зевать и по голове тяжелым бить или в сердце что-нибудь широкое заколотить.

— А если это нормальный человек и задохнется от вашей проверки?

— Может, конечно, и задохнуться, если не рассчитают. Но что тут поделаешь — знать, судьба такова.

— Оригинально…

— А у стражей разве не так делают?

Вовремя вспомнив о попугае, я покачал головой:

— Для этого у меня Зеленый есть. Выведем всех наружу — и протащу его вдоль строя.

— Он перерожденных плохо чует.

— Это издали, а вблизи нормально замечает неладное. Если шикнет хоть чуть-чуть, значит, тех, кто окажется рядом, проверим тщательнее.

Обернулся к узникам, с опаской таращившимся на ораву бряцающих железом и агрессивно настроенных мужиков:

— Вы кто такие? Старший у вас есть?

Обитатели этой камеры были юношами от шестнадцати до двадцати, все как один крепкие, на вид здоровые. Отборные. Неудивительно, что после вопроса начали коситься друг на друга с недоумением. Видимо, сказывалось отсутствие зрелых мужчин или стариков, умеющих ненавязчиво брать на себя власть в любой ситуации. Эти так не умели, а может, времени им не дали организоваться, и потому ни о каком централизованном управлении не могло быть и речи.

Ткнул пальцем в первого попавшегося:

— Как звать?

— Ману Окус.

— Откуда ты?

— Из Аруни, приписной холоп светлого князя Давата Актия, из его деревни Самры, что на берегу Лайги.

— Ну ничего себе имечко… Как попал сюда?

— Ночью в Лайгу зашли корабли демов, а речной дозор почему-то не поднял тревогу. Деревню окружили, всех повязали. Стариков сразу убили, а нас увезли морем на юг. Там серые

жрецы выбрали нескольких наших ребят и девчонок, загнали на другой корабль, который привез нас сюда. Сижу здесь уже несколько дней.

— В остальных камерах такие же, как вы?

— Ага.

— Откуда знаешь?

— Я тут почти все видел. Серые жрецы несколько раз заставляли меня помогать еду разносить и убирать в коридорах.

— Понятно, — ответил я на этот скудный рассказ и обернулся к Туку. — Всех наверх и зови Зеленого. Работенка для него есть.

Проверка, проведенная при помощи биологического детектора марки «Зеленая сволочь», ничего подозрительного не выявила. Попугай, как никогда высокомерный из-за того, что мы в очередной раз признали его уникальные способности, не издал ни единого угрожающего звука. И вообще за все время процедуры лишь два слова произнес, обозвав Тука горбатым свинопасом.

Итак, будем считать, что перерожденных среди пленников нет. Но возникает другая проблема. У нас прибавка в девяносто восемь ртов. Подростки, юноши и девушки. Крепкие, крестьянской закалки, любят сытно поесть. Припасов у нас хватает, но ввиду непредвиденной задержки придется, пожалуй, позабыть о брезгливости и воспользоваться жреческими продуктами. Ничего страшного, что рядом со свининой хранились. Они ведь от этого в сало не превратились.

Но трудно будет доказать это подчиненным…

Имеется и другая проблема. Оставлять пленников на острове как минимум глупо. Рано или поздно сюда придет корабль с припасами или новыми жертвами, и демы легко переловят бывших узников. Взять их с собой не проблема — места на галерах хватает. Но не все так просто с этим местом: оно ведь предназначено для мастеров. Конечно, пополнить свое население этой молодой поросльюя тоже буду рад, но все же по ценности они многократно уступают специалистам.

Вот тут в мою хитрую голову и закралась идея усилить эскадру захваченным судном. По вместимости оно немногим уступает галерам, на парусах пойдет не хуже. Весел у него, конечно, поменьше, ну так полный ход мы только в бою развиваем, а в походе тормозить нас не должно. К тому же на три корабля мастеров поместится куда больше, чем на два.

Жаль, что среди пленников не оказалось моряков: обычные крестьяне, таких чаще всего и ловят демы. Но это поправимо: со «Страха» и «Ужаса» можно снять по паре десятков опытных вояк — и пусть дрессируют молодежь хотя бы для подсобных работ.

Озвучил свою идею Арисату и Саеду. Они охотно ее поддержали и уже через минуту начали формировать команду для третьего судна, названного, чтобы не изменять традиции, «Паникой». Его капитаном назначили Обаму, одного из рабов, освобожденных во время зимней войны. Хоть он не был прирожденным моряком, но на веслах походил изрядно, умен, быстро обучается, пользуется немалым авторитетам среди всех группировок моих подданных. Истинный тезка американского президента.

Теперь остается немного поднатаскать молодежь и починить галеру, после чего надо как можно быстрее покинуть этот остров.

Мне здесь не понравилось.

Глава 13
СНОВА ВЕТЕР В ПАРУСАХ. И В ГОЛОВАХ…

Ремонт затянулся на восемь дней. Причем все это время мы держались «на нервах», опасаясь прибытия эскадры карателей. Вроде бы никто из местных и не ушел, но поди пойми этих темных. Сплошные загадки без ответов. К примеру, попробуй угадай — для чего им этот железный крест исполинский понадобился? Ведь берегли его, под крышей держали. Важный религиозный символ? Вроде Черного камня[5] у мусульман? Что-то я не наблюдаю здесь орд паломников…

Вдвойне интересно, каким способом они вообще сконструировали такое чудо. Местное кузнечное дело — область донельзя отсталая даже у демов. Надо по возвращении поспрашивать у Южанина.

Склянками и зловеще выглядевшими агрегатами из серебра, меди и латуни я сильно интересоваться не стал. Хватило того, что опознал шприц устрашающей конструкции, но прикасаться побоялся. Не забыл пустых глаз тех несчастных, зарубленных Саедом. Зуб даю, что именно здесь из них вытрясли души. Не хватало еще отравиться каким-нибудь контактным ядом нервно-паралитического действия.

На девятый день загрузили бочонки с пресной водой из местного источника и продолжили плавание уже на трех кораблях. За кормой в небеса поднимался столб дыма — не поленились натаскать в храм дров и зажечь перед уходом, а до этого с большим трудом разломали железный крест, прикладывая зубила к следам сварки.

Сварка не электрическая, но и на кузнечную не похожа. К тому же очень трудно вообразить горн и наковальню, где мастера работают с такими крупногабаритными заготовками. Скорее, какой-то химический способ, но это лишь догадки — я не специалист.

Погода будто поджидала, когда же мы наконец отойдем от берега, — быстро ухудшилась. Нет, до шторма не дошло, но небо затянуло тучами, обдающими моросящим дождем, волна усилилась, а с нею и болтанка. Непривычные к ней пленники очень страдали, да и в наших командах хватало вояк, слабых на желудок. В первую же ночь недосчитались одного паренька из освобожденных. Видимо, слишком сильно склонился за борт,

извергая из себя ужин. Обычное дело на кораблях. После этого происшествия приказал натянуть вдоль планшира дополнительные леера — хоть какая-то мера предосторожности.

В остальном ровным счетом ничего не происходило. Море было пустынным, без островов, рифов тоже не наблюдалось, лот нигде не доставал до дна, а ведь длины в нем полтораста шагов. Можно ли это считать океаном или мы движемся по относительно глубоководной части моря, я не знал. Даже карты матийцев по части масштабов водных просторов безбожно врали.

Географам здесь работы непочатый край…

Саед ходил мрачнее тучи, без конца вызывая боцмана, а тот из кожи вон лез, стараясь держать команду в узде. Моряки народ суеверный, и среди них ходит поверье, что в местах, где лот не достает дна, располагаются двери в ад, со всеми вытекающими из этого последствиями. Ясное дело, никто не хотел здесь задерживаться, а некоторые, особенно мало знакомые с дальними плаваниями бакайцы, подозревали, что в отсутствие ориентиров мы заблудились и сейчас движемся прямиком в преисподнюю. Доходило до того, что среди волн замечали рогатые головы чертей, причем средь бела дня.

Даже самые преданные мне воины могут слететь с катушек в состоянии постоянного стресса, вызванного давящей обстановкой рискованного плавания и глупыми предрассудками. Бунт на корабле дело нередкое. Интересно, каково было Колумбу? Наверное, тоже изо всех сил старался удержать настроение команды на градусе полного подчинения.

На вторую ночь плавания «Ужасу» опять не повезло — корпус содрогнулся от удара. Но ни течи в трюме, ни других последствий столкновения с рифами не обнаружилось. Видимо, врезались в кочующий по волнам древесный ствол или обломок корабля — такого добра в море видимо-невидимо.

Наутро не обнаружили в пределах видимости «Паники». Несмотря на огни, вывешиваемые на носах и кормах, она ухитрилась изрядно удалиться. Пришлось давать дымовые сигналы, потом долго стоять, ожидая, когда она подтянется. Во время этой задержки море вокруг «Страха» закипело от миллионов рыб. Их гоняла стая дельфинов. Одна из «селедок», окончательно сбрендив от ужаса, в сумасшедшем прыжке ухитрилась залететь на палубу, что команда тоже сочла дурным знаком.

Дескать, поганый морской дьявол недвусмысленно намекнул, что обнаглевшим морякам самое место среди рыб. Не следовало им так далеко от берегов удаляться.

На третий день вместо преисподней мы заметили скалы у

горизонта, а лот наконец достиг дна, не погрузившись и наполовину. Народ слегка приободрился, а когда к вечеру заметили признаки земли на юге, воспрянул еще больше.

Саед, заподозрив, что берег, контролируемый демами, рядом, посоветовал приготовиться к неприятным неожиданностям, и я приказал днем и ночью держать отряд полностью экипированных бойцов в полной готовности. Вряд ли, конечно, темные внезапно выпрыгнут из-под воды, но пусть команды привыкают, что места пошли небезопасные.

На ночь убрали паруса, опасаясь в незнакомых водах нарваться на очередную поломку, а когда начало светать, обнаружили неподалеку большой остров. Видимо, течение поработало — здешнее море ими славится. Спасибо, что не выбросило на скалы…

Подходить к суше не стали. Запасов воды еще много, а остров может оказаться обитаемым. Причем ясно, кто его населяет: друзей у нас в этих водах быть не может. Штурман матийцев при помощи Саеда определил широту, после чего они долго изучали карты, но так и не поняли, куда же нас занесло. Навигационные измерения затрудняла сильная качка, что мешало работе с угломерными инструментам. Привязанные к мачтам, они вели себя на манер маятников, отсюда проистекала неточность данных — может, из-за этого и заплутали. Ведь у матийцев имелась копия листов старой книги с обозначением ориентиров еще тех, давних времен, когда демами в здешних местах даже не пахло. Правда, они сами признавали, что древние данные грешат несуразностями.

К вечеру погода улучшилась. Ветер почти стих, волнение улеглось, даже страдалец Нюх перестал бегать к борту по десять раз за час. На ночь опять остановились, а утром, рассматривая море в поиске разошедшихся в потемках кораблей эскадры, Саед заметил кое-что лишнее — паруса чужого корабля. Явно не галера, конструкцией похож на «Панику», но чуть больше.

— Демы, — уверенно заявил матиец.

Я не удивился его выводу, потому что и сам мог с такой же уверенностью заявить подобное. Ведь, кроме темных, в этих краях никто не рискнет плавать на такой тихоходной и явно небоевой посудине.

Между тем, наблюдая за парусником демов, я заметил, что он меняет курс. Если поначалу шел параллельно растянувшейся эскадре, то теперь все более и более увеличивает угол, отклоняясь к югу. Не верится, что именно сейчас, при виде нас, штурман взял поправку.

— Боится, — злорадно пробормотал Тук.

— Нас? — удивился я.

— А кого же еще?

— Но откуда он понял, что мы враги? Галеры местной конструкции, «Паника» тоже. Ведь должен за своих принимать.

Тук заливисто рассмеялся, а Саед, снисходительно улыбаясь, пояснил:

— Сэр Дан, купец слишком смел, раз в одиночку сунулся в открытое море. А нас трое. Это на земле все демы горой друг за друга, а здесь мало ли что… Вдруг мы возвращаемся после неудачного похода и злы настолько, что готовы обчистить соплеменника? Корабль на дно пустим вместе с командой, ценности перегрузим, на берегу о случившемся будем помалкивать. Ведь в море всякое случается, и если идешь один, лучше держаться стороной от всех.

— На жемчужный парусник не очень-то похож, — опять отозвался Тук. — Те, по разговорам, гораздо шустрее будут.

— Согласен, но все равно надо догонять, — ответил на это матиец и уставился на меня с немым вопросом.

— Что? — не понял я.

— Самое время отдать приказ к погоне, пока ветер слаб. Весел у купца мало, команда тоже так себе, нагоним быстро.

— Да зачем он нам нужен?

— Добыча хоть какая-нибудь — командам не помешает легкая победа, а то совсем приуныли. Если судно в хорошем состоянии, можно взять призом — нам ведь место лишнее не помешает после прибавки в людях, которую на острове взяли. К тому же у пленных можно выпытать, куда нас занесло. Ни я, ни мой штурман без береговых ориентиров не сможем определить, в какой стороне отсюда Железный Мыс, а крутиться возле темного побережья рискованно. Вы только не подумайте, что испугался, просто столкновение с сильной эскадрой демов может воспрепятствовать нашим планам.

Команде и впрямь не помешают положительные эмоции — в этом я с Саедом был полностью согласен. К тому же если отпустим купца, многие будут недовольны. Народ здесь в массе своей прост, если не сказать глуповат. Немало таких недалеких моряков сейчас смотрят на вражеский парус, и перед глазами у них маячит картина громадного трюма, доверху заполненного золотыми слитками. Согласно судовому контракту даже юнге полагается процент с добычи, потому все заинтересованы грабить как можно чаще. Если купец окажется пуст, народ, конечно, слегка огорчится, но зато не будет шептаться по углам, обвиняя адмирала в том, что тот упустил немыслимой ценности сокровище.

— Саед, надо сбавить ход, чтобы наши быстрее подтянулись. Дальше помчимся за купцом, «Паника» пусть тянется следом. Ход у него не впечатляет, так что пропасть из виду вряд ли успеем.

Еще одна зарубка на память. Ведь переговариваться с кораблями эскадры приходится с борта на борт, при помощи примитивных рупоров. Надо бы внедрить флажковую азбуку, ее используют демы, и хорошо бы подзорные трубы приличные, для того чтобы издали различать послания.

И вообще — я шел сюда ради налета на Железный Мыс, а вместо этого разгромил нечаянно подвернувшийся под руку храм и гоняюсь за купцами…

Купец совершенно правильно угадал смысл наших маневров, и не успели мы толком начать погоню, как он резво сменил курс, стараясь максимально использовать свое превосходство в парусном вооружении. К его сожалению, ветер был слишком слаб, и реализовать это превосходство не получилось. Разогнавшиеся галеры шли гораздо быстрее, к тому же мы тоже не стали пренебрегать парусами.

Но, несмотря на наше преимущество, прошло не меньше двух часов, прежде чем мы приблизились на расстояние выстрела. Баллиста «Страха» тут же выпустила снаряд, упавший под кормой купца, а Тук в рупор приказал спустить паруса и поднять весла, грозя в противном случае устроить нешуточные неприятности. В ответ на это нас обвинили в несусветной тупости: ведь даже навозному червю понятно, что судно свое, самое что ни на есть родимое, и вместо того чтобы заниматься важными делами, мы прорву времени угробили зря. Горбун на это заявил, что времени у нас хватит бездонное озеро ложками вычерпать, а вот терпения очень не хватает, и если они немедленно не выполнят приказа, то баллисты начнут бить прицельно, далее подключатся арбалетчики и лучники, а закончится все абордажем без взятия пленных.

Купец внял таким аргументам — парусник начал быстро сбавлять ход. А куда ему было деваться в такой ситуации? Неподчинением только разозлишь. Даже против одного боевого корабля ему не выстоять — народу в несколько раз меньше.

Галеры с обоих бортов подступились к замершему в дрейфе купцу, и я в третий раз предупредил:

— Никого не резать. Даже пальцем не трогать. Они не сопротивляются.

Саед тем временем приказал всей команде приза подняться на палубу, пересчитал по головам, озвучил цифру:

— Девятнадцать их, если никто не спрятался. Странно…

— Чего странного? — не понял я.

— Мне не однажды доводилось брать таких купцов, но там во всех случаях команда была куда большей. Или капитан глуп, или мы угодили в края непуганых демов.

— Надеюсь, что вы правы с последним предположением. Сами ведь не раз говорили, что здесь никто не ходит, кроме южан. Так для чего купцам держать большую охрану? Ей же платить надо, а они за потертую медную монету трясутся.

— Ну и долго нам так стоять? — нетерпеливо выкрикнул с палубы парусника богато одетый толстый коротышка. — Это что же вы такое творите? Я честный негоциант, и все бумаги у меня в полном порядке.

В этот момент борта кораблей соприкоснулись и на палубу южанина посыпались абордажники. Даже отсюда я рассмотрел, как резко изменился взгляд толстяка. Теперь в нем читалось не возмущение действиями безнадежно обнаглевших солдафонов, а дикое изумление, быстро сменяемое нешуточным страхом. Похоже, до него только сейчас дошло, что он имеет дело вовсе не с союзниками, ведущими себя не совсем адекватно, а с куда более неприятными товарищами. Видимо, один вид наших воинов или другие, неведомые мне, приметы выдали нас с головой.

Запомним и на будущее учтем, что, если мы хотим выдавать себя за южан, надо ни в коем случае не сокращать дистанцию с наблюдателями противника.

Первое, что мне бросилось в глаза, когда я ступил на палубу захваченного судна, — грязь. Если на «Страхе» и «Ужасе» все доступные поверхности драились минимум раз в сутки проштрафившимися матросами, то здесь, похоже, это отдавалось на откуп непогоде. Та плохо справлялась с возложенными на нее обязанностями, наслоения мусора были хорошо заметны во многих углах, а некоторые шпигаты[6] так забило, что вряд ли они сохранили способность пропускать воду.

Парус был свернут, но даже в таком состоянии можно было легко рассмотреть многочисленные заплатки, да и общий вид материи наводил на мысли о ее нешуточной ветхости. Другие детали корабельной оснастки свидетельствовали о том же.

В общем, уже через пять секунд я сделал вывод, что нашим призом стало гнилое корыто, на котором вряд ли рискнут перевозить что-то ценное. От мыслей взять его в качестве приза, пожалуй, следует отказаться — уж очень проблематично на таком удаляться от берега, а нам ведь назад через море плыть.

У Тука возникли схожие мысли:

— Теперь я еще больше сомневаюсь, что в трюме груз жемчуга.

— Хорошо бы тещу на таком прокатить в ураган, — поддакнул ему попугай.

Толстяк, только сейчас заметив Зеленого, стал выглядеть совсем плохо, будто и впрямь тещу увидел, причем восставшую из гроба спустя пару лет после погребения.

Я наконец приступил к допросу:

— Вы кто такой? Что за корабль?

— Я — Нар Гердо, негоциант из статусного города Леполь. Этот корабль носит имя «Беро», и я его частичный собственник на правах компаньона.

— Какой груз?

— Везу пивной ячмень с севера и несколько блоков норского мрамора.

Да уж… далеко не жемчуг. Ну да я вовсе не за этим пошел на морской разбой.

— Рабы на корабле есть?

— Нет. Зачем они на купце?

— Но весла ведь у вас есть.

— Три пары всего, для маневрирования в гаванях и причаливания, а не для хода. Команда на них сидит.

— Ясно. В какой порт направлялись?

— Шли к Мунгру, выгрузить там ячмень и загрузиться солью. А потом соль и мрамор надо доставить в Гораз, там у нас постоянные заказчики.

— И далеко до этого Мунгру?

— Ну… Если ветер не обманет, то за два дня должны добраться.

— Саед. Карту.

Пара вояк притащила пустую бочку, матиец, брезгливо поморщившись при виде грязной крышки, приказал сперва застелить ее парусиной, а уж после возложил поверх развернутый пергамент.

— Нар, покажи, где мы сейчас находимся?

— Так вы заблудились? — с ноткой радости уточнил купец.

— Проверяем, не врешь ли ты, испражнение свиное, — с угрозой ответил за меня Тук.

Толстяк не рискнул задавать другие вопросы, склонился над картой, долго в нее таращился с умным видом, после чего нехотя признался:

— Не пойму ничего. Какая-то у вас карта не такая. И вообще, сам я по ним не грамотей, для таких дел на корабле штурман имеется.

— Что ж ты сразу это не сказал, бестолочь тупая? — возмутился Тук.

— Но вы не спрашивали!

— И кто ваш штурман? — поинтересовался я.

— Да нет у нас штурмана, зачем он нужен купцу? Не напасешься всем умникам платить. Капитан курс прокладывать умеет, за то ему монет подкидывают.

— И кто капитан?

Капитан был одет скромно, не в пример купцу. Мужик в годах, вид придурковатый, но силой не обижен. Я его поначалу за боцмана принял, но, как выяснилось, ошибся.

Несмотря на отсутствие проблесков интеллекта в глазах, этот моряк долго разбираться не стал, сразу ткнув грязным пальцем в пергамент, заявил:

— Тут.

— Уверен?

— Конечно, я ведь сам корабль веду. Но карта у вас никуда не годная. Вон видите остров на северо-востоке?

— Ну?

— Это Батоль. Его еще называют Свиным островом. Солонина там очень дешевая, почитай, все фермами занято, да и по дворам много свиней держат. Рыбой дохлой откармливают, ее на северный берег выносит тоннами каждый день, уж даже не знаю, почему она так сильно мрет. Но на вашей карте этого острова вообще не видать. А ведь он точнехонько на север от мыса Роквик располагается. Сам мыс — вот, у вас отмечен. И вообще побережье хорошо обрисовано, почти везде точно. Но с островами просто беда — половины не хватает, да и те, что есть, часто передвинуты заметно.

— Покажите свою карту.

— Зачем она мне? Я по памяти корабль вожу.

— Все море помните? — удивился я.

— Зачем все? Торговый путь вдоль побережья и между островами. Чего там помнить? Это военным надо знать про дальние страны, а я в одних и тех же местах как начал юнгой ходить, так до сих пор и хожу. Почитай, двадцать пять лет. За такой срок даже если не хочешь, все равно каждую мель знать будешь. И тонуть доводилось, и разбиваться, и на берег выбрасываться. Не нужна мне никакая карта, память гораздо надежнее.

— Нанесите этот остров и другие острова, которые рядом.

— И чем я наносить буду?

— Перья, чернила есть?

— Мы свинцовыми карандашами пользуемся, — встрял купец.

Странно, но и я пользовался ими же, так и не привыкнув к

гусиным перьям. Как-то руки не доходили браться за изобретение шариковой ручки, а ведь полезная штука. Свинцовая черта жидковатая, плохо заметна за поверхности пергамента, да и усилий требует. Для пущего эффекта приходится проводить одну и ту же линию несколько раз, что занимает немало времени.

Прогрессорской работы у меня непочатый край…

Пока капитан, сопя от усердия, наносил на карту отсутствующие ориентиры, купец робко поинтересовался по поводу своей дальнейшей судьбы:

— Что вы хотите с нами сделать?

Хороший вопрос. И правда: что?

Я не успел рта открыть — вмешался Тук:

— Кто на реях поместится, тех повесим. А с остальными думать надо. Но у нас — вон, матийский капитан есть, он долго думать не будет. Затейник тот еще. Черти всей гурьбой скидываются на подкуп архангелов, чтобы, значится, попал он именно в ад. А то в раю ценный опыт пропадет впустую.

В этот момент случилось то, чего, пожалуй, не могло не случиться. «Страх» на первом этапе операции намеревался совершить абордаж с другого борта. Но так как надобности в подкреплении не возникло, ему просигналили отойти в сторону. Не стоит без надобности лишний раз стучаться бортами. Пока на палубе приза разворачивалось главное действо, команда галеры Арисата посматривала издали, мало что понимая, но очень многое предполагая. Все это время пираты продолжали сжимать в руках оружие, а иногда даже им потрясали и выкрикивали что-то пафосное или ругательное. Ничего удивительного, что у одного из арбалетчиков дрогнул палец, а может, забылся человек на мгновение. Ну не понимают здесь команды «отбой». Разгорячились не на шутку, а остывают медленно…

Болт как на показательных стрельбах сработал — точно в сердце. Целей было множество, но по закону подлости поразило самую полезную: капитана. Тот, приглушенно простонав, рухнул на палубу, завалив по пути бочку. Вояки воинственно завопили, пленные сжались, испуганно зароптали, готовясь к смерти.

— Не стрелять! — взревел я. — Кто выстрелит, лично повешу на рее!

Купец, логично приняв меня за защитника, бухнулся на колени с такой прытью, что доски палубы чудом не треснули:

— Пощадите! Не губите! Отца деток малолетних не губите! — с пулеметной скоростью затараторил толстяк. — Мирный я, честный торговец! Нет на мне зла и крови! Детский налог плачу, как все, в военные странствия не хожу, ничего, кроме рынков и портов, не видел никогда! Не оставьте малых деток сиротами!

Честных деток, вычитных, кровинушек моих!

— Что за «вычитных»? — растерявшись от такой скороговорки, буркнул я, угрожая кулаком в сторону «Страха».

— Тех, которые после уплаты налога остались, — уже чуть смелее ответил купец.

Я ровным счетом ничего не понял, о чем и сообщил:

— Что за налог? Отвечай понятно.

— Ваша милость, все мирные обыватели у нас платят полный детский налог. Первенца положено отдавать, четвертого и седьмого ребенка.

— Кому отдавать?

— Серым, кому же еще.

— Серым?

— Тем, кто служит неназываемым, — приглушенно пояснил купец и суетливо перекрестился наискось, оглянувшись через левое плечо.

— Жрецам темным?

— Ну да. Наверное, вы так их называете.

— И зачем им ваши дети?

Купец совсем сник и еле слышно ответил:

— Про то не говорят, а слухам большой веры нет. Но платят налог все. Военные освобождены, но не полностью. Полное освобождение только за великие заслуги дают. Простым воинам своего третьего ребенка положено отдавать, а из походов должен привезти двух детей, иначе придется своими платить. И еще послабление есть, что отдавать можно не от жены, а от рабыни-наложницы. Правда, в таком случае придется отдавать троих вместо одного. А для нас, купцов, никаких послаблений нет.

— И ты отдавал своих детей каким-то жрецам?

Купец молча кивнул, еще ниже опустив голову.

Стоя над ним, я представил, как этот человек отдавал своих новорожденных детей жрецам в серых хламидах. Вспомнил подземелье храма, набитое тварями, пленниками и «пустыми сосудами». Младенцев мы там не видели, но это еще ничего не значит. Далекий остров — может, не довозят «скоропортящийся товар».

А каково было матери при этом…

Раньше я считал себя добрым человеком, но в последнее время начал в этом сомневаться. Руки у меня если не по локоть в крови, то по запястья точно. Я убивал сам и приказывал это делать другим. Случалось это не раз, и, судя по всему, так будет продолжаться и дальше. Не со зла делаю, а вынужден подчиняться обстоятельствам.

Собираясь брать этот корабль на абордаж, я не задумывался о

судьбе команды. На борту враги, а с ними привык поступать просто. Нам нет смысла брать их в плен, место в трюмах нужно для мастеров, да и припасы переводить на демов глупо. Перебить всех, и за борт — самый оптимальный вариант завершения абордажа. Но, глядя сейчас на умоляющего о пощаде купца и представляя при этом, как он трясущимися руками передает новорожденного ребенка молчаливому серому жрецу, я понял, что не вижу в этом человеке врага.

Странно, а ведь раньше слова «южанин» и «дем» для меня были синонимами. Первый раз вижу безобидного представителя этой, если так можно сказать, расы.

— На корабле много бочек?

— Несколько найдется, — удивленно ответил купец.

— За борт их, скрепите досками и канатами, получится плот. До острова недалеко, как-нибудь доберетесь. Быстрее выполнять, потому что ваш корабль мы утопим.

— Вы не будете нас казнить? — не веря своему счастью, уточнил толстяк.

— Не буду. Но шевелитесь, пока я не передумал.

Уже через минуту закипела работа. Команда захваченного судна работала так, как, наверное, никогда в жизни. Искоса поглядывая на их суету, я пытался убедить Саеда, что нам не нужна их смерть. Без корабля они не смогут быстро добраться до материка и передать весть о появлении северян, так что никакой опасности не представляют.

Убеждаться он не желал, а желал казнить всех до единого разнообразными способами. В его кровожадных замыслах даже место строящемуся плоту нашлось. Но я умею настаивать на своем.

В тот миг мне казалось, что поступаю правильно, сохраняя жизни этим людям. Возможно, глупость совершаю и очень скоро об этом пожалею. Откуда мне знать? Я как был чужим в этом мире, так и остался, а новые знания лишь новые вопросы порождают.

Чем больше знаю, тем больше не понимаю…

Глава 14
ЮЖНЫЙ БЕРЕГ

Здешнее море при общении называли просто: море. Ничего удивительного, ведь и на Земле курортники, собираясь на пляж, не говорили: «Я отправился в поход на Черное море». Однако на картах Саеда оно обозначалось по-разному: «Самоцветное», «Тихое», «Море тысячи скал» и даже непереводимое, еще языческое «Ар-Калла». На плане выглядело как глубоко вдающийся в сушу язык, протянувшийся от западного бесконечного океана в глубь человеческих земель. Вблизи кончика он сужался, распадаясь на несколько стиснутых островами проливов, дальше они вновь сливались, чуть расширяясь, образовывая внутренний водоем сложной формы. Что-то вроде того же Черного или Азовского. Значительную часть северного побережья и частично юго-восточного занимали государства, где жили люди правильной веры. Если к ним, конечно, можно относить еретиков вроде иридиан.

Я вот относил без колебаний. Все, у кого нет серых жрецов и послушных тварей, обязательно правильные, при условии что не приносят человеческих жертв и не занимаются прочими мерзостями. Инквизиция считает иначе, но это проблемы инквизиции.

С южным берегом все обстояло хуже. В восточной части он был оккупирован демами, там они дотянулись до оконечности внутреннего моря. В каждой бухте у них стояла крепость, оттуда они теснили «правильных», год за годом расширяя свои владения. Массовые набеги за рабами проводили оттуда же. Этот анклав темных снабжался преимущественно по морю, так как на суше путь преграждали две горные цепи, между которыми располагалась безжизненная пустыня. Не знаю, куда девалась дождевая вода с тамошних хребтов, но ни одного ручья или речки не было. А кораблям из внутреннего моря на запад приходилось проходить через проливы. По ним же вели торговлю северные страны, так что на этом узком пути было многолюдно. В теснинах резвились пираты, сражались военные флотилии, на пляжах в изобилии валялись обломки разбившихся судов. Там почти без перерывов царило кровавое веселье — затихало оно лишь в сезоны штормов.

Северные купцы, двигаясь со стороны внутреннего моря, пройдя через проливы, далеко не забирались. Не так давно их последней остановкой являлось Межгорье, но после его зачистки

торговля прекратилась, и, несмотря на все мои усилия, я пока что не смог завлечь предлагаемыми товарами ни один корабль. С исчезновением морской охраны демы сочли здешние воды своими, и никто не хотел рисковать. Пока я не исправлю ситуацию, блокада будет продолжаться.

Если о восточном анклаве демов какое-то представление имелось благодаря частым военным походам, то о западной части побережья информация отсутствовала. Пираты туда не забирались, предпочитая охотиться в хорошо знакомых проливах, а военные эскадры не рисковали ходить к хорошо защищенным исконным землям южан.

Если точнее — не исконным. Еще сто лет назад на многих из них жили «правильные». Но о тех временах только сказки сохранились.

Мы шли не к анклаву. Покинув берега Межгорья, все время двигались на юго-запад, к той части побережья, которая отстоит недалеко от океана. Лишь несколько старых карт — и все, других данных не было. Ни капитанов, знающих здешние воды, ни лоцманов для такого похода не найти ввиду их полного отсутствия. В этих водах как минимум век не появлялись корабли с командами, исповедующими «правильную веру». Трудно определить пройденное расстояние, но с учетом низкой скорости галер не так уж далеко ушли. Однако успели забраться в ад или его преддверие. Именно так считалось.

Чужие воды. Неизвестно, что нас здесь может поджидать. Все сведения, надо признать, скудные, которые имеются у Саеда, получены от пленных демов. Человек много чего может рассказать, если его настойчиво стимулировать раскаленным железом, но рассчитывать на полноту информации все равно глупо. К тому же матийцы не ставили себе задачи собирать сведения по крохам, чтобы потом сложить цельную картину. Не было у них разведывательного управления с аналитическим отделом.

Чудо, что про Железный Мыс знали не меньше моего. Скорее даже не чудо, а эрудированность Саеда виновата. Уж очень любознательный капитан.

Вечером впереди показались признаки серьезной суши. Переночевав со спущенными парусами, мы продолжили путь и около полудня увидели бесконечную полоску далекого берега. Долгожданный южный берег моря. Если верить покойному капитану, или прямо здесь, или чуть в стороне располагается вожделенный Железный Мыс.

Мы достигли цели. Ну или почти достигли. Три деревянные скорлупки в чужих водах, воображением рассказчиков

населенных жуткими чудовищами и бесчисленными вражескими флотилиями.

Я все-таки псих, раз на это решился.

Первым делом мы убедились, что пленники и покойный капитан не соврали, — побережье действительно равнинное. Это хорошо. Но плохо то, что на подобном побережье трудно найти ориентиры, заметные издали. Вот и на этом их не было. Ровная полоска суши: ни холмов, ни скал. К тому же местность эта была заселена хоть и слабо, но не стоит атаковать первый встретившийся город — велик риск ошибки. Южанин оставил мне приметы Железного Мыса, они частично совпадали с информацией Саеда, так что не оставалось ничего другого, как принять их на веру. Вот только не понять, в какую сторону теперь двигаться — на запад или восток. Цель близко, но попробуй разберись: спутниковой навигации нет, спросить тоже не у кого. Можно, конечно, взять на абордаж другого купца и уточнить. Но заниматься этим возле вражеской суши чревато неприятностями.

Пока что о нас здесь никто не подозревает. Но это пока. Все можно испортить вмиг, а проверять на практике информацию о бесчисленных флотах врагов хочется меньше всего.

Посовещавшись с Саедом, я принял решение подойти к побережью и двигаться вдоль него, пока не заметим вдающийся в море кривой мыс, на оконечности которого стоит каменная сторожевая башня, а в основании располагаются два мелких лимана, при хорошем прибое соединяющихся с морем. В последней примете сходились и Южанин, и матиец, и демский купец. Ее даже на карте можно было найти.

Биноклей или хотя бы подзорных труб за время плавания у меня не прибавилось, так что пришлось опасно сближаться с берегом, иначе ничего не получится разглядеть. Теперь нас прекрасно видели с суши, и оставалось надеяться, что подобные эскадры здесь не редкость и никого не насторожат. Ведь галеры местной постройки, парусник тоже. Саед убрал с палубы гирлянды своих вычурных флагов, так что издали нас от своих отличить невозможно. К сожалению, неизвестно, как здесь налажена служба береговой охраны. Вдруг нарвемся на дотошный патруль? Одна надежда, что долгие годы спокойной жизни расслабили служак. Мало того что они не ждут подвоха, так и вряд ли окажутся многочисленными.

Ну зачем тратить бешеные деньги на громадный флот в водах, где давным-давно не видели вражеских кораблей?

Это я себя успокаивал. Мы слишком мало знаем о демах. А вдруг в вопросе обеспечения безопасности они не дружат с логикой?

Движение в этих местах оказалось не слишком оживленным. Чаще всего встречались лодки рыбаков, гораздо реже проходили торговые парусники. Один раз на минимальном удалении от берега встречным курсом проследовала военная галера.

На нас никто не обращал внимания. Близко к кораблям южан мы не подходили, прокладывали курс так, чтобы не настораживать подозрительными разворотами, но и не давать себя подробно рассмотреть. Встреченные посудины вели себя смирно, не стремясь подходить поближе.

Похоже, наша эскадра выглядела естественно. Никто пока что не насторожился.

Или спешат к ближайшему порту настучать властям о появлении чужаков…

До вечера двигались в западном направлении, но ничего похожего на Железный Мыс не заметили. В потемках развернулись, пользуясь лунной ночью и спокойными водами, двинулись на восток. До утра должны миновать точку, в которой вышли к побережью: за нею нас еще никто не видел, так что вряд ли удивятся эскадре, курсирующей туда-сюда.

Так и оказалось — на рассвете заметили крошечную деревню, которой вчера не встречали. Похоже, прошли слишком много. Это печалило, так как могли пропустить искомый мыс, но ничего не оставлялось делать, как двигаться дальше.

Железный Мыс заметил впередсмотрящий со «Страха». Там начали кричать, размахивать руками, указывая на берег. Уставившись в указанном направлении, я заметил строения небольшого городка и два почти слившихся пятна лиманов за ним. Рельеф побережья издали не различался, с моря все казалось сплошной прямой линией, но подозрительные густые дымки в районе поселения наводили на мысли о металлургических работах.

Скомандовал двигаться к интересному месту и не ошибся. Вскоре стало очевидно, что и впрямь на оконечности узкого изогнутого мыса, прикрывающего бухту, располагается башня, а дымы явно необычные, такие лишь при пожаре бывают или плавке металла. Совсем не похоже на работу бытовых печей.

Стали различимы и другие детали. Дворцов или хотя бы величественных зданий в городке не наблюдалось вообще. Лишь почти одинаковые длинные серые строения, что-то вроде бараков, причем располагались они подозрительно правильно. Не хватает только колючей проволоки по периметру и караульных вышек по углам, чтобы принять это место за концлагерь.

На богатейшую Панаму не похоже. Правда, и я не Морган,[7] к

тому же прибыл к своей цели по морю, а не как он — сушей. Похоже, народу придется расстаться с мечтой о богатой добыче. Сомневаюсь, что в таком месте хранят золотые горы.

В свое время я подолгу расспрашивал Южанина обо всем, что он знает про Железный Мыс, но таких подробностей тот не сообщил. Да и меньше всего интересовался архитектурой.

— Как думаешь, Саед, это и есть Железный Мыс?

— Не хочу показаться глупым, но боюсь, башен, подобных этой, встретить можно немало. Их любят ставить по берегам для защиты гаваней от пиратов.

Нюх, за какую-то очередную провинность драивший палубу в паре шагов от нас, приподнял голову, и угрюмо заявил:

— Он самый, можете не сомневаться.

— Откуда знаешь? — не поверил я.

— Знал одного ловкого малого. Тот сумел сбежать отсюда и добраться до родных мест.

— Сбежать сумел?! Врал небось.

— На вруна он был похож не больше вашего. Говорил как есть: дома поставлены в ровные ряды, по окраине ров вырыт, соленой водой залитый, за ним патрули с собаками ходят, а дальше стена путь по суше преграждает. Сторожевая башня стоит на куче камней, а в бухте корабли бывают редко, и только под оранжевым флагом. Этим отмечают купцов, имеющих особое разрешение заходить на Железный Мыс. Сами взгляните: отсюда хорошо видны два причала добротных, но возле них даже рыбацкого баркаса нет или какой-нибудь почти сгнившей галоши. Вы, само собой, себя самыми умными мните, но если спросить меня, то отвечу как есть: Железный Мыс это, а не что-нибудь другое. И вообще я бы…

Осекшись на полуслове, Нюх бросился к борту. Хотя волнения почти не было, морская болезнь его не отпускала.

Посмотрев ему вслед, Саед заметил:

— Дерзок… Знаете, нам ведь все равно ничего не остается, как направиться к бухте. Затевать разведку на виду у побережья не стоит. Если за морем приглядывают, непременно удивятся остановившимся кораблям. К тому же среди солдат всегда находятся умники, знающие все последние слухи. Если определят, что наши галеры из тех, которые не вернулись из похода, обязательно поднимется тревога.

Спорить с Саедом не стал — сам думал так же. Согласовав с кораблями эскадры дальнейшие планы, мы направились к входу в бухту.

Светило солнце, кричали чайки над головой,

приближающийся берег ласкал взгляд зеленью аккуратных рощиц, густо рассыпанных на небольшом удалении от городка. Пляж тянулся непрерывной полосой чистейшего песка, не осквернённой россыпями шезлонгов и телами отдыхающих. Если в этом мире когда-нибудь наступит эпоха цивилизованной грязи, то здесь сотни отелей выстроят, а от катеров и яхт будет не протолкнуться. Но пока что море было пустынным, даже рыбацкие лодки куда-то запропастились. Или здесь слабые уловы, или запретная зона.

Видимо, правильным оказалось второе предположение, потому что, приблизившись к берегу приблизительно на километр, мы заметили нездоровую суету на башне. Какие-то люди, с такого расстояния выглядевшие букашками, высыпали на вершину, затем взвился огромный оранжевый флаг, а когда и это нас не остановило, в небо поднялся столбик черного дыма.

Само собой, что все эти сигналы мы проигнорировали. Даже дураку понятно, что не просто так привлекают наше внимание, а с целью остановить. Но не за тем мы сюда столько перлись, чтобы поворачивать. Да и что они нам могут сделать? Как помешать? Пороховой артиллерии в этом мире не знают, цепей, перегораживающих вход в бухту, тоже не видать. Разве что из баллисты пулять начнут, но это мы как-нибудь переживем. К тому же попробуй из нее попади в движущуюся цель. По опыту знаю, что более-менее надежный результат достижим лишь при встречных курсах, а таранить эту миниатюрную крепость мы не собираемся — боком обогнем, и пусть попробуют накрыть из своей антикварной метательной машины.

Кстати, когда приблизились, убедился, что Южанин не обманул и в другом. Эта башня — не единственное здешнее укрепление. Если хорошо присмотреться, можно различить невысокую каменную стену, отрезающую поселение от материка, и протягивалась она от берега до берега. Сам городок теснился на широкой части мыса. Чем дальше в море, тем уже становился мыс, в крайней точке вытягиваясь изогнутой косой шириной не более пары десятков метров. На ее оконечности из огромных камней насыпали мол, в конце которого и располагалась башня. Таким образом, покинуть это место по суше было затруднительно. Если знакомец Нюха и впрямь сбежал отсюда, то, скорее всего, сделал это по воде.

По моему мнению, не слишком удачное место для города. Ведь всем ветрам открыт, а на берегу моря это может оказаться проблемой.

Со стороны башни протрубили неизвестный мне сигнал.

— Чего они хотят? — ни к кому не обращаясь, спросил я.

— Известно чего, — охотно ответил Тук. — Хотят, чтобы мы остановились или даже вовсе развернулись и убрались туда, откуда заявились.

— У них на верхней площадке что-то похожее на баллисту, причем огромную, — задумчиво произнес Саед.

— При входе в бухту будем держаться подальше, — решил я.

— Да, разумная мысль. Но и слишком увлекаться этим нельзя. Вон как волны ломает, мель там, было бы обидно наскочить в шаге от цели. Очень неудобно без лоцмана заходить в незнакомую бухту. В таких случаях принято посылать лодку с зоркими ребятами и лотом, но вряд ли нам позволят безнаказанно промерять глубины.

Это верно. Демы на башне, похоже, начали подозревать, что мы не пьяные вояки, перепутавшие их гавань с бухтой, где у них назначена встреча с доступными женщинами. Перестав таращиться на нас всей оравой, они засуетились, скрывшись внизу. Я этому только обрадовался — лишь бы за баллисту не взялись.

Должен признаться, что атака вражеского берега оказалась скучнейшим мероприятием. Когда стража перестала трубить и пускать дым, события, и без того не слишком захватывающие, вообще перестали происходить. Позади замерла на якоре «Паника» — я предпочел оставить ее в море. Все равно воинов в команде почти нет, а кидать в бой вчерашних пленников, никогда не участвовавших в схватках, не слишком умная затея. Медленно приближался вход в бухту, уже не напрягая взгляда, можно было различить каждый камень массивной кладки башни. На верхней площадке замер одинокий стражник, не сводя с нас глаз. Его коллега пробежал по молу, быстро скрывшись среди «бараков». Или за подкреплением побежал, или просто хочет донести командованию, что в охраняемой акватории появились крайне подозрительные личности.

Невдалеке по левому борту и правда я различил непонятное поведение волн, будто накатывающихся на что-то невидимое. Я эту мель только сейчас заметил, а вот Саед — издали, не присматриваясь. Повезло мне с этим матийцем — настоящий гроза морей.

Пролетевшая чайка уронила на палубу серебристую рыбку. Вскрикнула недовольно и полетела за следующей. Несколько взмахов весел — и башня осталась по правому борту. Волнение, и без того едва заметное, вообще угомонилось. Мы вошли в бухту Железного Мыса, достигнув наконец цели похода.

Глава 15
РОБИНЗОНЫ ЖЕЛЕЗНОГО МЫСА

Удивительно, но на причале нас поджидали чуть ли не хлебом-солью. Четыре дема замерли статуями, наблюдая за швартовкой «Ужаса». Все они были при оружии, облачены в кожаные доспехи, но по некоторым признакам, понятным опытному человеку, можно было догадаться, что если они и воевали когда-либо, то разве что против тараканов. Да и командование их тоже не из великих полководцев, раз отправило встречать подозрительные корабли столь малый отряд.

Демы смотрели на нас без злобы и страха, сонно, равнодушно. Для них это рутина. Даже сейчас, глядя на пиратов в упор, продолжали думать, что имеют дело со своими. Однако и у разинь случаются приступы наблюдательности. Один из стражников вдруг вытаращился на Саеда как-то странно, отвесив челюсть, затем, суетливо осмотрев выстроившихся на палубе абордажников, испуганно попятился назад. Похоже, даже закричать что-то хотел, но не успел: град арбалетных болтов и дротиков обрушился на «комитет по встрече». Трое упали сразу, один, получив несколько ранений, завыл, помчался прочь, приволакивая продырявленную ногу. Далеко не ушел — кто-то из замешкавшихся при первом залпе достал его в затылок.

«Ужас» еще швартовался, а гомонящая на все лады толпа наших воинов уже мчалась к башне. Я не сомневался, что гарнизонщики доживают свои последние минуты, и бежать следом не стал. Дождался высадки команды «Страха», остановил их инстинктивный порыв броситься вслед за товарищами:

— Стоять! Забыли приказ?! Вы бы лучше головы забыли, раз все равно ими не пользуетесь! Бегом разбиться на абордажные группы и занять окраину города. Если кто-то из охраны бросится туда, перехватить. Затем ждем, когда вернутся наши, и начинаем потрошить это место. Арисат, а ты поймай из местных кого-нибудь посерьезнее, и объясни, зачем мы прибыли. Или лучше ко мне притащи, а то знаю я, как будешь объяснять.

Раздав ценные указания, неспешно направился в сторону ближайших домов, с каждым шагом убеждаясь, что вблизи они еще более неказистые, чем это казалось издали. Стены из какой-то спрессованной, дурно выглядящей массы, из которой торчат пучки соломы, крыши глиняные, дожди, потихоньку их размывая, оставили многочисленные грязные потеки. Окон нет вообще, двери сделаны из крест-накрест связанных жердей. Зато земля

под ногами на удивление чистая. Точнее, не земля, а песок. Подсыпают его, что ли?

Не думаю, что прибытие двух боевых галер явление рядовое, расстрел стражников тем более, но даже это не собрало толпы зрителей. На причале, кроме четверки ныне покойных вояк, никого не было, лишь на окраине города стояли две женщины средних лет, смотрели печально, но не успели мы подойти, как они развернулись и скрылись за ближайшим углом. Дымы, замеченные с моря, уже совсем рядом. Казалось, до них рукой можно дотянуться. А в воздухе витал знакомый мне специфический запах. Такой же ощущался возле печей Южанина.

Нет, я определенно попал туда, куда надо. Прочь все сомнения.

Но сомнения все же оставались, потому приказал бойцам:

— Приведите кого-нибудь — первого, кого встретите. Только вежливо.

Понятие вежливости у каждого свое. И пары минут не прошло, как послышался истошный крик, затем показались посланные воины. Один тащил за руку упирающегося мальчишку лет десяти, второй отгонял от него рыдающую женщину.

— Это что еще такое?! — не понял я.

— Вы просили первого, кого встретим, привести. Заметили мальчишку и привели.

— А женщина откуда взялась?

— Сама прицепилась. Наверное, мамаша.

Видимо, расслышав, что говорят о ней, женщина бухнулась на колени:

— Отдайте сына, господин! Мы честно платили налог кровью, этот ребенок наш! Отдайте!!! Умоляю!!!

— Стоп! Нам не нужен твой сын! Успокойся. Скажи, пожалуйста, уважаемая, — это место называется Железный Мыс?

— Сына отдайте!

— Да! Да! Железный Мыс! — испуганно затараторил мальчонка. — Отпустите меня!

— Отпустите его.

Освобожденный мальчуган вцепился в мать, и парочка поспешно засеменила прочь.

— Где старшины города, или как они там у вас называются? — бросил я вслед удаляющейся парочке.

В ответ — молчание: общаться со мной не желали.

М-да… Я несколько иначе все представлял. Мы как-никак освободители, нас хлебом-солью полагается встречать, цветами живыми и многообещающими поцелуями прекрасных дев.

Городок, и без того не страдавший многолюдностью, вымер

окончательно. Даже птицы, по-моему, стали чирикать вполголоса. Положение спас Арисат, притащив какого-то худющего мужичка с изнеможенным лицом, которое еще более уродовала нелепая козлиная бороденка.

— Вот. Старший у них. Вроде бы, — неуверенно пояснил бакаец.

На старшего мужик, если откровенно, не тянул. Разве что старостой туберкулезной палаты такого назначить, причем это будет пик его карьеры. Но разговор все же начал на уважительной ноте:

— Здравствуйте. Я — Дан, страж, а это мои солдаты. А вы кто?

— Я? Я — Удий, староста медеплавильщиков.

— Очень рад знакомству. Удий, мы пришли вас освободить.

— Меня? — изумился козлобородый. — Шутите, господин? И чем же я такую милость заслужил?

Затем староста счел нужным бухнуться на колени и уныло произнес:

— Если и шутите, все равно благодарствую за милость, господин.

— Да не господин я! Не дем! Я — страж! Видите на причале мертвых солдат? Это мы их убили. Мы враги демов и пришли освободить вас всех.

— Давно пора было этих дармоедов порубить, — нерешительно поддакнул Удий. — Спасибо, господин. Надеюсь, новая стража будет куда лучше прежней.

— Вы не поняли! Мы — не демы!

Вдруг из толпы воинов выскользнул Нюх и попросил:

— Позвольте мне ему пару слов сказать?

— Ну попробуй, — позволил я, раздумывая, как бы мне вбить в голову этого до идиотизма запуганного мужичка хоть немного истины.

Нюх начал неожиданно:

— Эй, Удий, или как там тебя, морда ты козлиная. Помнишь Склафа из Магуда?

Староста несмело поднял голову и настороженно произнес:

— Помнить помню, но куда он подевался, сказать не могу. Уж сколько раз спрашивали и даже били неоднократно, чтобы говорил больше. Стар я, слаб, болею часто, могу и вовсе помереть, если ребра опять пересчитают. Кто тогда будет за обжигом следить, ведь я лучше всего это умею делать, со мной из руды столько металла выходит, сколько ни у кого не получается.

— Не нужны мне твои трухлявые ребра, уймись. Склаф отсюда когда пропал?

— Да уж я и позабыл. Было это в тот год, когда новую домну поставили на восточной линии. Потом еще приемщик Гация лицом в чугун расплавленный окунул за брак и свою руку едва при этом не сжег. Это было как раз на другой день после того, как Склаф исчез.

— Я спрашиваю, сколько прошло с той поры, экий ты болтун непонятливый!

— Так я и говорю, что точно не припомню.

— Ну хоть приблизительно помнишь?

— Года три, а то и больше.

— С тех пор ты Склафа не видел?

— Чем хотите поклянусь: не видел!

— А я вот его видел полгода назад.

— Где?!

— Да в Урунии, это такое княжество на востоке от имперцев. Дыра, скажу тебе, похлеще чем Налатия, а уж хуже нее, как я раньше думал, быть не может. Там ни пожрать, ни выпить, ни баб. В тюрьме даже клопов нет — вымерли с голодухи. В общем, для честного человека вообще ничего не найти. Две козы — вот и все сокровище, да и на тех очередь длиннее, чем полный перечень сатанинских грехов. Никуда твой Склаф не пропадал, а слинял он отсюда, сделав себе лодку. Малый хитрый, и руки не кривые, ловко все обставил.

— Да врешь ты все. Как можно сделать лодку, если даже доски большой во всем городе не найти, лишь дрова мелкие?

— В самом городе — да, а за ним, на стройках мастерских и печей, дерева полно. Сделал лодку он из тех досок, что от лесов строительных крал по одной. Долго этим занимался, а прятал на чердаке того дома, где живут чиновники, которые приезжают с инспекцией каждый месяц. Никто там не догадался искать, и не надо было придумывать, как перетаскивать доски в город, чтобы не заметила охрана.

— А ведь все верно. Надзиратели туда никогда не совались.

— Вот о том я и говорю. Склаф выбрал хитрую конструкцию, сделав лодку разборной. Темной ночью сумел спустить ее на воду. Шел ночами вдоль берега, днем прячась в зарослях, потом в рыбацкой деревне украл баркас и направился на нем прямиком через море. Едва живой добрался до суши, загибаясь от жажды и голода. Повезло на хороших людей наткнуться, выжил — и рассказал мне о вас. И мы вот с сэром стражем решили, что негоже богобоязненным людям томиться в рабстве у темных. Собрали ватагу добрых молодцев и отправились искать ваш город. Как видишь, наконец нашли. А ты, морда твоя козлиная, вместо того чтобы радоваться, лбом всю улицу уже подмел и

принимаешь нас за поганых свиноедов. Не боишься, что мы на такое огорчиться можем?

С каждым словом Нюха лицо Удия поднималось все выше и выше. Страх из него уходил, уступая очередь недоверчивости. Выслушав рассказ носатого, староста уточнил:

— Так ты и правда видел Склафа полгода назад?

— Как тебя.

— И как его житье?

— Да не жалуется. Говорит, что вовремя смылся, еще чуть — и начал бы куски легких выкашливать из-за ядовитого дыма. Не знаю, что за дым имел в виду, но таковы его слова. И еще он много пива пил. Говорит, с тех пор, как едва не умер от жажды, никак напиться не может.

— Верно. Все верно он про печи сказал. — Удий поднялся, отряхнул колени и обратился уже ко мне: — Вы и правда собрались всех нас забрать отсюда?

— Именно за этим мы и пересекли море. Сейчас погрузим всех на корабли и уйдем на север.

— На какие корабли?

— Вон те, что у причалов.

— Господин, дело, конечно, ваше, но я бы на вашем месте не сильно надеялся, что эти корабли когда-нибудь поплывут, тем более за море.

— Это почему?

Сзади закричали, кто-то витиевато выругался. Обернувшись, я увидел причину суматохи. Одного взгляда хватило, чтобы признать правоту Удия.

Похоже, эти корабли уже никогда не поплывут. Тем более за море.

Баллиста — орудие универсальное. Может стрелять толстыми копьями, способными насквозь слона прошить, может метнуть камень или горшок. Наводить ее гораздо легче, чем катапульту, снаряд, по местным меркам, летит быстро, но попасть все равно непросто, особенно если цель движется. При корабельной перестрелке смысл обмениваться залпами есть лишь в том случае, когда корабли идут встречным или расходящимся курсом. Если бортом друг к дружке следуют, то бесполезно — хоть и больше мишень выходит, но точно брать упреждение в таких случаях редкие «канониры» умеют. К тому же трудно ворочать тяжелые орудия на примитивных станках.

Есть ли вообще смысл в корабельной перестрелке? Лично мне он кажется сомнительным. Даже если копье попадет, серьезно судно не повредить. Разве что повезет накрыть отряд

абордажников, но даже в лучшем случае покалечит двух-трех человека. Не принято здесь стоять тесной толпой. С камнями все обстоит аналогично.

С горшками чуть интереснее. Пустого метать никто не станет, их принято заполнять горючей жидкостью, обмазывать смолой, обваливать в пакле и перед выстрелом подносить огонек. Состав жидкости разнообразен, и, как правило, у каждого оружейника свои секреты, передаваемые от мастера к ученикам. Скипидар, деготь, смола, отфильтрованная нефть, растительное масло, продвинутые смеси на основе селитры и даже человеческий жир. Попав на палубу корабля, сосуд разбивается, разгорающееся содержимое растекается лужей. Дальше вариантов два: если попадание пришлось в кучу хлама, возможен пожар; а если палуба чиста, то гореть на ней нечему. Плотно подогнанные друг к дружке доски вниз ни капли не пропустят, а поверхность их занимается туго — этому, как ни странно, препятствует сама горючая жидкость, обволакивающая древесину не пропускающей кислород пленкой. Вспыхнуть может то, чего касаются языки пламени. Например, парус или тонкий фальшборт.

Но обычно ничто не успевает вспыхнуть. Моряки прекрасно знают, что огонь на корабле ни к чему хорошему не приведет. На случай пожара держат бочонки с водой, помпы, ведра на веревках. Вяло горящее содержимое разбитого горшка легко смывается за борт.

Напалм или подобные ему составы, конечно, могли бы нанести куда большие повреждения, но в этом мире, к счастью, они неизвестны. Нефть, даже хитроумно отфильтрованная, горит куда хуже, продукты ее перегонки вроде бензина и керосина здесь, надеюсь, никому не знакомы. На Земле в Средневековье применялся так называемый «греческий огонь», но что это такое, никто толком не знает, к тому же сведения о его боевой эффективности противоречивы. Я вот думаю, что, будь он так страшен для деревянных кораблей, как его описывают, секрета изготовления никто бы терять не стал.

А ведь я мог бы насторожиться — ведь не так давно лично устроил пожар в темном храме с помощью горючей жидкости для светильников. Пусть на керосин она не походила, но и с обычной нефтью ее сложно перепутать. Или сорт такой, или все же продукт переработки. Отменно полыхала.

Не знаю, чем были заполнены снаряды баллисты, установленной на башне, но пылала эта гадость ничуть не хуже.

Обернувшись, я увидел, что нос «Ужаса» объят огнем. Немногочисленные вояки, оставленные на судне, только-только начали суету с ведрами, но мне она казалась сомнительной. Со

стороны башни послышался отрывистый стук, в небе по пологой дуге пролетел снаряд приличного размера, угодив на этот раз в центр. За борт с воплем прыгнула объятая пламенем фигурка, полыхнуло так сильно, что надо человек двести, чтобы появился хоть какой-то шанс это потушить.

Это как стражники так быстро успевают перезаряжать свою адскую машину?!

Обе галеры стояли неподвижно, крепко пришвартованные к причалу. До башни от них было немногим больше сотни метров, и, судя по меткости противника, на этой дистанции промахи маловероятны. Из двух выстрелов два попадания, будто в тире по плюшевым игрушкам бьют. Даже если отдать швартовы, крошечной команды не хватит, чтобы быстро отойти на безопасную дистанцию. Мы там всего по шесть человек оставили, на всякий случай — никто ведь не предполагал, что у врага имеется такая неприятная штука.

— Все назад! — заорал я. — На корабли! Тушить пожар! Арисат! За мной со своими! К башне! Надо быстрее добраться до баллисты!

Возглавляя отряд «карателей», я рванул к молу. На бегу обернулся, крикнул Саеду:

— Ты знал, что у них такие снаряды могут быть?!

— Откуда?! Первый раз вижу, чтобы так горело!

Плохо… Очень плохо… Вряд ли это секретное оружие, в единичных экземплярах хранящееся в тыловых гарнизонах. Таким бы обязательно вооружили корабли пиратских шаек, главных боевых единиц, занимающихся террором чужих земель. Что это значит? Это значит, что у врага прогресс на месте не стоит. Они изобрели метод получения «греческого огня». Или, возможно, нашли залежь с уникальной по составу нефтью. Доводилось слышать, что и на Земле такая тоже встречается. Ее даже можно заливать в моторы, работающие на низкооктановом бензине. Скорее всего, преувеличение, но в любом случае горючесть, наверное, та еще.

Я был на полпути к башне, когда третьим выстрелом накрыло уже «Страх». Четвертый раз звук срабатывания механизма услышал, когда подбежал к группе воинов, пытавшихся топорами вышибить дверь. Оценив ее массивность, я понял, что справиться с ней успеют как раз к тому моменту, когда обгоревшие остовы наших кораблей пойдут на дно.

Меня такие сроки не устраивали.

Задрав голову, убедился, что в мире ничто не изменилось. Башня низкая, высотой с двухэтажный дом старой постройки. Некоторые вояки швыряли дротики и копья, пытаясь достать

расчет баллисты навесной стрельбой. На вид броски были удачными, но вряд ли стоит всерьез на них рассчитывать.

— Ты! Ты! Ты! — начал я хватать людей. — Бегом на «Страх» и притащите весло.

— Да на хрена же вам весло понадобилось? — изумился один из выбранных.

— Выполнять молча!!! Бегом!!!

Весла галерные сильно отличаются от всем известных лодочных. Прежде всего длиной. Именно это пришло мне в голову, когда я лихорадочно размышлял, где бы найти приличный шест или что-нибудь ему на замену.

Баллиста успела выстрелить еще четыре раза, прежде чем притащили весло. К тому времени «Ужас» превратился в костер от носа до кормы. На «Страхе» ситуация была получше, но ненамного. Какой-то отчаянный тип забрался там на мачту и с высоты постреливал из арбалета по грязным негодяям, которые творили зло на вершине башни. Я с острым чувством безнадежности понимал, что не успею ничего сделать, но все равно торопил народ, мечтая хотя бы отомстить за корабли.

Тыловые крысы! Грязные трусливые сволочи! Да как они только посмели кривую руку поднять на мой великий флот?!

Чуть не взбесился окончательно, пытаясь торопливо объяснить воинам, что от них требуется. Ну не принято здесь с шестом на стену взбираться. Им лестницу подавай или хотя бы веревку с крюком. К тому же весло было тяжелым и неудобным. Надо бы, конечно, другого послать наверх первым, а не такую драгоценность, как я, но очень уж руки чесались покарать поджигателей.

Штучку пришлось оставить. Неудобная для такой акробатики, к тому же во время забега по стене башни придется держать ее в чехле за спиной. Из этого положения быстро не выхватишь, а вряд ли мне там время дадут на лишние телодвижения. Потому ограничился матийским мечом и кинжалом.

Против тыловых крыс должно хватить.

Воины у меня сильные, я едва успевал ногами перебирать, до боли в ладонях обхватив толстую рукоять весла. На последних шагах оказалось тяжелее всего — зубчатый парапет выдавался вперед, образуя уступ, через который я с трудом проскочил без приключений. Оказавшись на площадке, выхватил меч из ножен, одновременно оценивая обстановку. Противников было трое. Пара возилась с рычагами, натягивая баллисту, третий стоял наготове, держа в одной руке огромный деревянный молоток, во второй — зажженный факел. Он единственный, кто меня заметил, остальные за шумом механизма орудия, стуком в двери и

криками моих ребят ничего не поняли, так и оставшись ко мне спинами.

Если есть возможность бить безнаказанно, надо ее использовать. Местные поборники рыцарских традиций считают иначе, но я на них плевал с высокой колокольни. Поэтому, проигнорировав дема с факелом, подло подскочил к увлекшейся парочке со спины, рубанул одного по шее, второго достал в длинном выпаде колющим ударом, целясь в почку. Быстро, может, и не умрет, но в драку уже точно не полезет. Вытащив меч из раны, увернулся от удара деревянным молотом, в ответ, присев, подрезал противнику бедро и отскочил назад, предоставляя ему возможность за мной погоняться. Он, вскрикнув, шагнул следом, замахиваясь для нового удара, но раненая нога подвела — оступился, потеряв равновесие. А затем и вовсе упал, заработав удар по голове.

В этот момент на площадку влетел Тук. Неловко отпустив весло, бухнулся на пятую точку, зазвенев латами так, будто паровоз с Луны рухнул. На удивление бодро вскочив, сорвал с пояса секиру, начал рубить не разбирая, кто перед ним — раненый или умирающий.

— Тук! Хватай горшки, поджигай и вниз кидай!

— На кой?!

— Вниз! Внутрь башни! Пусть поджарятся там!

— Это хорошее дело, да только нам ведь тоже жарковато придется.

— Крикнем ребятам, они весло подставят — и спустимся по нему.

В этот момент люк в площадке приоткрылся, из недр башни показалась голова стражника. Увидев нас, дем успел удивиться, прежде чем молча улетел обратно — горбун угостил его секирой. Следом я один за другим кинул три горшка и помчался за следующими. Позади взметнулось пламя, задымило, страшно заорали. В душе ничего не дрогнуло — я не успокоился, пока рядом с баллистой не осталось ни одного зажигательного снаряда.

К тому моменту наверху и впрямь стало жарковато, огонь вырывался из люка на площадке и из бойниц на стенах. Крики прекратились. Весло, поданное воинами снизу, оказалось весьма кстати: у нас уже пятки начинали дымиться.

Оказавшись на земле, я наконец обернулся в сторону причалов. В этот момент на «Ужасе», освободившись от перегоревших оттяжек, рухнула мачта, а со «Страха» начали прыгать люди. Оставаться на палубе было невозможно — вся в огне. Взволнованный попугай, бухнувшись на плечо, растерянно

произнес:

— Всего-то и хотел руки погреть, а вон оно как получилось.

Получилось плохо. Мы лишились обеих боевых галер, запасов продовольствия, воды, стрел, болтов, не говоря уже о личных вещах. У нас осталась лишь коротышка «Паника», на которую, если очень постараться, мы, может, и влезем, только места для припасов не останется. Да и трудно будет выдержать нелегкое плавание, если людей в трюме придется утрамбовывать в шесть слоев, иначе никак не поместятся. Не говоря уже об опасном перегрузе, что может аукнуться в самый слабый шторм, а уж если столкнемся с подводным камнем, то сразу на дно пойдем.

Из плюсов лишь то, что без кораблей мы сейчас не утонем. Под ногами твердая земля, и это радует. Но несколько напрягает, что земля эта вражеская. Чтобы добраться сушей до территорий, где живут если не союзники, то хотя бы не враги, потребуется не одна неделя пути. Вряд ли противник нам это позволит. Демы сильны и многочисленны, а нас всего три сотни. Им не составит труда собрать тысячный отряд или даже гораздо больше. Нет, с боем ни за что не прорваться.

Тихо робинзонить на этом мысе нам тоже не дадут…

Тогда что? Сдаваться? Вешаться? Что?!

Со стороны города показалась огромная толпа жителей. Почти все одеты одинаково, в подобие серых комбинезонов, идут суетливо, торопятся. Детей тащат, какие-то узлы через плечо.

— Чего это они? — спросил тихо, ни к кому конкретно не обращаясь.

Один из воинов, не сводя взгляда с пылающих кораблей, ответил:

— Жители отовсюду идут — вы же сказали, что увезете их. Спасете.

Да уж… Спасу… Увезу… Великий освободитель Дан…

Хоть бери и харакири делай. Или это правильно называется сеппуку?

А какая разница… Хоть вешайся…

Глава 16
АДМИРАЛ БЕЗ ФЛОТА

Все так же светило солнце, чирикали птички, даже дымы за городком стали реже, и еще реже ветер приносил к пристани вонь металлургической гари. Но на душе не было радостно. Причем не только у меня. Воины, прекрасно понимая, во что вляпались, с унынием глядели на объятые пламенем корпуса галер, туда же уставились мастера и члены их семей. Те пленники, ради которых я пришел сюда.

Нам не на чем вывезти добычу и этих людей. И самим не на чем уйти… Мы в ситуации летчиков, сбитых над центром Берлина в сорок первом. Парашюты не дали разбиться, но дальше что?!

Вот такие мысли овладели моей головой. Но ненадолго. Я вообще не из тех людей, которые тратят лишнее время на моральные самоистязания. Есть моя вина в случившемся или нет и почему такое вообще с нами произошло… Зачем страдать над пустыми вопросами, если думать надо лишь об одном: что делать дальше?

Варианты сдаться и повеситься я отмел с ходу — это сделать никогда не поздно. Что в таком случае остается? Лишь одно: выжить и сохранить свободу. Пусть даже что-то при этом потеряв.

С чем можно расстаться? Предложить демам тушку стража в обмен на спасение для своих людей? Сомневаюсь, что согласятся, поскольку мне так и так некуда отсюда деваться. К тому же я эгоистичная тварь и отдаваться в лапы врагов не желаю ни за какие коврижки.

Выкуп отпадает…

Что дальше? По суше уйти не дадут, значит, остается морем. Кораблей нет — тогда на чем? В свое время я на бревне путешествовал, но было это недалеко от северного побережья, так что одиссея не слишком затянулась. В нашем случае на это надежды нет. Не годятся подручные средства. Нам хотя бы баркасы рыболовные где-нибудь найти. Пусть они ненадежны для дальних плаваний, но хоть что-то. У какого-то Склафа получилось, так что все в наших руках. К сожалению, у пристаней баркасов не видать. Да здесь даже самых утлых лодок нет! Проклятая мера безопасности, направленная против вероятных побегов мастеров. Тот же Склаф ее обошел, но двигаться на крошечной скорлупке через море не рискнул; шел вдоль побережья ночами, прячась в кустах утром и выбираясь вечером. Более чем сомнительно, что такая толпа сможет повторить его

подвиг.

Лихорадочно перебирая в голове самые разные — от откровенно дурацких до фантастических — варианты, я пришел к единственно возможному. Если хочу спасти всех своих воинов, нам понадобится как минимум еще один корабль.

Возник новый вопрос: где его взять? У пристани лишь наши пылающие галеры, море тоже пустынно — видимо, приближаться к Железному Мысу строго запрещено.

— Где Удий? — обернулся я к Саеду.

— Да вот он! — Из толпы выбрался Нюх, таща за собой старосту медеплавильщиков.

Разговор я начал издали:

— Скажите, уважаемый Удий, а часто ли к вам корабли заходят?

— Каждый последний день недели оранжевые флаги заглядывают.

— Гм… А сегодня какой день недели?

— Известно какой: третий.

Сомневаюсь, что нам дадут здесь три дня спокойно просидеть, так что вариант дождаться купцов следует отбросить. К тому же надо быть идиотом, чтобы согласно расписанию заявиться в гавань, захваченную врагом. Ну да ладно — будем думать дальше.

— Что-то берег здешний пустынен, даже рыбацких деревень поблизости нет.

— Ага, это вы верно подметили. Море тут на рыбу скудно, да и запрет на плавание никому не нравится. Боятся, что мы захватим баркас и убежим. В былые годы, поговаривают, случалось такое.

— А что, городков портовых рядом совсем нет?

— Рядом вообще пусто, особенно к западу. К востоку до самой Альлабы тоже ни одного порта. Ну а там, само собой, порт загляденье. Гавань сотню кораблей легко вмещает, еще и место остается для целой тысячи.

Краем глаза увидев, что при этих словах и матийцы, и бакайцы сильно заволновались, я рявкнул:

— В чем дело?!

За всех ответил Арисат:

— Сэр страж, просто мы не знали, что Альлаба так близко от Железного Мыса.

— И что с того?

— Как что?! Это ведь распутная гавань! Место, куда возвращаются оты после набегов. На берегу их ждут тысячи продажных женщин и множество разных омерзительных

удовольствий. В день там выпивается столько спиртного, что можно заполнить целое озеро.

— Ух ты! — восхитился попугай.

— Самое развратное и грязное место мира, — поддакнул Саед.

— И чему вы удивлены? Я не вижу ничего странного, что оно поблизости от Железного Мыса. Основная добыча от — пленники. Там их сортируют и лучших мастеров направляют сюда. Таких беречь стоит, долгая дорога им противопоказана. Саед, ты ведь и так это знал.

— Ну так я и не удивлен, в отличие от остальных.

— Все верно, — кивнул Арисат. — Я тоже что-то такое слышал. Но как-то странно узнать, что Альлаба совсем недалеко. Это место из страшных сказок, даже не верится ни на каплю, что оно и в самом деле существует.

— Мы рождены, чтоб сказку сделать былью, — тихо пробурчал я на никому не известном здесь языке и обернулся к Удию: — Я так понимаю, что гавань Альлабы не пустует? Много там кораблей?

— Не знаю сколько, но уж точно не один и не два. От много у темных, одни в поход уходят, другие возвратились и стоят на ремонте или отдыхе. Там постоянное движение в разные стороны.

— И сколько именно до этой Альлабы?

— Ну… Если пешком шагать и делать это торопливо, то до вечера должны успеть дойти. Она на восток, вон за тем изгибом берега. Никак отсюда не разглядеть.

— А ближе кораблей нет?

— Вряд ли. Разве что бурей на берег выбросит, но бури давно уж не случалось.

— А другое место, кроме Альлабы, пусть дальше, но с кораблями. Далеко до такого?

— На западе есть рыбацкие деревушки, но в них лодки простые и изредка баркасы. За Альлабой в одном дне пути городок есть с портом, туда иногда купцы заходят. На западе таких городков целых два по берегам залива, но до них гораздо дальше идти.

— Все понятно. Арисат, Саед, готовьте людей. Очищаем стену, перекрывающую мыс, от стражи, потом выступаем к Альлабе. Захватываем там корабль или несколько, возвращаемся, забираем мастеров. Уж извините, Удий, не могу обещать, что поместятся все.

— Вы хотите напасть на Альлабу? — до выпученных глаз изумился Арисат, а воины хором загудели.

— Мне плевать на Альлабу, но не плевать на корабли в ее

гавани. Там такие же галеры, как у нас, — с управлением легко справимся. Просто выберем те, которые приготовлены к походу. Даже если там окажется мало припасов, заберем все отсюда или по пути ограбим другое поселение. Хотя бы те фермы, что на Свином острове.

— Вы, похоже, всерьез решились на это безумие… — как-то странно произнес Саед.

— Вяжите его, пока кусаться не начал! — предательски заорал попугай.

Саед, приняв еще более горделивую позу, чем раньше, хотя это и казалось невозможным, торжественно произнес:

— Я знал. Я всегда знал, что найду столь достойную смерть, что предки не просто будут мною гордиться, они… они… они… Даже не знаю что сказать, как выразить обуревающие меня мысли…

— Из гробов твои предки повыпрыгивают и сбегутся тебя поздравлять, — буркнул Тук.

Сильно подозревая, что далеко не все воины будут рады найти героическую смерть на штурме Альлабы, я поспешил сгладить слова Саеда:

— Чего испугались?! Да я не собираюсь на убой идти и вас за собой тащить. Без кораблей нам здесь крышка: сушей идти далеко, и не дадут, а чтобы прорваться через заслоны, у нас слишком мало сил. Остается только по морю. Где взять корабли? Вы слышали, что ближайшие стоят в гавани Альлабы. Варианты с рыбацкими деревушками отметаю — вряд ли перейдем через море на хлипких баркасах, к тому же даже тех маловато на такую толпу. Караулить здесь проплывающих мимо купцов тоже глупо — «Паника» слишком тихоходна, вряд ли получится догнать на ней. Да и не вижу здесь изобилия проходящих кораблей. Другие порты гораздо дальше Альлабы, и не факт, что гавани там не пустые. Загрузить на «Панику» отряд сильный и, пользуясь скоростью, быстро до них добраться, чтобы проверить? Не получится — ветер очень слабый и далек от попутного. Ждать погоды нам некогда. К тому же стража на стене, думаю, уже не одного гонца послала, сообщая о нас. Первая же встреча с военным кораблем может стать последней. Кстати, Удий, а откуда к демам может прийти помощь? Из Альлабы?

— Шутите, что ли? В Альлабе солдат, почитай, нет совсем. Воинов от там столько, что городу нечего бояться. Там даже стен нет. Южнее, в стороне от побережья, стоит большой город Мацертос, под ним есть крепость военная, где новобранцев муштруют. Служивого люда там хватает, вот к ним комендант небось и послал гонца.

— Далеко до этой крепости?

— Гонец верхом поскакал, до вечера будет там, если лошадь не загонит.

— А солдаты пешие или конные?

— Конных мало. Пехота.

— Ясно. Слышали? Неподалеку и конница, и пехота есть, рассиживаться здесь нам не дадут. Чем быстрее мы отсюда ноги унесем, тем лучше. Все понятно? Арисат, Саед, я, кажется, приказал очистить стену от стражи, а вы чем занимаетесь вместо этого?!

Очистка стены от стражи надолго не затянулась. Те, завидев, что случилось с башней, заблаговременно разбежались, логично предположив, что нашу атаку вряд ли хоть кто-нибудь сможет пережить. Ловить их по степи, изобилующей оврагами и все теми же рощицами из аккуратных, будто подстриженных деревьев, никто не стал. Крупно повезло ребятам — не до них нам.

Решив, что в Альлабе мне, скорее всего, понадобятся все бойцы до единого, я сообщил мастерам, что оставляю их одних, без охраны. Пусть ждут. Но многие неожиданно начали требовать взять их с собой. Мол, помогут. Или просто опасались отпускать, не веря, что мы за ними вернемся. Похоже, Удий успел всех убедить, что они в шаге от свободы, а расставаться с новорожденной надеждой никто не любит.

Больших трудов стоило отказаться от настойчиво предлагаемой помощи. Среди мастеров бывших воинов не сказать чтобы много, а мне и своей недисциплинированной толпы более чем достаточно, чтобы еще с чужой возиться. Опыт зимней войны показал, что лучше три десятка серьезных вояк, чем сотенное стадо.

На складах Железного Мыса хватало свежеизготовленного оружия, отличных доспехов, вязанок стрел и болтов, так что мы легко восполнили запасы боеприпасов. Еще прихватили шесть баллист на колесных станках, для чего использовали лошадей. Их здесь применяли в качестве тягловой силы, они же качали кузнечные мехи и крутили приводы станков. В телегу насыпали запас метательных снарядов, в том числе новейших зажигательных. Мастера, ими занимающиеся, рассказали, что прекрасно знают, что и как надо смешивать для получения адской смеси, и если мне потребуется, наделают горшков хоть тысячу.

Разберусь, если жив буду…

Зачем мне эта артиллерия, я не знал, но мохнатая жаба потребовала, чтобы обязательно взял в поход эти тяжелые игрушки. Очень жалко будет бросать такое оружие — ведь вряд

ли на корабле или кораблях останется место. Мастеров и членов их семей на глаз тысячи три, если не больше. Куда мне эту ораву девать? Уж точно не до баллист будет…

Предаюсь излюбленному занятию: делю шкуру неубитого медведя…

Покинув город через ворота в стене, по хорошо накатанной дороге отправились на восток. Раньше по ней возили телеги с оружием и снаряжением, а теперь вот мы идем. Вряд ли прецеденты бывали — первый случай в истории. Оглядываясь на воинов, читал в их глазах смесь самых разных чувств: от страха и безысходности до возбуждения и восторга. Эта Альлаба, похоже, известна всем, кроме меня. Не город, а прям легенда. Наверное, похожее настроение было у варваров, первыми решившихся пойти на Рим. Или у пиратов, что потащились вслед за Морганом через малярийные джунгли, мечтая озолотиться в сказочно богатой Панаме.

Кстати, корабли Моргана тоже сгорели. Правда, подожгли их по его приказу. Но что от этого меняется? Будем считать хорошим предзнаменованием.

По сторонам ничего интересного не наблюдалось. Степь, овраги, рощицы. Земля, наверное, хорошая, но почему-то не сеет никто. Из кустов вдали высунулся человек, посмотрел в нашу сторону, вновь спрятался. Наверное, один из сбежавших стражников. Других событий, заслуживающих внимания, не происходило. Идти было приятно: тяжелых доспехов не признаю, ноги, соскучившиеся по твердой земле, готовы были работать сутки напролет.

Замедлив шаг, поравнялся с Саедом:

— Что вам известно про эту Альлабу? Меня интересуют силы гарнизона.

Матиец с минуту молчал, потом нехотя выдал:

— Про гарнизон я ничего не знаю. И никто не знает. Альлаба — гавань для от, там постоянно толпы демов — вот это знают все. От очень много, и, наверное, половина там ошивается. Ремонт кораблей, пополнение припасов, вербовка пополнения, отдых командам — все там.

— Насколько я понимаю, они не занимаются охраной города, а развлекаются на всю катушку?

— Ну да. Пленные так говорили. Еще они говорили, что Альлаба — преддверие поганого рая для темных. Город, каждый камень которого пропитан пороком. Нет такого греха, которого бы не видели его стены. Перед тем как ота отправляется в поход, каждому воину дается три дня. Они называют это «три дня рая». Все это время они делают там все, что заблагорассудится, не

платя за это ни монеты. Расписки торговцы пороками сносят вожакам — вот они и платят. Деньги потом вычитают из общей добычи. Когда ота возвращается, она ведет себя ничем не лучше. Большинство воинов прогуливает все, что есть, почти мгновенно. Потому, перед тем как покинуть корабль, они должны оставлять доспехи и оружие. За нарушение этого закона положено наказание. Это мера предосторожности, чтобы транжиры не остались вообще без имущества.

Я чуть не подпрыгнул от радости:

— То есть вы хотите сказать, что Альлаба кишит демами, но при этом они все без оружия и доспехов?

Чуть подумав, Саед зловеще улыбнулся:

— А ведь получается так. Почему я сам об этом не подумал? Дан, мне кажется, что наша смерть будет еще более героической и прекрасной. Да мы в крови утопим весь этот поганый город и его пропитанные грехом предместья. Да что там город — само море покраснеет и выйдет из берегов. Сам бог послал шторм, погубивший мой корабль. Не будь его, мы бы никогда с вами не встретились. Я даже не могу представить, как обрадуются предки.

— Из гробов выпрыгнут, — встрял в беседу Зеленый.

Глупое он запоминает куда быстрее хорошего.

— Погодите умирать — наша задача не в этом. Надо прорваться к гавани и быстро захватить корабль. А лучше несколько. Так что давайте прямо сейчас на ходу разбивайте людей на отряды. Одного такого отряда должно впритык хватать для управления одной галерой. Все люди уже опытные, не растеряются. Сколько таких отрядов получится?

— Ну… если минимально считать, то шесть наберем. Но полной весельной команды не выйдет.

— Вот и отлично. Мы с вами начерно прикидывали, что одна галера может взять до шестисот человек или даже чуть больше. Тесновато будет, но плавание не такое уж долгое. С учетом «Паники» должны принять все население Железного Мыса. Весла штука нехитрая, посадим за них мастеров.

— Шесть кораблей захватить?! Шутите?!

— Какие шутки? Я бы и десять взял, да где столько людей найти.

— Поражаюсь размаху ваших замыслов.

— Это я еще скромничаю…

— Воды понадобится запас большой и еды.

— Колодцы вычерпаем, склады разграбим.

— Провизии в городе мало.

— Как и говорил, можем заглянуть на Свиной остров, возьмем недостающее у фермеров.

— Они свиней выращивают, противно грабить таких.

— Если прикажу, будете есть свинину и кричать при этом, что ничего вкуснее никогда в жизни не пробовали. Демы от запретного мяса не умирают, и вы не умрете.

— Святотатство…

— Не вы ли мне говорили, что для победы все средства хороши? Мы одержим победу лишь в том случае, если уйдем отсюда и вывезем всех мастеров. А если погибнем, пусть и героически, это все равно поражение. Так что давайте смерть отложим на какой-нибудь другой раз, а сейчас срочно разбивайте народ на будущие команды. Назначайте капитанов, боцманов и прочих.

— Трудно найти столько людей на все должности.

— Я в вас верю, так что постарайтесь.

Удий не соврал: до заката оставалось еще больше часа, когда впереди показалась окраина приличного города — куда больше Железного Мыса. Должно быть, развлечения южане ценят выше, чем индустриальные дела, раз наблюдается такая диспропорция. Хотя с местным уровнем развития все логично. Сколько всего мастеров-невольников? Если отбросить подмастерьев, обслугу и членов семей, хорошо если три-четыре сотни наберется. Я специально узнавал, что в Ортаре один кузнец приходится приблизительно на пять — семь сотен населения. Это значит, что освобождаемые мною люди могут обеспечивать потребности в металлических вещах порядка ста пятидесяти или даже трехсот тысяч человек.

К тому же следует отличать рядового деревенского кузнеца, занятого подковами и плотницкими топорами, от настоящего мастера. Этих в Ортаре гораздо меньше, чем один на пять сотен. Даже я точных цифр выведать не смог. Так что население Железного Мыса, вполне возможно, способно покрыть продуктами здешних высоких технологий потребности приличного государства. Не надеюсь, что этот городок единственный источник таких изделий у демов, но все равно убытки им нанесу неслыханные.

Это, конечно, если выгорит набег на Альлабу. Не факт. Большей наглости, похоже, здесь придумать невозможно, если судить по реакции моих воинов. До сих пор большинство из них шагает, будто их мешком из-за угла стукнули.

По пути нам встретился обоз из пяти телег. Перевозили они бочки с соленой рыбой и, судя по беспечному виду возничих, даже не подозревали, что на пути их поджидает такая неожиданность. Стражники если куда и послали гонца, то не в

Альлабу.

Гужевой транспорт мы реквизировали, бочки разбили, раскидав содержимое по земле, возничих пинками направили в сторону Железного Мыса. Драпали они охотно и на диво быстро. Вряд ли осмелятся развернуться и, обойдя нас стороной, побегут предупреждать порочное население Альлабы. К тому же мы шагаем без задержек — попробуй еще перегони.

Уже потом пожалел, что бросил рыбу. Какая-никакая, а еда. Сомнительно, что даже при идеальном раскладе у нас будет возможность погрузить что-нибудь из запасов Альлабы или прихваченного по дороге. Хотя мало ли как оно там обернется.

Город, казалось, перед носом лежит, но в степи расстояния обманчивы, так что к окраине мы подошли уже в темноте. Впереди светились желтыми и синеватыми пятнами редкие фонари, тут и там проплывали огоньки факелов, сразу из нескольких мест доносилось нестройное хоровое пение — как правило, местные варианты раскрытия темы «Шумел камыш, деревья гнулись», но проскакивало и куда более неприличное.

Ночь только начинается, то ли еще будет, когда народ развеселится всерьез. Ведь, как я понимаю, отдыхать от радостей земных у такой публики принято днем.

Несколько своеобразный вариант преддверия рая…

Стен вокруг города не было, каких-либо других укреплений тоже не наблюдалось. Линии постов тоже не видать. Неужели вообще никакой охраны? Заманивают? Ловушка?

Я слегка ошибся — у въезда в город все же стояла парочка солдат. Точнее, один сидел на бочонке, а второй расхаживал взад-вперед с копьем на плече. Завидев нас, копьеносец звонким, чуточку торжественным голосом, переполненным гордостью за доверенный ему пост, выкрикнул:

— Стой! Кто такие?!

Судя по голосу, пятнадцать лет ему в лучшем случае через год исполнится. Какими словами на это отвечать, я не знал и начал морально готовиться, что придется идти на детоубийство.

Тук зловеще произнес:

— Свои!

— Это какие такие свои?! — не сдавался юный стражник.

— Своих разве никогда не видел?! — делано изумился горбун. — Экий остолоп! Так взгляни на меня и тогда точно увидишь!

Тип, тихо сидевший на бочонке, вдруг обрел голос:

— Опять нажрался, шлюхино отродье, и своих теперь не узнает!

Если говорить честно, пьяных ноток в голосе мальчишки не

наблюдалось. А вот у его старшего напарника еще как наблюдались. Я бы даже сказал, что, кроме пьяных ноток, в его голосе вообще ничего не было. И насчет старшинства вопрос не совсем ясный. Понять, сколько ему лет, не получалось. Когда подошли настолько, что смог оценить его внешний вид при свете факела, и вовсе страшно стало: ведь столько не живут.

— Вы — местная стража? — уточнил я.

— Ага, — кивнул старший, при этом простом жесте чудом не сверзившись с бочонка. Видимо, решив сгладить эту промашку, пояснил: — На нас тут порядок держится и вообще все. Абсолютно все.

Подчеркивая значимость своего высказывания, он поднял согнутую в локте руку, выставив в направлении звездного неба указательный палец. При этом опять зашатался, не упав благодаря тому же чуду.

— Мне их даже резать совестно, — тихо прошептал горбун. — Этих оболтусов поставь нужник охранять — так из него средь бела дня все дерьмо без помех вынесут.

Честно говоря, первоначальная идея прорываться до порта, оставляя за собой смерть, слезы и горящие руины, тоже перестала меня привлекать. Так уж принято, что въезды в города охраняются наиболее тщательно. Но, если судить по этому посту, стража Альлабы исполняет свои обязанности без лишнего энтузиазма. И вообще, я начал сомневаться, что существ, подобных этим, вообще можно причислять к стражникам.

Да их парализованная старуха веником разгонит…

— А чего вы в железе бродите, дотерпеть до гавани не могли? — вдруг почти трезво спросил старший.

— Ага, — ответил я.

— Гы… Жеребчики стойла разнесли и рванули в чистое поле, к табуну кобылиц. Точно сказано?

— Вроде того.

— Выпить есть?

Выпить у меня не было, но, поняв молчание неправильно, пьяный начал склонять меня к коррупционным действиям:

— Если найдется, я вас до гавани самолично провожу. Прослежу, чтобы по пути к вам не задирались. У меня ведь о-го-го! Порядок полный! И хрен с ним, с постом этим. Чужие все равно здесь не ходят, потому как меня все боятся. Так зачем стоять, если можно выпить с приличным человеком?

— К гавани проведешь? — не поверил я своей удаче.

— К ей… К ею… К евою… Тьфу, мать ее соленым ржавым якорем в гнойную спину трухлявой ведьме! К ней самой!

Это было весьма кстати, потому как разобраться, где в этом

лабиринте дорога в гавань, самостоятельно было бы непросто. Мои соратники это тоже понимали и, вместо того чтобы накинуться на стражу с ножами, откуда-то из-за спины протянули кожаную флажку. Я не стал спрашивать, что в ней, также не стал выяснять, почему, вопреки корабельному закону, у кого-то оказалось неучтенное спиртное, и даже не попытался выяснить личность нарушителя. Просто протянул посудину стражнику.

Тот, резко оживившись, присосался к ней, будто несчастный египетский еврей, которого Моисей за все сорок лет странствий по пустыне ни разу не напоил. По мере опустошения фляжки глаза стражника начинали блестеть все ярче и ярче, в них даже проявилось что-то похожее на зачатки здравого смысла. Наконец плечи его распрямились, он резво встал, покачнулся, икнул, вытер губы рукавом, на котором заскорузлого сала было куда больше, чем ткани, и, отбросив опустевшую посуду, залихватски скомандовал:

— Все за мной! Не отставать! А ты, мокрый крысеныш, впереди шагай, ведь я в темноте плохо вижу, а заблудиться в этом шлюхином логове проще, чем об забор высморкаться.

Кто-то говорил, что ишак, груженный золотом, откроет любые ворота? Автор изречения был очень щедрым человеком. Для того чтобы сотни северных головорезов коварно пробрались на территорию главной твердыни южных террористов, мне хватило флажки с сомнительным вином.

Глава 17
ДЕМОНЫ ТЕМНОГО РАЯ

— Дядь, а дядь!

— Чего тебе, пацан? — в который раз ответил Тук. Малолетний стражник почему-то принял его за старшего или как минимум очень авторитетного.

— А вы правда с Наком Вешателем ходили?

— Это еще кто с кем или за кем ходил, — буркнул Тук, плохо представляя, как иначе на такое отвечать.

— Я вас сразу узнал, по горбу. Не так много в отах горбатых. Я, если честно, только Кутия и знаю. Видеть доводилось. Но он, говорят, утонул, когда схлестнулись в проливах с имперцем. Наверное, застежку кирасы заело. А зачем вам баллисты?

— Чтобы стрелять.

— Так ведь их на корабле можно оставлять.

— На корабле всякое бывает, в том числе и мутное. А ну как своруют?

— Так корабль ваш на берегу остался? Не дошли? Течь открылась?

— Вроде того.

— Слишком много вас для одного корабля. Три галеры надо, никак не меньше. Неужто все сразу потекли?

— Ага.

— Честно?

— Клянусь девичьей честью твоей прабабки. Да чего пристал?!

Я, краем уха прислушиваясь к беседе, основное внимание обращал на обстановку. Здесь было на что поглядеть. Не знаю, есть ли вообще в этом городе обычные дома, где принято жить у нормальных людей. Ни одного пока что без веселых вывесок не заметил. Причем текст на всех без исключения вывесках отсутствовал, скорее всего ввиду поголовной неграмотности потребителей услуг, а о специализации заведений говорили бездарно намалеванные картинки. Они, надо признать, были понятны даже клиническим идиотам. Чаще всего встречались выполненные на все лады изображения посуды, заполненной пивом или чем-нибудь непенящимся, но очень сомневаюсь, что лимонадом. Чуть реже попадались полуодетые или даже вовсе голые красотки с гипертрофированными, ярко накрашенными губами, растянутыми в недвусмысленной улыбке. Иногда их заменяли пухлые мальчики или даже особы непонятные.

Игральные кубики раскачивались над входами в местные казино. Пару раз видел портреты мужчин с отсутствующим взглядом и чем-то похожим на курительные трубки в губах. У входа в такие места штабелями лежали люди, лица у них были копией нарисованных на вывесках.

Изо всех углов к нашей процессии почти непрерывным потоком выскакивали женщины, в чьей профессиональной принадлежности было невозможно усомниться. Целью их атак было отбитие хотя бы одного воина от наших стройных рядов с целью затаскивания добычи в порочные глубины этого рассадника разврата. Нам стоило немалых трудов отбиваться от этих порочных особ, а уж шум стоял такой, что небось на Железном Мысе слышали. Ругались эти дамочки столь виртуозно, что оба наших боцмана краснели от стыда за свою скромность, по силе криков равных им тоже не было. Зеленый, спрятанный под плащом, вздыхал от зависти, стараясь запомнить все до последнего слова, но, похоже, не справлялся — слишком уж широк поток новой информации.

Хуже всего приходилось, когда атаки предпринимали не распутные женщины, а существа мужского пола, но той же профессии. Мои воины, не избалованные доведенной до идиотизма идеей свободы цивилизованного общества, шарахались от таких «красавиц» будто от чумы, предпочитая с боем прорываться через орду погани, чем терпеть прижимающихся особей альтернативной ориентации.

Несколько раз к авангарду колонны выходили личности, сказать про которых пьян — это значило обозвать слона тушканчиком. От них следовали неоднократные предложения выпить, пару раз нас принимали за каких-то давних приятелей, столько же раз просили угостить в долг славных воинов, которым грозит неминуемая гибель от затянувшегося похмелья. Одному попрошайке старший стражник даже в глаз двинул — уж очень приставучим оказался.

И абсолютно всем было безразлично, почему по городу продвигается отряд вооруженных до зубов людей, никого из которых здесь никто никогда не видел. Наши баллисты только у малыша-стражника вызвали вопросы, остальным было глубоко безразлично. Думаю, сумей я завести свой танк и примчись на нем сюда — вряд ли бы реакция серьезно отличалась от нынешней. Шлюхи бы лезли на броню, кандидаты в собутыльники бросались под гусеницы, а попрошайки настойчиво стучали в люк механика-водителя.

— Сэр страж, — тихо обратился Тук.

— Что?

— Там бабенка справа выскочила и сиськи показала. Вы это видели?

— Да я за всю жизнь столько этого добра не видел, сколько здесь за пять минут.

— Сэр страж, так она потом подол задрала, а там… Мужик это оказался, сэр страж. Как такое вообще может быть?!

— Тук, ты разве сам не видишь, куда мы попали? Здесь все может быть. Меньше смотри, крепче спать будешь.

В подтверждение моих слов тут же подскочил очередной зазывала, затараторил с невероятной скоростью:

— Господа, не проходите мимо! Что угодно?! Есть абсолютно все! Хотите самых развратных женщин мира, полных бесстыдниц?! Или хотите бесстыдниц престарелых, повидавших абсолютно все, умеющих то, чего никто, кроме них, не умеет, и угадывающих даже невысказанные желания?! Они откроют для вас неизведанное! Такого опыта, как у них, нет ни у кого! Куда же вы?! Ну остановитесь хоть на миг! А! Понимаю! Вам больше по душе скромность и чистота юности?! Есть молоденькие женщины, только-только познакомившиеся с развратом! Есть девственницы из рабских бараков, покорные и послушные! Есть девственницы дерзкие, взятые у степняков, они подороже, ведь нет ничего приятнее для мужчины, чем усмирение этих диких кошечек! Ну не проходите мимо! Вам чистоты юности недостаточно?! Так посмотрите, что у нас есть для самых взыскательных господ!

Зазывала указал на женщину, прижимающуюся к стене. Та, растянув в омерзительной улыбке густо накрашенный рот, откинула полу плаща, продемонстрировав укрытую под ней девочку лет шести. Лицо той было столь же густо размалевано, а глаза потухшие, будто у древней старухи.

— Видели?! — продолжал надрываться зазывала. — От младенцев до тех, кто одной ногой в могиле стоит, причем любого пола! У нас есть все, даже то, о чем вы мечтать не смеете! Это Альлаба, здесь нет запретов, а я ваш верный слуга во всем, что касается любых удовольствий! Здесь можно абсолютно все! Запретов никаких! Да сами посмотрите — нет ничего недоступного!

Но я видел лишь одно. Вот Штучка с тихим, на грани слышимости, звоном выбрасывает серебряный чуть изогнутый клинок, по остроте превосходящий самую качественную бритву. Вот лезвие устремляется вперед, вскользь прикасается к шее, отступает с ленивой грацией, будто кошка отворачивающаяся от опустошенной миски. Она сделала свое дело, вылизав сметану до последней капли, теперь остается с гордостью удалиться. А на коже остается тончайшая линия разреза. Вот эта линия набухает,

превращаясь в темную полосу, и наконец извергает поток багровой жидкости. Скороговорка зазывалы захлебывается в крови, переходя в предсмертный хрип. Он, пошатнувшись, отходит на шаг, ноги становятся непослушными, заваливается на колени, а Штучка, метнувшись в лицо мрази, в коротком выпаде с хрустом сокрушает частокол грязных зубов, проворачивается во рту, превращая поганый язык в комок рубленого фарша.

Что-то такое, видимо, отразилось в моих глазах, потому что зазывала как-то подозрительно быстро сник и даже не попытался приставать к воинам позади. Чудом выжил, скотина. Мне стоило немалых усилий сдержаться, не превратив видение в реальность. Нам очень нужно попасть в гавань без лишних проблем, а это вряд ли получится, начни мы рубить всех встречных.

Ничего, в гавани посмотрим. Я ни за что себя не прощу, если уйду из этого нечищеного сортира, не хлопнув дверью. Да и люди меня не поймут. Они хотели добычи или хотя бы подвигов, и, глядя на все происходящее, многие рукояти оружия поглаживают.

Я им, блин, такой подвиг устрою, что будут гордиться собой до последней секунды жизни.

Гавань была отрезана от суши каменной стеной, единственные ворота оказались закрытыми. Из-за спины доносились отголоски пьяного смеха, шум перебранок, разудалых песен, женский визг, но здесь было темно и тихо, признаков жизни не наблюдалось.

Что делать? Сооружать импровизированный таран или послать отряд лазутчиков, чтобы перебрались на другую сторону?

Но все решилось иначе.

Старший стражник требовательно постучал в ворота рукоятью кинжала. Подождал с минуту, постучал еще, при этом прокричав:

— Кью, ты там совсем подох, что ли?! Если так, то зря! Очень уж не вовремя!

После этого на левой створке ворот с ржавым скрежетом откинулась железная ставенка окошка, и оттуда высунулось лицо… Нет — все же морда, или, скорее, даже харя. Не надо быть врачом-наркологом, чтобы по одному взгляду на эту переднюю часть человеческой головы вынести диагноз ее хозяину. Какой диагноз? Хронический алкоголизм в стадии агонии пациента.

— Че?! — скрипучим голосом изрекло тело.

— Привет, пропойца, — ответил на это стражник.

— Ы! А сам-то хто?! Ну привет. Так че?

— Ну так это… Вот так, потому что… Оно самое…

На харе промелькнула бледная тень следов работы жалких

остатков мыслительного аппарата, и запекшиеся губы растянулись в чахлой пародии на понимающую улыбку:

— А!.. Ну так бы и то!.. Че стоишь, будто корни пустил?!

— А че мне, лежать, что ли?! Открывай свой клоповник, глотка пересохла, мочи уже нет терпеть!

— А эт кыто? Че за народ како-о-ой-то непонятный?

— А хрен их знает… Сушей пришли, и не лень же им было. Надо бы оружие и доспехи сдать. Вот и привел, раз все равно сюда шагать.

— Дык кому сдавать, все в город ушли, а Макиляк в навозе спит, он это дело уважает. Х-х-хоть в барабан под ухом бей, все равно не поднимется.

— Так они че, каждый день на ночь в город уходят?

— Не. Вчера еще ушли. Вечером. И бродят до сих пор где-то. И не лень же им. Небось еще не ложились, — почти трезво сумел сообщить Кью.

— Ты открывать будешь или мы тут оба сейчас засохнем?! Наливай давай!.. То есть отворяй!

Нельзя сказать, чтобы я все понял из этого короткого диалога, но уяснил две важные вещи. Первое: стражник нас сюда привел не по доброте душевной или купившись на фляжку вина, а попутно. Очевидно, на сегодня у него была запланирована встреча с этим Кью, причем цель встречи не вызывала ни малейших сомнений. И второе: нас он сюда сопроводил, как ни странно, выполняя свой долг. Похоже, и впрямь с оружием и доспехами по городу шататься не дозволялось, и все это имущество мы должны оставить в порту.

Было и третье: судя по Кью, с охраной порта дело обстоит так же неудовлетворительно, как и с защитой города. Если честно, худшую систему обороны было трудно вообразить. Скорее, даже невозможно.

Распахнув ворота, Кью подтвердил мои предположения:

— Вы это… Ворота потом сами прикройте, когда оружие оставите.

Я понятия не имел, где надо оставлять оружие, и не стал уточнять — главным образом потому, что ничего оставлять не намеревался. Кью в сопровождении старшего стражника поспешно скрылся в будке у ворот, и оттуда почти сразу раздался сдвоенный звук удара донцами кружек по дереву.

В процессе планирования похода я много чего предполагал, но ожидать столь вопиющей беспечности врагов не мог. Первая часть моего гениального плана была выполнена: гавань Альлабы захвачена, причем без единой капли крови. Пришла пора приступать ко второй.

Повернувшись к младшему стражнику, я поинтересовался:

— Где здесь корабли, готовые к отплытию? Знаешь?

— А вам зачем? — удивился мальчишка.

— За тем, что мы их сейчас захватим, и если хочешь сохранить горло не перерезанным, то давай отвечай.

— Да вы кто такие вообще? — побледнел стражник.

Зеленый, догадавшись, что сейчас начнется веселье и можно уже не скрываться, с недовольным кряхтением выбрался из-под плаща, устроился на плече, придирчиво оценил ущерб прическе и невыносимо гнусным голосом, не оставляющим сомнений в лживости произносимого, ответил:

— Мы — добрые люди.

Узрев попугая, стражник еще больше спал с лица, выронил копье и с суеверным ужасом констатировал:

— Да у вас небесная птица! Уж не страж ли вы?!

— Он самый. И если хочешь жить — живее отвечай.

— Что отвечать?

— Вот же сын двенадцати тупиц и трех ослиц! — не выдержал Тук. — Где в этой тремя конями рваной гнойной гавани болтаются лоханки, на которых можно прямо сейчас убраться туда, где не воняет такими, как ты?!

— А… Так вон, дяденьки, на втором причале аж четыре галеры стоят, на них оты Канайца и Мутра через день уходить должны. Все, наверное, готово к отплытию. На третьем целых пять галер, но две дальние только пришли, на время поставлены, а остальным в плавание через неделю примерно. Может, припасы и не загружены, но к походу готовы. Дальние тоже брать можно, ремонт им не нужен, но там уж точно пусто. С другими или худо, или вообще не могу знать, в каком они состоянии.

Пять плюс три равно восемь, а нам надо шесть. Весьма удачно.

— Охрана на галерах есть?

— Есть, но только все в город ушли.

— Им это разрешают?!

— Не знаю. Наверное, нет. Но разве кто-то будет слушаться? Воины послушны лишь в походе, а стоит им на берег ступить — и ничего их делать не заставишь.

Понятно… Пиратская вольница в худшем варианте… Вот так капитан Блад с кучкой измученных рабов захватил «Синко Льягас», впоследствии ставший его непобедимой «Арабеллой». А мы, эдакие наглецы, собираемся его переплюнуть, утащив чуть ли не из столицы темных сил целую эскадру боевых галер.

— Саед, вы слышали?

— Да. Сейчас пошлю людей осмотреть корабли.

— Только побыстрее. Арисат, из каждой команды отбери отряд в тридцать человек. И разворачивайте баллисты в сторону города.

— Обстреливать будем? — с затаенной радостью уточнил бакаец.

— Хуже, — ответил я. И гораздо громче, чтобы многие услышали и рассказали потом тем, кто стоит далеко, пояснил: — Отправим в пекло этот клоповник.

Некоторые вояки не сдержались, вскинули оружие, кое-кто даже издал воинственный клич. Похоже, не я один против того, чтобы уйти отсюда без прощального концерта.

— Эй, пацан, а что в тех складах хранят?

— Тот, который ближе к воротам, арсенальный. Туда складывают оружие и доспехи, оттуда их забирают только перед отплытием.

— А остальные два?

— Дальний торговый, его клетушки купцы арендуют, а в том, что посредине, хранят привозимые для кораблей продукты и все остальное, что для похода нужно. За восточным молом, отсюда не разглядеть, еще дровяной склад есть. Только там не дрова, а корабельный лес для ремонта держат. Мелкий ремонт прямо в гавани выполняют, ну а если серьезный требуется, так галеру ведут прямиком к верфям. Сюда такие развалины даже не заходят.

— Тук, займись складами. Вынести все до крошки из первых двух, купеческий тоже проверь, может, что полезное найдешь. И быстрее, нас тут три сотни, а демов в городе не одна тысяча, еще и подкрепление могут позвать. До утра надо исчезнуть отсюда. И проверьте, что в караулке у башни делается.

Может, у меня и не лучшие воины во вселенной, но медлительными их не назовешь. Уже через минуту я знал, что в караулке обнаружены два пьяных до небесной синевы стражника, которые продолжают накачивать себя дрянным вином, не обращая на происходящее ни малейшего внимания. К ним отнеслись как к старым знакомым: не стали убивать или хотя бы связывать, лишь подперли дверь. Склады быстро взламывали, их содержимое выносили, сваливая грудами у причала. Рядом выстроились шесть отрядов по три десятка бойцов в каждом.

Подождав, когда выбранные бойцы соберутся, я поставил боевую задачу;

— Сейчас каждый возьмет по зажигательному снаряду для баллисты и факелу, после чего отойдете от порта на три квартала и, возвращаясь разными улицами, будете поджигать каждый дом. При попытке сопротивления убивайте всех, кто под руку

подвернется, но сильно не увлекайтесь. Просто жгите, не пропуская ни одного строения. Когда снаряды закончатся, отступайте к гавани. Все поняли? Исполнять.

Я бы и сам с радостью кинулся в город. Желательно тем путем, по которому сюда пришли. Очень уж не понравились несколько заведений, я бы для каждого не пожалел целого десятка зажигательных горшков. Но оставлять порт без командования — не лучшая идея. Саеду и Арисату я, конечно, доверяю, но они натуры увлекающиеся, тем более что матийца хронически тянет на пафосный суицид.

Отряды поджигателей, грохоча железом, скрылись за воротами, а я, кусая губы от нетерпения, начал ждать видимых результатов их деятельности, не забывая совать нос во все, что происходило в порту. По палубам галер стучали подошвы десятков ног, корабли поспешно проверялись на пригодность к плаванию. На берегу тоже суеты хватало: продолжался грабеж складов, пару судов, признанных годными, уже начали загружать трофеями.

Младший стражник, привязавшийся ко мне будто хвостик, рискнул открыть рот:

— Там, возле дровяного склада, есть еще рабский барак. Может, вам тоже что-то в нем нужно?

— Рабский барак?

— Туда выгружают живую добычу после набега. Потом приходят сортировщики, они осматривают рабов, распределяют кому куда. Сейчас там мало пленников, но все равно хватает народа. И еще там еда есть для них, а вам же продовольствие нужно. Верно?

— Верно… А пойдем-ка взглянем на этот барак.

Мог бы и не смотреть. Похожую картину видел в подземелье на острове. Только там рабы были одеты в «униформу», а здесь в грязное тряпье, не так давно бывшее повседневной одеждой. В чем захватили, в том и везли неделями, если не месяцами. Сортировщики уже поработали, разбив добычу на категории. В отдельных клетушках сидели взрослые мужчины, женщины, юноши и девушки, подростки и совсем мелкие дети. Сотни полторы «голов» живого товара. Само собой, оставить их здесь я не мог. Раз уж есть возможность забрать этих несчастных, нельзя ее не использовать. Пусть придется немножко потесниться, не беда. В конце концов, не так уж их и много.

Эти были еще не окончательно смирившиеся с судьбой, и, опознав во мне стража, с полуслова поняли, что их пришли освобождать. Проблем с рабами не возникло, некоторые даже

начали помогать с погрузкой, с ходу вникнув в ситуацию.

А затем в городе вспыхнули огни первых пожаров. Из-за стены пламя рассмотреть не получалось, но было хорошо видно зарево. Почти сразу занялось в нескольких местах — видимо, отряды начали работать чуть ли не одновременно.

Не прошло и пяти минут, как пламя начало полыхать почти сплошной стеной. Поднявшись на площадку караульной башни, я бросил лишь один взгляд на эту картину и понял, что преддверие поганого рая вот-вот превратится в сам ад. Здесь почти все постройки из дерева, а те, что каменные, — с деревянными крышами, перекрытиями, полами. Есть где разгуляться хорошему огню. Чудо, что этот вертеп, где население делится на тех, кто пьян, и тех, кто поит, до сих пор не сгорел дотла.

Хотя откуда мне знать? Может, уже не раз выгорал, но отстраивался вновь и вновь. Это хорошее гибнет быстро и безвозвратно, а грязь плохо смывается. Это не первый город в истории, преданный огню из-за пьяного ротозейства защитников, и не последний. Такой опыт, думаю, у демов есть.

Издали доносились крики, в том числе и специфические, очень похожие на те, которые издают раненые. Ничего удивительного — ведь как бы ни были обитатели Альлабы погружены в свои порочные занятия, игнорировать действия банд поджигателей не могли. Но я верил, что моим ребятам ничто не грозит. Ведь сам видел, что представляет собой здешнее население. Может, на море, в доспехах, при оружии и под строгим командованием они и опасны, но сейчас это просто пьяный сброд. Тридцатка воинов через толпу таких алкашей пройдет, не получив царапины.

Так пускай орут и дохнут…

Вскоре из переулка вынырнул первый отряд.

— Ну как прошло? — крикнул я им.

— Хорошо прошло, за нами вся улица горит, — крикнул кто-то из толпы.

— Сопротивление было?

— Да пытались кидаться некоторые, но только без толку. Слышите, как орут? Это мы горшок кинули за дверь притона, где курят дурь поганую. Там этих курильщиков что блох на собаке, и ни один ходить не может. Ноги отнялись от дыма ядовитого.

— Молодцы. Возвращайтесь в порт, помогайте готовить корабли.

Последние отряды, возвращаясь, принесли дурные вести. Не так уж поголовно пьян и одурманен оказался город. Нашлись организаторы, сплотившие толпу. Даже сумели нанести ущерб, ранив пару бойцов. Противнику не хватало единого

командования и хорошего оружия, и они пытались компенсировать это численностью.

Раз начали организовываться, то процесса уже не остановить. Вовремя вернулись поджигатели — находиться на улицах становится опасно.

Поставив на стены три последних отряда, я отправился к баллистам. Все шесть были изготовлены к стрельбе, рядом с ноги на ногу переминались бойцы расчетов, поглядывая на меня с нешуточным нетерпением.

Я оправдал их надежды:

— Что, скучно стоять? Начинайте бить по городу зажигательными. Сперва наводите на максимальную дистанцию в сторону южной окраины, куда наши не добрались, потом видно будет.

— Так не видно, куда летит снаряд.

— Ну и что? Город большой, дома стоят тесно, куда-нибудь обязательно попадете. Просто стреляйте как можно быстрее. Нам беречь снарядов не надо, так что постарайтесь успеть выпустить все. Оставьте десятка два, подожжем оставшиеся корабли, когда будем уходить.

— Так их можно хоть сейчас поджигать.

— И превратить порт в сплошной костер? А каково самим тогда придется?

— Простите, сэр, не подумал.

Баллистам до полноценной артиллерии далеко, но с такими снарядами, имея дело против построек из горючих материалов, можно многого добиться. Альлаба город приличный лишь по местным меркам. Легким снарядом от порта можно почти до окраины добить — ведь кварталы растянулись вдоль побережья полосой, ширина которой редко превышала четыре-пять сотен метров. Если вдоль нее возникнет линия новых пожаров, обитатели окажутся меж двух огней. Хотелось бы, чтобы все сгорели, пусть даже и ни в чем не виноватые. Гнойники принято выжигать каленым железом, и если при этом пострадает еще не сгнившая плоть, не страшно. Да и нет у меня возможности сортировать тех, кто окажется в раскаленной ловушке.

Время перезарядки баллисты около полутора минут, с этой периодичностью в город начали летать горшки с зажигательной смесью. Не знаю, как здесь организована пожарная охрана, и организована ли она вообще как-нибудь, но, стоя на стене, наблюдал все новые и новые очаги пожаров, возникающие в стороне от огненных дорог, оставленных нашими отрядами.

Примерно через сорок минут после начала обстрела баллист осталось пять — шестая сломалась. В принципе можно было

прекращать обстрел. Очаги отдельных пожаров, соединившись по центру, породили такое пламя, что поднялся ветер, несущий в огонь новые порции кислорода, усиливающие эффект тяги. Запылало гораздо веселее, даже без нашей помощи занимались все новые постройки от искр и каких-то тлеющих ошметков, летающих по небу будто фантастические ночные птицы. Странно, но дыма при этом почти не было, и при таком освещении я легко мог рассмотреть окраины, где тоже все было очень плохо.

Альлаба пылала, и можно не сомневаться, что, когда пламя уляжется, редкие уцелевшие постройки будут украшать сплошное пепелище.

Каждый воин считал своим долгом подняться на стену и бросить взгляд на почти сплошное море огня. Чтобы запомнить и рассказывать потом долгими зимними вечерами тем, кто такого никогда не видел и не увидит. А Саед так вообще каждые пять минут бегал. Наверное, боялся пропустить подробности, которые потом, после героической смерти, придется докладывать предкам на небесах.

Еще перед превращением отдельных пожаров в сплошной «мегапожар» местные сумели организоваться настолько, что высыпали толпой к порту, намереваясь разобраться с баллистами. Но, наткнувшись на запертые ворота, остановились, а после пары залпов из арбалетов и луков начали разбегаться, напрочь растеряв всю свою воинственность. Оружие было у единиц, большинство обзавелось разнообразным дрекольем, а так как военный опыт здесь имелся у многих, толпа прекрасно понимала, что против нас им даже в чистом поле мало что светит, а уж на такой прекрасной позиции и подавно.

Мы отчалили в предрассветных сумерках, поймав отлив. Гавань ярко освещали разгорающиеся корабли, забрать которые у нас не хватало команд, за спиной уже не пылал, а густо дымил уничтоженный город. Такое впечатление, что в Альлабе остались лишь два живых человека — стражники в караулке у ворот. Но состояние у них было таково, что они стада чертей перед глазами не заметят, не то что пожара за дверью.

Воины были довольны, наяривая на веслах, горланили воинственные песни, смеялись, перешучивались. А чего им не радоваться? Повеселились на славу, к тому же без потерь, взяли добычу в виде доспехов и оружия, за которую каждый получит долю после пересчета на серебро. На суше я с этой традицией покончил, но в море сделал уступку, главным образом из-за матийцев.

Краем глаза заметив неладное, обернулся, увидел, как младший стражник с деловым видом семенит по палубе,

перетаскивая увесистую бухту каната.

— Ты что здесь делаешь? — изумился я.

— Мне горбатый разрешил остаться с вами.

— Да что ты говоришь! И зачем же ты решил остаться?!

— Так что мне в городе делать? Да его уж и нет, города.

— А семья твоя?

— Отца не знаю, мать уж два года как в могиле. Зарезали ее, когда дурной болезнью наградила не того, кого можно награждать. А сам я не пойми какой по счету ребенок, того и гляди подсунут неназываемым, выдав вместо своего. Кто защитит такого? Да никто… Давно бы ушел, но куда? Я не ленивый и не пьющий. На пьяниц насмотрелся — не хочу себе такой жизни. Что скажете, то и буду делать, без обмана и дури. Так можно с вами или запретите?

— Не за борт же тебя бросать… Оставайся. Но смотри у меня: чтобы честно служил!

— Благодарствую, и не сомневайтесь, не вороватый я.

Еще одно прибавление, причем сомнительное. А… одним больше или меньше, какая теперь разница… Одних рабов взяли полторы сотни, а ведь не рассчитывали на такую прибавку.

А сколько их сгинуло в городе, не успевших выбраться из огня?..

Ну его… Прочь подобные мысли из головы. Это война, а на войне не только солдаты гибнут. Я и так сделал гораздо больше, чем мечтал. До сих пор не верю, что у нас все получилось.

Теперь бы еще ноги унести отсюда…

ОТСТУПЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Адир Кадак не был коренным уроженцем победоносного юга. Родился он в далекой северной стране, столь незначительной и бедной, что ее не на всех картах можно было найти. Уважали соответственно: даже не снисходя до объявления войны, по ней туда-сюда постоянно шлялись отряды различной принадлежности, начисто подметая все, что плохо лежит, и охотно заменяя отцов семейств в вопросе производства потомства. Местная элита, если можно так назвать этот унылый провинциальный сброд, пыталась хотя бы себя защитить от этих сомнительных услуг, так что у каждого, даже самого завалящего дворянчика была своя дружина и хоть хлипкий, но замок.

Не будучи благородным, Адир Кадак сумел подняться до должности управляющего одного из таких дворянчиков. Его господин в хозяйственные дела носа не совал, а совал его лишь туда, где пахло азартными играми, алкогольными возлияниями и легкодоступными женщинами. Неудивительно, что при таком образе жизни доходы не успевали покрывать расходов, образовывались долги, и когда ситуация стала уж вовсе безобразной, этот никчемный отпрыск древнего рода снюхался с эмиссарами южан, предоставив свой крошечный порт под временную базу для их грандиозного набега.

В тот год темные взяли неслыханно великую живую добычу: их корабли уходили на юг, черпая низкими бортами воду. На одном из них нашлось местечко и для господина с небольшой свитой. Адир Кадак тоже ушел, прекрасно понимая, что ограбленные соседи не забудут предательства и обязательно покарают всех, кто имеет отношение к вероотступнику, стоит лишь демам скрыться за горизонтом.

Господин и на новом месте не взялся за ум. Видимо, не за что было браться. Глупо жил и глупо умер, подставив горло под нож в одном из грязных притонов Альлабы. Адир Кадак успел покинуть его задолго до этого, найдя себе пусть и скромное, но многообещающее место, откуда открывался путь к здешним вершинам.

С тех пор прошли годы. Адир Кадак постарел, но с высоты прожитых лет мог с гордостью сказать, что жизнь удалась. Может, он и не самые высокие вершины покорил, но стыдиться нечего. Куда там тому почти забытому дворянчику — слизняк даже мечтать о подобном не смел. Нынешняя должность Адир Кадака называлась старший этт Северного края Западной провинции, и он распоряжался всеми воинскими силами на этой огромной

территории. Формально ему не подчинялась лишь береговая охрана и вольница Альлабы, но на деле не составляло никакого труда отдавать им приказы и добиваться выполнения. Если, конечно, не перегибать при этом палку.

После того как на всех ключевых постах оказались верные люди, обязанности Адир Кадака стали настолько необременительными, что он даже скучал иногда по тем временам, когда, надрывая жилы, пробивал себе дорогу наверх, пугая соперников голодным блеском глаз. Все в прошлом: он постарел, обленился и не хочет большего, чем достиг. Дела, требующие его вмешательства, случались столь редко, что он даже позабыл, когда это было в последний раз. Что тогда произошло? Разбойники напали на виллу сына сенатора провинции? Или внезапная реформа легкой пехоты, когда пришлось срочно изменять систему обучения новобранцев в двух лагерях?

Голова совсем слабой стала…

Когда среди ночи его разбудила любимая наложница, Адир Кадак даже не сразу понял, что этой дуре от него потребовалось. Оказалось, ничего — ее послал за господином управляющий, зная, что тот вряд ли прогневается на неожиданное вторжение, обставленное таким образом. Уж очень был привязан к рабыне, баловал даже.

Управляющий решился будить господина из-за целой делегации на пороге. Оказалось, еще вечером прибыл гонец с Железного Мыса, но Адир Кадак рано ушел почивать, и тому сказали ждать утра. Тот, взбеленившись, поднял полгорода, настаивая на срочности своего донесения, и в конце концов добился своего — дружными усилиями отдых этта был прерван.

Почему? Что за срочность?

Выслушав гонца, Адир Кадак не стал его наказывать за дерзость. Наоборот — наградил перстнем со своей руки. Ценная безделушка, но ему уже давно надоел этот вызывающе красный рубин. Уставшие старческие глаза хотели зеленого — давно пора подыскать хороший изумруд, коими славится западный архипелаг.

Весть гонца и впрямь требовала срочных действий, причем совершить их мог лишь этт. Лишь в его власти поднять все войска края, разом бросив на противника. Что за противник? Откуда взялся? Можно ли верить донесению? Корабли атаковали Железный Мыс? Причем корабли, похожие на стандартные галеры от? Может, у доблестных пиратов окончательно мозги засохли и они перепутали свой берег с вражеским? Здесь уже даже дряхлые старцы не помнят, когда поблизости показывались паруса

неприятеля. Мирный скучный край, приятный тем, кто хочет провести свои зрелые годы в покое.

А может, восстание рабов? Этот Железный Мыс то еще местечко. Жаль, что там всем распоряжается береговая охрана, уж Адир Кадак экономить на гарнизоне не стал бы. Триста — четыреста хороших солдат в самый раз для защиты такого выгодного городка. Жалкая кучка никчемных ветеранов едва справляется с караульной службой, в случае малейших проблем толку от нее не будет.

Этт начал выпытывать у гонца подробности, пытаясь понять, с чем именно столкнулся, — ведь лишь после этого можно будет подумать об ответных шагах. За этим занятием его застала весть о появлении второго гонца.

Он прибыл из Альлабы, и вести его оказались куда тревожнее. Если верить словам, то город уничтожен неожиданным нападением с моря. Кто-то, пользуясь темнотой и беспечностью крошечного гарнизона береговой стражи, высадился в гавани, после чего прошелся по улицам, убивая всех встречных и поджигая каждый дом. Эти действия поддерживались интенсивным обстрелом со стороны порта — очевидно, его вели с палуб кораблей агрессора. Их метательные машины были дальнобойными, к тому же использовали не стрелы или камни, а снаряды с горючей жидкостью, которую даже водой не получалось потушить. Попытки отпора враг легко пресекал, пользуясь превосходством в силах и вооружении.

Выслушав это, Адир Кадак почувствовал, как холодеет сердце. Это уже не перепутавшие бабушку с бутылкой пираты и не бунт жалких рабов. Неизвестная сила обрушилась на побережье, атаковав как минимум два города. А сколько еще поселений пострадали? Ведь во многих рыбацких деревнях нет ни единой лошади, чтобы послать гонца. Нищета поголовная, и никому до них нет дела. То, что и Альлаба, и Железный Мыс находятся в ведении береговой охраны, ничего не значит, — спросят в итоге с этта. Ведь всякому понятно, что у здешних морских охранников просто нет возможности противостоять массированному вторжению.

Так что же делать?!

Нет, он неправильно поставил вопрос. Что собирается делать неприятель? Его цели неизвестны, но можно предположить худшее. Что, если, закрепившись на скудном берегу между Железным Мысом и Альлабой, он ударит на юг, в богатое и податливое брюшко провинции? Где нет ни единого города, окруженного стеной или хотя бы валом, а гарнизонов не хватает и они малочисленны. Как назло, местность здесь ровная, и

противник может выбирать любое направление, не придерживаясь дорог. Испокон веков повелось, что в прибрежной полосе запрещено сеять — закон ввели еще в эпоху набегов северян и до сих пор соблюдали. Редкие поселения у моря в те годы прятались за стенами, охранялись серьезными гарнизонами и военными эскадрами. Это потом расслабились, обленились, позабыли, что такое жить, каждый миг ожидая появления на горизонте вражеских парусов. Но хоть позабыли былое, незаселенный пояс так и сохранился. Однако стоит его миновать — и враг пойдет по землям, где на каждом шагу будут встречаться богатые деревни. И кров, и стол, а охраны никакой — никаких проблем со снабжением. Мечта захватчика, а не провинция.

Про Железный Мыс и Альлабу придется забыть. Набег это или масштабное вторжение, не надо рисковать своими скудными силами ради сомнительных попыток их отбить. Придется собрать всех и любой ценой не пропустить врага на юг. Или хотя бы попытаться задержать, чтобы никто потом не смог обвинить этта в преступном бездействии.

Пусть он достиг вершины, но все равно остался чужим. Если потребуется, ему быстро напомнят происхождение, и тогда придется сильно пожалеть, что в свое время ушел за господином на юг, не желая знакомиться с подвалами карающих.

Решено. Он отправит гонцов во все гарнизоны и тренировочные лагеря с приказом выступать в район сбора. Распорядится активировать давно законсервированные линии военного оптического телеграфа, если там не все еще разворовали. И тотчас напишет донесение префекту, высказав в нем свои подозрения.

Какие подозрения? Да простые. Северным собакам надоело постоянно получать по спине, и они, собрав все свои корабли, в том числе и трофейные, морем обошли линии патрулей береговой охраны и ударили там, где их никто не ждал.

И останавливать их нечем.

На пике размышлений появился третий гонец. Точнее, беженец — чудом спасшийся солдат из гарнизона, охранявшего железный карьер у побережья. Лепетал он много чего невнятного, но из его слов стало очевидно одно: рудник был атакован сильным отрядом противника, явившимся со стороны Железного Мыса.

Самые худшие предположения Адир Кадака начали сбываться. Враг не сидит у моря, он начинает наносить удары в южном направлении. Это не просто набег, при котором хватают все, что находится неподалеку от побережья, — это

полномасштабное вторжение.

Представив, как на берегу в единый гул сливается стук тысяч молотков и обухов топоров, забивающих в землю, которую он должен защищать, колья солдатских палаток и офицерских шатров, Адир Кадак покрылся холодным потом.

Быстрее гонцов и письмо префекту. Помощь, ему потребуется помощь. С силой, первым же ударом легко разгромившей два города, ему самостоятельно не справиться. Ведь при всем желании этту не собрать больше пяти тысяч воинов, из которых к тому же половина не годится для серьезного боя.

Да и на сбор этой никчемной толпы уйдет не меньше суток.

Глава 18
ФЛОТ СЭРА СТРАЖА, ИЛИ КАКОВО СЕЛЕДКАМ В БОЧКЕ

Чудо, но все шесть галер вели себя прилично. Не знаю, как покажут себя в шторм или просто при дальнем плавании, но сейчас трюмы оставались сухими, суда шли ходко, рулей слушались. До Железного Мыса мы добрались без приключений, убедившись, что без нас здесь ничего нехорошего не случилось. Стража как пропала, так и не показывалась, «Паника» покачивалась на волнах у входа в гавань, жители завалили все подходы к причалам вещами, оставлять которые ну никак нельзя.

А затем я узнал новости. С одной стороны, хорошие, но вот с другой…

Принес их все тот же Удий. Нельзя сказать, что коммуникабельный человек, да и лидерские качества под большим сомнением, но местные его почему-то так и оставили на должности «офицер связи с северным флотом вторжения».

Переминаясь с ноги на ногу, староста медеплавильщиков сообщил непонятное:

— Мы всех разбили на шесть частей, как вы просили, но не знаю — что с новыми делать?

— Это с какими такими новыми? — не понял я.

— Так ведь когда вы ушли, мы подумали, что негоже людям правильной веры в неволе томиться, и освободили их.

— Удий, я все равно ничего не понял. Кого освободили?

— Так тут недалеко, рукой подать, за городом, рудник, где для нас железо добывают. Кто провинился в чем, туда отправляют. Страшная каторга, куда там до нашей. Охраны мало, вот мы и решили, что надо не ждать вас, а самим постараться все решить. Оружия в городе хватает, сами ведь его и делаем, да и ребят крепких предостаточно. Сходили, разогнали всех, посбивали цепи с людей, привели, накормили. Вместе с нашими их разбили по группам, но, может, как-то отдельно надо было? Там бесшабашных много — если таких вооружить, то смогут защищать в случае чего. У вас же воинов не так уж много, и подмога лишней не будет.

— И сколько рабов вы привели? — опасаясь ответа, тихо уточнил я.

— Без малого семьсот душ.

— Сколько?!

— Шестьсот восемьдесят вроде.

— Твою мать! Когда ж ты столько нарожать успела, причем без меня?! И на кой нам столько короедов?! — выкрикнул Зеленый.

Даже попугаю понятно, во что мы влипли.

Но Удий не понимал:

— Что-то не так, сэр страж?

— Ну, как бы тебе сказать… Сколько жителей в городе?

— Четыре тысячи душ с небольшим хвостиком.

— Хвостик этот в пару сотен, так?

— Ну вроде да.

— А я-то рассчитывал на две-три, да и тех всех бы не забрал. А теперь прибавилось почти семь сотен каторжан с рудника, мы еще привели рабов из Альлабы полторы сотни да по пути сюда сотню пленников из темного храма на острове освободили. Плюс наших воинов триста. Если все сложить, получится около пяти с половиной тысяч человек. У нас шесть больших галер и парусник среднего водоизмещения. Грубо говоря, около восьми сотен человек на одно судно. Если всю эскадру укомплектовать командами по максимуму, достаточно около тысячи четырехсот человек. Чуть-чуть уплотнить, до состояния, когда из набега с добычей идут, — выйдет две с половиной тысячи. Таким образом, у нас остается три тысячи лишних.

— Что, людей совсем девать некуда? — чуть слезы не пуская, уточнил Удий.

— Ну как сказать… Корабль не бездонный, но места в нем достаточно. Где один человек разместится, там и двоим место найдется. Но учти, что всю эту ораву надо еще как-то поить и кормить. Воды придется брать в два с половиной раза больше, чем обычно, а лишних бочек нет. Запасы дров можно бросить, обойдемся без горячей пищи. Но с провиантом тоже не все ладно — не хватит, даже если все до крошки из города выгребем. Уж извини, здешние склады небогаты.

— Ну да, к нам каждую неделю свежий припас подвозили. На случай бунта, наверное, — чтобы не смогли за стеной долго отсиживаться.

— В дневном переходе от побережья есть остров, на котором много ферм. Попробуем там разжиться. Может, по пути перехватим купца, или даже не одного. Крепких ребят поставим на весла, там много ума не надо, а опытных воинов достаточно несколько десятков на каждый корабль. Как-нибудь выкрутимся. Надеюсь…

Легко сказать.

Первое, с чем пришлось столкнуться при погрузке, — каждый обитатель Железного Мыса норовил подняться на борт не с пустыми руками. Мешки, тюки, связки чего угодно, бочонки, ящики, неподъемные баулы. На приказы все оставить на берегу народ реагировал столь же послушно, как лесные зайцы на дорожный знак «Проезд запрещен». Приходилось действовать чуть ли не силой, причем многие сопротивлялись, уверяя, что его поклажу ни в коем случае нельзя бросать. Таким предлагали разворачиваться на сто восемьдесят градусов и шагать, покуда ноги не отнимутся от усталости.

Лишь в редких случаях и только по моему личному разрешению делали исключения. Наборы сложных высококачественных инструментов, особые тигли для варки стекла, химическая посуда, заготовки булатных клинков, каждый из которых требует затрат многих дней труда. Продовольствия тоже не бросали: нам каждая крошка пригодится.

Как я жалел, что под рукой нет флота вымпелов на сорок, а лучше больше. И чтобы обязательно при десятке вместительных торговых парусников. Забить их трюмы отличной сталью, медными слитками, кузнечным и металлургическим оборудованием. Здесь было чем разжиться. У демов даже токарные станки имелись. Примитивные, на конной тяге, вместо твердосплавных резцов «песчаная технология», но по местным меркам это чуть ли не вершина прогресса. До этого я если и встречал аналоги, то скромной мощности, и обрабатывали на них лишь древесину. К примеру, древки арбалетных болтов.

Ничего, дома все восстановлю. Благо специалистов набрали столько, что все корабли с перегрузом уходят. К тому же утащить смогли на удивление много благодаря несложной хитрости, придуманной Саедом. Он приказал разгрузить галеры от части балласта, а освободившееся место забить тяжелыми предметами: слитками металлов, заготовками оружия и инструментов, деталями различного оборудования, наковальнями и прочим. Сырость, неизбежно появляющаяся в этой части корпуса, подобным вещам сильно навредить не успеет.

Но все равно утащить удалось крохи. Железный Мыс был богат теми сокровищами, ценность которых понятна лишь немногим. Возможно, я единственный человек на севере, готовый променять слиток золота на ящик инструментов для ювелира. Остальное пришлось ломать, сжигать вместе с домами, сбрасывать с пристаней. Хорошо бы вывезти из гавани и утопить на глубоких местах, но времени не было. Никто нас не беспокоил, но это пока. Я физически чувствовал, как затягивается невидимая удавка вокруг шеи вконец обнаглевшего стража. Не надо считать

врагов глупцами. Наши успехи объясняются лишь тем, что мы ухитрились неожиданно атаковать тылы противника.

Ведь что получается? Противники демов далеко от берегов не забираются, и потому сюда, на запад, могут попасть лишь после долгого пути на виду у многочисленных гарнизонов и боевых кораблей южан, что сделает поход незабываемым по части острых ощущений. Это если, конечно, кто-то сумеет выжить, чтобы потом его не забывать. Матийцы, правда, могут уходить далеко в открытое море, подальше от вражеских глаз, но у них мало сил, к тому же даже для них такое предприятие — дело сложное и неинтересное. Зачем шагать за сто верст, если добычу или приключения на пятую точку можно легко найти в паре шагов от дома? Вот и получилось, что здешние земли давным-давно не сталкивались с неприятелем. Хроническая мирная жизнь привела к неизбежной беспечности.

Страшно представить, как обленилась здешняя береговая охрана. Здесь ведь даже контрабандистов не поймать — ведь внешних торговых связей у демов нет, пусть даже незаконных. А если и возят им тайком рабов нечистоплотные купцы, то занимаются этим куда восточнее. К тому же подобных ренегатов будут беречь и лелеять, никак не препятствуя темной деятельности.

Береговая охрана обросла жирком до состояния, при котором набрякшие веки невозможно поднять домкратом. Она ничего не видела и не слышала. На суше, кроме криминальных личностей и беглых рабов, тоже воевать не с кем, а это противники несерьезные. Жизнь сонная до приторности.

И тут внезапно появляемся мы. Нас мало, мы смертельно устали сюда добираться и до дрожи в коленках боимся тех сил, против которых выступили столь жалким войском. Но появляемся не просто так, а неожиданно, без предварительных звонков, дико и нелепо. Как снег на голову, причем в июле и где-нибудь на широте Бразилии, и не в холодных горах, а среди пальм теплого побережья. Как «здрасьте» кастетом в левое ухо посреди тихой ночи. Будто пигмей, подкравшийся к спящему слону с коротким и острым копьем, мы наносим точный удар. Исполин ревет от боли, он в панике и полном непонимании ситуации. Но вот-вот развернется, поймет, что происходит, — и тогда берегись, жалкий наглец: втопчет в землю, если не успеешь убраться подальше.

Я не знал, сколько потребуется времени здешнему «слону» на разворот, но склонен подозревать худшее. Нам и без того очень везло на всем протяжении плавания. Даже ситуацию с потерей кораблей мы сумели обернуть себе на пользу, а врагу во вред. Но рано или поздно полоса удач закончится, и тогда…

Надо побыстрее ноги унести.
И добычу тоже.

Ломать голову, придумывая оригинальные названия для наших новых кораблей, я не стал, прибегнув к нумерации. В итоге помимо «Паники» у нас появились «Кошмары»: начиная от «Кошмар-1» до «Кошмар-6». Таким образом, мы соблюли традицию, порожденную «Страхом» и «Ужасом», и не создали путаницы — ведь всякому теперь понятно, какая галера главнее.

Для тех, кто все же умудрился не понять: «адмиральской» стала первая.

Я, мягко говоря, не дока в корабельных делах. Мое невежество доходит до вопиющего: даже не знаю, правильно ли называю суда демов галерами. Смутно припоминаю, что веслами в Средневековье оснащались самые разные посудины. Где-то это был единственный движитель, где-то основной, где-то вспомогательный, а где-то они вовсе отсутствовали, и при попадании в штиль или при сложных маневрах в закрытых бухтах использовались шлюпки-буксиры. Здесь я до сих пор не встретил ни одного примера полного отсутствия. Хотя на «Панике» и матийском паруснике их роль была незначительна, но все равно без «деревянных моторов» не обходились.

На боевых кораблях демов имелись съемные мачты, и при почти полной идентичности корпусов их количество почему-то разнилось от одной до двух. Под парусами суда двигались достаточно бодро, но лишь при попутном ветре или близком к нему. При боковом не стоило их даже поднимать. В бою обходились исключительно веслами, чтобы не рисковать потерять ход при резком маневре. А как известно, чем короче весло, тем легче его ворочать, поэтому конструкторы всеми способами пытались сократить расстояние от уключин до поверхности воды. В частности, гребную палубу располагали как можно ближе к ватерлинии. Так как выше никаких других отсеков не имелось, то высота выступающей из воды части корпуса выходила скромной. Даже очень скромной.

Смутно припоминая когда-то где-то увиденную старинную гравюру с изображением галеры, я вспомнил в том числе и то, что корабль, на ней изображенный, был длинным, очень низким, ощетинившимся рядами весел, протягивающимися от носа до кормы. Так что, наверное, я прав в том, что причисляю трофеи к этому классу.

И что из этого следует? Мы имеем быстроходный, достаточно приличного размера корабль, едва возвышающийся над водой. Утрирую, конечно, но со стороны казалось, что даже

неперегруженная галера приняла в трюм не один десяток тонн воды и вот-вот отправится ко дну. Благодаря этой особенности южные пираты частенько подкрадывались к добыче, до последнего момента оставаясь незамеченными. А ты попробуй заметить темную посудину на фоне такой же темной воды. Это ведь не пузатый и высоченный парусник вроде матийского, подозрительной бородавкой выступающий на горизонте даже при спущенных парусах.

Для пирата свойство ценное, но за все приходится платить. Галеры платили мореходными качествами. Ведь даже при не очень сильном волнении вода частенько перехлестывала через борта. Большей частью стекала за борт, меньшей — проникала на гребную палубу, в низкий трюм и дальше в закрытую кишку балластного отсека, где скапливалась в специальных углублениях. Именно оттуда ее откачивали помпами, вычерпывали деревянными бадейками или ведрами.

При сильном волнении вычерпывать приходилось гораздо больше обычного. При очень сильном могла сложиться ситуация, когда помпы не справляются. Вода, поднимаясь, заполняла трюм, затем гребную палубу. В общем, в случае победы моря галера отправлялась на дно. И, увы, предотвратить это было нельзя. Сколько помп ни используй — стихия все равно рано или поздно окажется сильнее.

И как боролись с этой опасностью? Да никак. Просто старались не давать ей ни единого шанса. Пиратские корабли не удалялись от побережий с безопасными бухтами, устьями рек или хотя бы укрывались за островами. Если непогода налетала внезапно, застигнув врасплох беспечного капитана, волны частенько выбрасывали суда на камни. Но демам приходилось мириться с этим риском. В открытом море такой опасности практически нет, но низкой галере в сильный шторм там верная смерть.

Смерть становилась еще более верной, если корабль шел с перегрузом, отягощенный к тому же лишними пассажирами. Людей не утрамбуешь в балластный отсек и центр трюма (как и многое другое), к тому же большей частью им приходилось находиться в низком сыром трюме, на гребной и верхней палубах. Народ бывает всякий: и толстый, и худой, — но невесомых пока что ни разу не встречал. Плюс различные крупногабаритные предметы вроде бочек с водой и корзин с провизией усугубляли ситуацию.

А еще, вот уж парадокс, из-за перегруженности приходится увеличивать балласт, иначе корабль может перевернуться кверху килем.

В общем, поводов для беспокойства имелось предостаточно. К тому же наши пассажиры их добавляли каждую минуту. Не успели отойти от причала, как среди них начали разгораться конфликты. И ладно бы теща зятя решила попилить — все гораздо интереснее.

Мастера ведь не в вакууме работали, к тому же имели многочисленные потребности. Кто-то должен следить за животными, качающими мехи, катать тачки с рудой, разгружать телеги с продовольствием и древесным углем. В общем, заниматься работой, ставить на которую профессионала никто не будет. И верно — надо быть круглым дураком, чтобы заставлять отличного механика чистить выгребные ямы. В общем, большая часть населения Железного Мыса состояла из такой «обслуги». Естественно, ее ценили невысоко, причем не только демы, но и «элита невольников». В общем, не уважали.

К сожалению, даже в нынешней ситуации это расслоение было очень заметно. Мастера и члены их семей считали, что лучшие места из тех, где размещали пассажиров, принадлежат именно им. Чернорабочие большей частью с этим соглашались, по укоренившейся привычке не смея возражать «высшим из низших», но это касалось не всех. Некоторые считали, что рабство осталось позади, а в новой, свободной жизни они ничем не обязаны никому из товарищей по несчастью.

И этих некоторых на моем корабле хватало…

К шуму опасно возбужденных разговоров и часто вспыхивавших перебранок я уже привык и даже ухом не повел, когда очередная разразилась в пяти шагах. На кораблях у нас и раньше личного пространства было не сказать чтобы много, а теперь оно и вовсе к нулю скатилось. Даже я, адмирал, вынужден теперь делить крохотную каюту с двумя «сожителями»: капитаном Саедом и его слугой Глонарисом. А возможно, и с попугаем. Если днем он предпочитает сидеть на деталях такелажа и рангоута, подслушивая разговоры команды, то ночью всякое бывает. Уж в штормовую точно на мокром ветру не останется. Кто-то может подумать, что птица много места не занимает, но сказать такое может лишь тот, кто не знаком с Зеленым. Пернатый в одном вопросе ничем не отличается от кошек: так же, как и они, старается заполнить собой весь объем помещения, сколь бы огромно оно ни было.

Если элита судна в такой тесноте живет, то нечего говорить про остальных. Даже в проходе гребной палубы приходилось передвигаться осторожно, чтобы не отдавить чью-то ногу или не споткнуться о тяжелый тюк. В общем, совсем рядом в месиве

людей и вещей кто-то кого-то толкнул, а может, просто посмотрел недостаточно уважительно. Дальше слово за слово — и вот уже трещит шов отрываемого воротника и слышатся характерные звуки ударов кулаков по телу.

Я даже оборачиваться не стал. Без меня разберутся, негоже великому адмиралу снисходить до мелочных обид живого груза.

— Побойтесь гнева божьего, неразумные создания! Смиритесь с тяготами и помолитесь дружно, ибо злоба ваша неугодна господу нашему!

Пришлось все же обернуться. Услышь я речь боцмана, который с помощью двух-трех слов, склоняемых по всем падежам, в том числе отсутствующим в учебниках грамматики, и бровью бы не повел. Но с подобными речами на своем корабле до сих пор не сталкивался. Интересно — кто это разоряется, будто главный святоша вселенной, причем столь неправдоподобно елейным голоском?

Субтильный мужичок возраста от тридцати пяти до сорока, с зализанной до сального блеска прической и бегающими глазами. Вроде уставился на сцепившихся, но успевает каждую секунду в обе стороны цепкие взгляды бросить. Скользкий какой-то, не люблю я подобных типчиков. Первое мнение бывает ошибочным, конечно, но вот не понравился он мне, и все.

Незнакомец между тем продолжал увещевать парочку нестарых плечистых ребятишек, неуклюже мутузящих друг друга посреди галдящей толпы:

— От зла уйдя, за собой его не тащите! Оставьте на проклятом берегу и позабудьте там! Стыдитесь греховного гнева и неправедных деяний! Помните, что через них прямой путь к души погибели открывается, а затем и в сам ад! И пусть отсохнет рука того, кто это позабудет!

Здешний народ, как правило, суеверен до невозможности. Зря этот тип отсохшие руки приплел — сейчас ему сразу от обоих «бойцов» достанется на отборные орехи. Но тут случилось неожиданное. Дерущиеся прекратили выяснять отношения и нехотя отступили друг от друга. На крикуна при этом даже не взглянули.

Удивительные дела…

Я повернулся к Туку:

— Это кто такой?

Горбун ответа не знал и потому озвучил мой вопрос во весь голос:

— Эй! Ты! Кто такой?!

«Зализанный» поспешно обернулся и бодренько просеменил через кучку сидящих людей, причем те перед ним поспешно

расступались, освобождая проход. Приблизившись к нам, странный мужчина представился:

— Я просто слуга божий.

— В смысле — святоша? Священник? — уточнил горбун.

— Да, сын мой.

— Никакой я тебе не сын. Скажи спасибо, что отец мой такого не слыхал, потому как он и за меньшее уши обрезать мог, не говоря уже про язык.

Ну никакого уважения к сану… Тук, долгое время вращающийся в обществе иридиан, нахватался еретических идей. К тому же и без них бакайцы не отличались излишней богобоязненностью. Полудикие морские разбойники, что с них взять!

Горбун тем временем продолжил развивать тему:

— Мне вот что интересно: если святоша, то почему-то слуга божий, а такие простые люди, как, допустим, я, — так раб божий. Какие-то чудные дела у нас получаются. Скажем даже, непонятные, но ясное дело, что несправедливые. Меня никто не покупал, чтобы рабом называть. Свободным родился и свободным помру.

— Все мы рабы божьи, просто слугам его приходится думать о высоком гораздо чаще, чем мирянам, — сгладил вопрос священник.

— Может, ты вообще из карающих? — с подозрением и нескрываемой угрозой уточнил Тук.

Попугай, с интересом наблюдая за событиями, при упоминании инквизиторов оживился и внес нехорошее предложение:

— А давайте мы его повесим!

Неприязненно покосившись на Зеленого, священник открестился от причастности к неуважаемой среди моих подданных организации:

— Орден карающий, безусловно, делает праведное дело, но я простой приходской священник из маленькой деревеньки и не вхож в столь высокие сферы.

— Праведное?! Да они чуть стража не замучили до смерти! — возмутился Тук. — Где это видано, чтобы самых главных врагов тьмы в пыточном подвале держали?!

— На рей ворюгу! — настаивал на своем попугай.

— А как вы вообще попали к демам? — заинтересовался я. — Ведь на Железный Мыс они только мастеров забирали.

— Все в руках божьих, — уклончиво ответил священник.

— А можно немного конкретнее узнать, что именно бог принес вам в своих руках? Ведь священников демы вообще не

берут в плен. Насколько я знаю, их на месте убивают, причем смерть принявших сан простой не бывает. Так почему вы до сих пор живы?

— Все с божьей помощью. Силы тьмы схватили меня в мирской одежде, не признав сразу, а затем люди простые уберегли от зла, не выдав, что среди них скрывается слуга божий. А на Железный Мыс был отправлен, потому как представил меня богобоязненный мастер как помощника своего. Помогать в работе с кожей дело нехитрое, а людям нужен священник даже в тяжком рабстве. Вот и жил днями у чанов, а вечерами и ночами тайно служил.

— И долго вы пробыли в рабстве?

— С начала весны.

Мне даже совестно немного стало. Все же первое впечатление часто бывает обманчивым. Если этого суетливого попа никто не выдал за три-четыре месяца, значит, он чего-то стоит. И работал как простой человек, возле вонючих чанов.

— Вам повезло, что никто не сболтнул про вас демам.

— Бог спас, — кротко ответил священник.

— Вижу, люди вас уважают.

— Только как слугу Господа нашего. Я помогал им обращаться к Господу в трудные моменты жизни. Без Всевышнего темное рабство переносить куда тяжелее.

— Вы, должно быть, знаете, что мы идем в Межгорье. Но не знаете, что священника у нас нет. Так уж получилось: местных не осталось, а своих не было. Точнее, служитель Господа есть, и не один, но все они иридиане. Я не имею ничего против них, но некоторые мои подданные очень хотят иметь служителей единой церкви. Возможно, вы захотите им стать. Я не против, но хочу сразу предупредить, что на своей земле не потерплю религиозных распрей. Вижу, что успокаивать ссоры вы умеете, и надеюсь, что создавать новых не станете.

— Я просто смиренный слуга божий.

Вот интересно: отвечает кротко, и вроде доказал на деле, что не пустой человек, а все равно душа у меня к нему не лежит.

И еще интересно: много ли среди всего этого вавилонского столпотворения до зарезу нужных мне мастеров? Раз здесь даже священник отыскался, то страшно подумать, сколько балласта затесалось в ряды специалистов.

ОТСТУПЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Не имея полноценного боевого флота и сил на суше, достаточных, чтобы атаковать разграбляемые поселения, Адир Кадак спешил всеми путями свести к минимуму вероятный ущерб. Ведь за каждую монету, попавшую в мешки северян, спросят именно с него, потому как он лучшая кандидатура на роль крайнего. В этой ситуации нельзя допустить даже самой мелкой ошибки, из которой потом раздуют повод для опалы или того хуже.

Именно поэтому Адир Кадак не стал посылать скромные силы береговой охраны в самоубийственный рейд к водам, где резвится флот вторжения. Все имеющиеся корабли были отправлены на запад и восток с приказом перехватывать встреченные суда и далее разворачивать их назад или даже гнать в открытое море. Шансы нарваться на северян там минимальны, а вот в гавани, на стоянке, всякое может случиться. Даже эскадра боевых галер полностью беспомощна, если ее застигнуть у причалов, с отпущенной на берег командой. Раз враг так лихо начал атаковать города побережья, то кто помешает ему заниматься этим и дальше, расширяя полосу выжженной набегом земли?

Уж точно не Адир Кадак со своими инвалидами-стражниками и зелеными новобранцами. Их едва хватило перекрыть дороги на юг более-менее приличными заставами, способными преградить путь незначительным отрядам мародеров, коих неизбежно немало разводится при подобных вторжениях. Теперь надо терпеть. Надо надеяться. Надо ждать. Ждать помощи и молиться всем богам и демонам, чтобы северные разбойники не успели разнести всю провинцию к приходу войска префекта.

За что ему такие беды на старости лет?!

Глава 19 СВИНСКИЕ ДЕЛА

Мои мечты разжиться по дороге новыми кораблями были разбиты о скалы суровой реальности. Первые наши успехи были всем обязаны вопиющей беспечности демов, за долгие годы свыкшихся с мыслью, что это самый что ни на есть глубокий тыл. Но реакция на наш удар была молниеносной. Никаких сомнений, страхов или растерянности: враг действует оперативно, не хуже меня понимая, что следует предпринимать дальше.

А то и лучше…

Я жалкий любитель, а у них опыт десятилетий службы и веков воинских традиций. Рановато мне с такими тягаться. Если уж укусил столь серьезного противника, то улепетывай прочь, тонко тявкая на ходу и умоляя высшие силы, чтобы враг не догнал.

Наши корабли перегружены — это очевидно. Очевидно и желание поправить ситуацию за счет трофейных судов. Неудивительно, что демы перекрыли все движение вдоль побережья. Если раньше здесь куда ни глянь можно было различить парус, то сейчас даже рыбацких баркасов не видать. Несомненно, противник использует быструю связь вроде гонцов со сменяемыми на станциях лошадьми или даже оптического телеграфа. А где-то в стороне море бороздят патрульные эскадры, разворачивая прочь беспечных торговцев.

В общем, шло время, а ничего похожего на потенциальный трофей наблюдатели не замечали. Радовало лишь то, что паруса военных кораблей тоже не попадались на глаза. Видимо, враг еще не успел собрать приличную эскадру, потому и не рискует соваться к нам. Но с его оперативностью не сомневаюсь, что где-то не столь далеко на волнах покачиваются длинные корпуса галер, а команда на палубах потрясает оружием, пританцовывая от нетерпения.

Очень жаль, что я не успел изобрести паровой машины, чтобы уносить ноги побыстрее из таких ситуаций…

Скорость наша была куда ниже, чем прежде. «Паника», и так не отличавшаяся выдающимися мореходными качествами, вовсе сдала из-за перегруза. «Кошмары» номер два и пять вели себя немногим лучшее ее, причем у последнего причина медлительности крылась не в неопытности гребцов, а в каких-то непонятных мне проблемах с корпусом. Нечего даже думать о ремонте на ходу, придется плестись так, как умеет.

К чести Саеда, в штурманском деле он разбирался неплохо, к тому же не жадничал делиться здешними секретами с

помощниками, так что к Свиному острову мы вышли удачно — за ночь никто не отстал. Солнце только-только начало подсвечивать небо на востоке, когда наша эскадра приблизилась к берегу. Шумно плюхнулись якоря, две лодки отправились дальше, промеривать глубины у входа в удобный для стоянки залив. Дело это небыстрое, и завести туда корабли мы смогли лишь спустя пару часов после рассвета. Только после этого началась десантная операция. Раньше никак: вдруг нарвутся на серьезное противодействие, а возвращаться за подмогой — ой как далеко.

Из-за проклятого перегруза нам пришлось отказаться от правила иметь лодку при каждом корабле.

Деревня на берегу встретила нас мертвой тишиной. Нет, мертвецов мы не обнаружили, все гораздо проще. Или местных кто-то предупредил, или у них хватило ума догадаться, что эскадра к ним прибыла непростая, но поступили они единственно правильным образом. А именно: все до единого удрали, прихватив скотину и ценные вещи. Получилось как в классике истории таинственных исчезновений: еще тлеют угли в очагах, но дети не гомонят, коровы не мычат и даже облезлой кошки не наблюдается.

Впрочем, кое-кого нашли. В спешке хозяева позабыли выгнать из хлева трех свиней. Или поросят — не знаю, с каких габаритов у них названия меняются. Северяне, что неудивительно, хрюшек не жаловали, потому разведчики сочли их лютыми врагами и приговорили к жестокой казни. Ни в чем не повинную скотину выволокли на улицу, подвесили за задние лапы, развели снизу костры и начали наслаждаться визгом несчастных животных.

Я не склонен к садизму, и подобное зрелище не прибавило мне настроения. Но не то время и место, чтобы начать учить своих людей тем правилам, на которые опираются законы многочисленных обществ охраны животных. Пытаться остановить это в приказном порядке тоже бессмысленно: только продлю муки несчастных хрюшек и народ введу в изумление.

Что за страж, который защищает поганых животных? А еще он мало что помнит о делах своего ордена и многих других вещах. Как-то все это очень подозрительно…

Надо сказать, что от идеи запастись свининой тоже пришлось отказаться. Не самая лучшая идея начать ломать вековые устои среди людей, набитых битком в несколько деревянных скорлупок. Хотя злые языки уже доложили, что обитателям Железного Мыса неоднократно пришлось отведывать запретный плод. Выбор тогда был прост: или ешь, или голодай. Может, демы грубо издевались, может, тонко ломали пленников — не знаю.

Надо сказать, процедура мук животных привлекла толпу

зрителей и помощников палачей. Энтузиазм был столь бурным, что, проявляй они такой на трудовом поприще, — я бы уже владел промышленной империей. Саед эту сутолоку тоже не оценил и отдал несколько приказов, суть которых сводилась к следующему: «Все бегом разбежались искать пожрать и выпить».

Кстати, этот приказ все бросились исполнять со столь же бурным энтузиазмом. Из окон и дверных проемов на землю вылетали предметы утвари, инструменты, мешки, корзины. Кто-то с улюлюканьем гнался по улице за позабытой хозяевами курицей, наперерез обезумевшей от осознания неизбежности скорой кончины птице мчались еще двое. Сразу в двух местах начал подниматься дым пожаров. Попугай, с помощью или черта, или неведомого органа чувств всегда знающий, где именно происходит процесс употребления алкоголя, резво сорвался с плеча и, брызгая слюной, самонаводящейся зеленой ракетой направился к разграбляемому богатому дому.

То, что я сейчас наблюдал, меньше всего походило на упорядоченную реквизицию, о чем и сообщил Саеду:

— У нас не воины, а шайка грабителей.

— Моряки на корабле и на земле отличаются как небо и земля, — беспечно заметил матиец.

— Может, и так, но до сих пор подобного не замечал.

— Устали ребята, вот и расслабляются.

— Я не вижу боевого охранения за окраинами деревни.

— Конечно, не видите, потому как его попросту нет. Против нас ведь простые крестьяне на нищем острове. Вся их жизнь — это репа, рожь. От наших разве что свиньями отличаются и тем, что молятся иначе и иному. Воины знают, что здесь им ничто не грозит, вот и расслабляются. Бесполезно ставить дозоры, они неминуемо нарушат приказ ради того, чтобы принять участие в грабеже. Казалось бы, есть строгие правила касаемо добычи и ее дележа, но все равно каждый старается пощупать чужое добро своими руками. И — увы, ни вы, ни я в такие моменты не являемся непререкаемыми авторитетами. Проще смириться, а если поступать мудро, то лучше процесс возглавить, иначе ради пары отрезов мешковины и вонючей овчины эти шалопаи разнесут деревню по бревнышку, причем заниматься этим будут целый день. А если еще задумают пошарить по округе в поисках девок, там скрывающихся, то вообще на неделю здесь останутся.

— Ну так пошевеливайте их, чтобы быстрее стаскивали добычу к лодкам. И пусть используют не только наши лодки, но и местные, рыбачьи. Иначе будем долго переправлять захваченное на корабли. И про воду не забывайте: каждую найденную бочку залить из колодцев и доставить в трюмы. Я не уверен, что у нас

получится выйти к острову, где остался темный храм, а других мест, где их можно будет наполнить, не знаю.

— Выйти мы, может, и выйдем, но кто знает, что нас будет ждать возле того храма. Темные не любят, когда с их капищами дурно обращаются.

— Вот-вот…

Оставив Саеда наводить порядок в процессе разграбления деревни, я решил посмотреть, чем жили местные. В первом же доме обнаружил группу вояк под предводительством Тука. Горбун деловито складывал в кучу какое-то бедно выглядевшее тряпье, парочка мужичков разбивала грубые тарелки и кувшины, еще один, выбравшись из подпола, гневно проорал:

— У них там поганое мясо висит! Ни к чему я там прикасаться не буду!

— Пасть заткни, пока я тебе поганое сало в глотку не запихал до самой задницы! — пригрозил ему Тук. — Сэр страж четко приказал: поганое не брать, а остальное как раз брать. Вот и тащи все, что на свинину не похоже. Кстати, вот и сам сэр страж. Мое вам почтение.

Похоже, в этом доме хоть какой-то порядок соблюдается.

Деревня была небольшой, и я не затратил много времени на изучение почти всех ее домов. Везде, даже в самом богатом, картина была одинакова. Стены саманные, крыши крыты соломой, жердевой пол, чуть приподнятый над землей, иногда присыпанный рубленым камышом. Мебель забавная, плетенная из тонкой лозы, овальные очаги из затейливо подобранных камней с чем-то вроде подвесной плиты над ними, маленькие квадратные окошки, затянутые бычьим пузырем. Скотина живет на своей половине, люди на своей, причем условия содержания первой немногим отличаются от тех, в которых ютятся хозяева.

Принципиальных отличий от домов своих крестьян так и не обнаружил. И ровным счетом не понимаю, чего притягательного в грабеже подобной нищеты? Или пираты живут по принципу «пять старушек — рубль»?

Похоже, так оно и было — энтузиазм народных масс не иссякал. Двое деятелей ухитрились подраться и отправились под арест, сдав оружие, еще один, отведав трофейного вина, чудом не утонул в уборной, и подобных мелких приключений хватало. Я нервничал, вспоминая зимнюю войну, в которой мое войско мало чем отличалось от этой разгулявшейся толпы.

Положение ухудшали освобожденные пленники. Им запретили сходить на берег, но никто и не подумал останавливать тех, которые возвращались с лодками,

перевозившими на корабли воду и провизию. В итоге помимо сотни с лишним вояк в деревне оказалось в два раза больше гражданских лиц, в плане «пограбить и выпить» настроенных столь же решительно.

Я уже понимал, что припасов, найденных в этой деревеньке, нам не хватит, но, столкнувшись на личном примере с особенностями процесса грабежа, начал сомневаться в уместности идеи продолжить начатое в других населенных пунктах. Уж лучше поголодать на скудном пайке, чем превращать войско в стадо.

Определенно надо что-то менять в этом аспекте армейской дисциплины. Хотя что делать с людьми, для которых грабить побережья — все равно что дышать, причем занятие это обросло нерушимыми вековыми традициями?

Народ с шутками и прибаутками тащил к лодкам остатки невывезенного добра, самые азартные продолжали метаться среди пожаров, пытаясь урвать хоть что-нибудь еще, командиры, срывая глотки, орали во все стороны, созывая тех, кто обыскивал округу в поисках спрятавшихся носительниц юбок. Светило солнце, чирикали птички, на разные голоса горланили песни счастливчики, подогревшиеся деревенской брагой, а то и винцом. Попугай, появившийся непонятно откуда, брякнулся на плечо, дохнул в ухо алкогольным выхлопом и неуверенно пробормотал:

— Малышка, что-то здесь не так. Я чувствую себя лысым ежиком в лисьей норе. А ну-ка выглянем в щелочку, вдруг к сеновалу твой папаша крадется.

— Уверен?

— После твоего дрянного пива и гнилых сосисок я если в чем уверен — так в том, что ближайшее время придется пожить в нужнике.

Зеленый, надо признать, поболтать любит, сыпля заимствованными фразами, но, как правило, все его слова хоть каким-то боком относятся к ситуации, при которой сказаны. Если птиц чувствует себя не в своей тарелке, самое время насторожиться. Ведь это не просто летающий комок перьев, а лучший в этом мире детектор погани.

— Саед!

— Что случилось?!

— Зеленый беспокоится. Возможно, чует погань. Он, правда, когда наклюкается, почти бесполезен, но надо поторопиться.

— От тебя тоже пользы — как от коровы икры, — возмутился птиц и мрачно добавил: — Определенно нам сегодня опять наваляют.

Что он этим хотел сказать, я не успел уточнить. Где-то вдали,

едва перекрывая крики мародеров и пьяные песни, послышался непонятный звук. Будто приближается огромная стая шумно машущих крыльями ворон. Нет, скорее такое услышишь, если приложишь ухо к муравейнику. Тоже нет…

Вот! Будто стадо лошадей приближается!

— Тревога! — заорал первым все осознавший Саед. — Заслоны на улицы! Приготовиться к атаке конницы!

Может, мои люди и любят пограбить, да и не всегда дисциплинированны, но одного у них не отнять: в случае опасности бросают все дела и шевелятся быстро. И минуты не прошло, как большая часть бойцов, собранных на берегу, выстроилась в несколько отрядов между избежавшими огня домами. Остальные поспешно укрепляли слабые участки, стаскивая туда телеги и разный хлам. Между ними суетились перепуганные бывшие пленники. Некоторые из них внезапно вспомнили, что им вообще-то было строго приказано находиться на кораблях. Преисполнившись рвения, они бросились к лодкам и начали выбрасывать из них добро, стараясь набиться туда поплотнее. Первая же посудина опрокинулась, едва отойдя от берега, остальным тоже мало что светило. Наводить порядок в этой запаниковавшей толпе было некому — все, кто сохранил соображение, приготовились встречать вражескую атаку.

Кто же мчится сюда, стуча копытами? Ответ я прекрасно знал. Не надо считать врагов глупее себя. Про наше вторжение знают, отряды береговой охраны приведены в полную готовность. А какой род войск лучше всего способен защитить вытянутую линию побережья от нападений? Флот? Не смешите — это сколько потребуется кораблей, чтобы перекрыть все подходы. Хоть один разрыв в их цепи — и враг проникнет, сделает черное дело и уйдет безнаказанно.

Тогда чем работать? Да элементарно: наладить систему связи и держать отряды конницы на подобные случаи. Как только придет известие о высадке пиратов, воины взлетят в седла и помчатся карать морских грабителей.

Сколько их на этом острове? Я не знал. Зато точно понимал, что в лодки за один раз поместится не больше трети собравшихся на берегу людей, и они не успеют даже один рейс выполнить до начала боя. Мы или победим, или все здесь останемся.

Шум все ближе и ближе. Я до боли в глазах вглядываюсь в дорогу, скрывающуюся за холмом. Вот-вот из-за него выметнется конная лавина.

И вот показались первые…

Но нет, ошибка вышла — это не всадники.

Как типичный городской житель, я мало что соображал в сельском хозяйстве вообще и в животноводстве в частности. Понимание того факта, что, допустим, курицы не растут на деревьях, для людей, подобных мне, знание чуть ли не избыточное. И правильно: зачем нам, оторванным от матушки-земли обитателям заасфальтированных мегаполисов, засорять мозги подобным хламом.

О свиньях я знал немногим больше, чем о курах. На деревьях тоже не растут, а живут вроде бы в хлеву. Если не ошибаюсь, это одомашненные дикие кабаны, всеядные, безусловно, хронически грязные, с жирным мясом, запрещенным к употреблению в ряде религий. До какого размера вырастают эти создания, я понятия не имел, но сильно сомневался, что можно встретить особь, дотянувшую до веса в полтонны.[8] Сто — двести, ну, может, чуть больше килограммов — большего я им дать не мог.

Еще доводилось слышать или читать, что в силу своей всеядности животные эти могут быть опасны для человека. Им можно скармливать трупы, случается, хрюшки съедают оставленных без присмотра младенцев.

Свиньи, выскакивающие из-за скрытого холмом поворота дороги, были опасны не только для младенцев. Взрослым тоже следует держаться как можно дальше от таких исполинов. Какие там двести кило — тут попахивает чуть ли не тонной. Отожравшиеся до неприличия серовато-розовые бурдюки, сгустки колышущихся жировых складок, покрытые неряшливыми пучками щетины, тупые рыльца, выступающие из ненормально раздутых щек. Босху следовало рисовать именно их, а не издеваться над человеческими лицами.

Стадо огромных, ненатурально выглядевших тварей — вот кто это, а не свиньи. С последними их роднил лишь характерный визг, который они дружно издали при виде нас.

Саед неожиданно дрожащим голосом произнес:

— Садки! Они открыли садки! Смилуйся над нами, боже!

Народ испуганно загудел, в строю наметились панические движения.

— Всем стоять! — заорал я. — Это всего лишь свиньи! Вы любите их сжигать?! Вот и прекрасно — сейчас целое стадо можете отправить в огонь!

Честно признать, предпочел бы с тяжелой конницей столкнуться, чем с подобным «воинством». Понятия не имею, о каких садках говорил Саед и почему вообще эти трусоватые животные ведут себя столь агрессивно. Выживу — непременно расспрошу тех, кому тоже повезет. Если эта хрюкающая орава, подобно разливающемуся потоку выплескивающаяся из-за холма,

так и не закончится, я никогда не узнаю ответов на вопросы, потому что останусь здесь, втоптанный в землю тысячами копыт.

С души камень упал, когда на моих глазах вал тварей поредел, сходя на нет. Их было много, очень много, но все же не настолько, чтобы спешно дописывать завещание. Сотни две, пожалуй.

— В дома! Всем забраться в дома! Бросайте строй! — закричал я, первым следуя своему приказу.

Глупо верить, что тройная цепочка копейщиков остановит такую лавину, — это мне стоило сразу сообразить. Лошадь пугается подобного препятствия, лишь самые редкие, специально обученные боевые кони способны преодолевать строй тяжелой пехоты, да и то везет при этом далеко не всем. Сомневаюсь, что здешним свиньям вообще ведом страх. Судя по тому, как они припустили при нашем виде, у них лишь одно на уме: растоптать, смешать с грязью, сожрать.

А уж как зловеще визжат и похрюкивают…

Народ рванул в укрытия с такой скоростью, будто там вкусно кормят и наливают бесплатно. В дверях дома, к которому бросился я, возникла давка: два латника застряли в проеме, остальные пытались их затолкать внутрь при помощи пинков. Ждать развязки событий не стал — направился к следующему жилищу. Уже внутри сильно пожалел, что оставил арбалет на корабле. Маленькие окошки будто созданы для стрельбы. Увидев, как следом забегает один из разведчиков с луком за спиной, приказал:

— Лезь на крышу, оттуда стрелять будешь!

Тот молча забрался на стол, оттуда подпрыгнул, подтянулся, закрепился на какой-то жердине, начал торопливо разгребать солому.

Кроме разведчика в одном доме со мной оказались два копейщика, неразлучный Тук, матиец с алебардой и невесть как затесавшийся подмастерье с Железного Мыса. Из оружия у него был лишь молот, а из доспехов нагрудник.

— Ты и ты! — указал я на копейщиков. — Встаньте перед дверьми и колите всех, кто сюда полезет.

— Может, лучше я встану в дверях, а они с боков бить будут, — предложил Тук. — На мне ведь латы, тварям трудно будет до мяса добраться. Свинье против доброй стали трудно придется.

Идея была здравая, и я кивнул:

— Так и сделай. Ты, матиец, стой рядом со мной. Если свиньи все же прорвутся, будем их рубить. А ты, мастеровой, спрячься в угол и молись богу, чтобы до тебя не добрались.

Местный дом имел одну перегородку, разделяющую его на две половины. В первой жили люди, во второй держали скотину. Негигиенично, но мои крестьяне поступали схожим образом — так им гораздо удобнее. Мы находились именно в «человеческой» половине — большой комнате, центр которой занимал стол, вдоль стен тянулись топчаны и что-то вроде шкафов, плетенных из лозы, ближе к дверям располагался хитроумный очаг, или, скорее, примитивная печь.

Не знаю, на что способны эти свиньи, но счел двери самым слабым местом. Их даже закрывать бессмысленно — тонкие жерди, связанные лозой и утепленные мхом. Собака боком почешется — и развалятся. Видимо, остров небогат лесом, раз на такие ухищрения идут.

Снаружи истошно закричал умирающий. Я такого уже успел наслушаться — ни с чем не перепутаю. Не повезло кому-то…

Топот копыт слился в единый гул, сквозь который, сверля мозг, пробивалось хоровое визжание сотен глоток. Выглянув в окошко, я успел увидеть развязку драмы. Латники, устроившие затор в дверях, так и не успели освободить проход. Доспехи сцепились друг с дружкой. Пытаясь решить вопрос силой, они налегли с таким усердием, что не выдержала рама, завалившись вместе с ними. Оставшиеся на улице рванули внутрь по спинам товарищей, кто-то при этом упал, еще более усугубив затор, — вслед за ним попадали остальные. В эту копошащуюся человеческую массу вломилась свиная туша и, разинув пасть, более уместную для аллигатора, чем для хрюшки, чуть ли не мгновенно освободила голень первой жертвы от мяса.

Бедолага заорал как резаный, его крик подхватили сразу в нескольких местах. Куча воинов скрылась под слоем колышущихся жировых складок, из которых, будто антенны футуристических звездолетов, торчали завернутые штопором хвосты.

С этими тварями и в самом деле что-то неладно, раз они обзавелись наборами острых клыков.

Я еще больше пожалел, что под рукой нет арбалета.

— Что ты там копаешься?! — крикнул вверх. — Стреляй давай!

В ответ хлопнула тетива, затем затрещали жерди, и с коротким, но эмоционально насыщенным возгласом лучник рухнул на стол, приложившись с такой силой, что ножки не выдержали и мебель частично развалилась, из-за чего стрелок покатился на пол. Недотепа неуклюжий! В следующий миг Тук выругался еще более грязно, чем стрелок, затем по железу лат ударило чем-то твердым, чуть ли не под ухом торжествующе

завизжали, копейщики сделали синхронный выпад. Их цель была для меня невидимой, пришлось чуть повернуться.

В дверях над повергнутым горбуном топталась исполинская туша, изо всех сил старающаяся проникнуть в дом. Двое воинов, проткнув ее копьями, навалились на древки, с трудом удерживая визжащую тварь. То, что через несколько секунд она победит, легко преодолев их усилия, не вызывало сомнений.

Шагнув к дверям, я выбросил Штучку в длинном выпаде и, коснувшись торцом свиного пятачка, освободил клинок. Голова твари раскрылась багровым цветком, хлынул столь обильный кровавый поток, что я побоялся за Тука — как бы не захлебнулся бедолага. Освобождать горбуна было некогда — по еще дергающейся туше убитой хрюшки уже пробиралась следующая. Копейщики освободить своего оружия не успевали, Штучке тоже требовалась перезарядка — лезвие пряталось в древко далеко не мгновенно. Положение спасало лишь то, что копытной твари было неудобно лезть через узкую дверь, тем более что под ногами не твердая земля, а черт знает что. А еще сильно выручил матиец. Не дожидаясь указаний, метко вонзил четырехгранный шип наконечника алебарды в глаз визжащему чудовищу, после чего надавил и с натугой провернул.

Два — ноль.

Убрав лезвие Штучки, я облегченно вздохнул. Ситуация улучшилась: двери теперь прикрыты баррикадой из парочки туш. Туку, наверное, не очень приятно под ними валяться, но ему не привыкать к подобным унижениям, да и как поможешь? У нас сил не хватит сдвинуть в сторону гору мяса, к тому же при этом мы откроем дорогу для стада, беснующегося на улице.

Стадо, кстати, не прекращало попыток вломиться в дом. Одна относительно мелкая свинья (каких-нибудь полтонны — сущие пустяки) упрямо карабкалась на груду тел. Копейщики начали бить ее в голову, моя помощь здесь не требовалась — не пропустят. Зато возникли проблемы в тылу: за спиной затрещала ломаемая дверь, визгливо заорал мастеровой.

Обернувшись, увидел, что огромная хрюшка стоит на пороге хлева. Наклоненная голова медленно поворачивалась в обе стороны, красные глазки, утопленные в жировых складках, внимательно оценивали обстановку. Тварь примерялась к добыче, растерявшись от ее обилия. Затем, сделав выбор, с визгом набросилась на вжимающегося в угол мастерового.

Я даже не подумал бросаться на помощь. Может, это и эгоизм, но свинья некоторое время будет занята добычей, а вот ее товарки, рвущиеся следом, скорее всего, выберут себе новые цели. И одной из целей буду я, что недопустимо.

Потому, перепрыгнув через обломки стола, успел подскочить к двери в хлев в тот момент, когда вторая тварюга показала уродливую голову. Именно к ней прикоснулась Штучка, взорвав череп освобождающимся лезвием. Агонизирующая туша по инерции сделала пару шагов, будто по заказу перегородив проход. Странно, но больше желающих пробраться в дом с этой стороны не нашлось — видимо, только две гадины догадались воспользоваться альтернативным путем.

Бросился в угол, где прорвавшаяся свинья рвала заунывно воющего мастерового. Нечего и думать быстро прикончить такую громадину честным путем. Сквозь эти центнеры жира ни за что не доберешься до жизненно важных органов. Разве что в глаз алебардой, но такой удар возможен лишь в идеальных условиях. Потому спрятал лезвие Штучки, дождавшись, когда оно нехотя уйдет в древко, лишь после этого приставил оружие к мясистому затылку хрюшки и освободил серебряную сталь.

Четыре — один. Мастеровому не выкарабкаться, даже беглого взгляда достаточно, чтобы понять: последние секунды доживает. Да и лучник что-то подозрительно долго копошится среди обломков стола. Похоже, серьезно ногу повредил при падении.

Обернулся. В дверях копейщики с матийцем продолжали отоваривать прорывающуюся внутрь свинью. Получившая десятки ран, захлебывающаяся кровью, она продолжала упорно сучить копытами, пытаясь добраться до воинов. Заглянул в хлев. Пусто — никто больше не прорывается с тыла. Это хорошо, но не успокаивает. Будь дома бревенчатыми — тварям до нас ни за что не добраться, но местный саман не внушал доверия. Если туша в тонну весом как следует разгонится, скорее всего не выдержит стена. Эдакий живой таран получится.

Кстати, живые тараны мне здесь видеть уже доводилось. Так вот что напоминают эти бугристые, покрытые складками тела! В памяти мгновенно всплыли первые веселые деньки и тот живой колосс, снесший стену поселения изгнанников.

Как бы напоминая, что сейчас не время предаваться воспоминаниям, ноздри защекотало, а глаза налились слезами от едкого дыма. Задрав голову увидел, что в дыре, устроенной лучником, мечутся языки огня.

Проклятье! Очень зря мои разошедшиеся не на шутку вояки подожгли парочку домов! В деревне, где даже самый богатый дом щеголяет соломенной крышей, это чревато одним — рано или поздно выгорит все. Вот и сейчас ветер разнес горящие ошметки по округе, и часть их принесло к нам.

Солома горит весело — не пройдет и пары минут, как нам придется выбираться наружу, а этого хочется меньше всего. Если

внутри можно отбиваться достаточно успешно, то на улице нас втопчут в землю, и Штучка ничем не поможет.

— Горим! — из-под туш свиней глухо промычал Тук.

Подскочив к дверям, я прикончил все еще барахтавшуюся хрюшку и заорал воинам:

— Вытаскивайте его, я прикрою!

Скажи мне, что человек, пусть даже облаченный в латы, может выжить под грузом в пару тонн, да еще и кое-как общаться при этом, — я бы не поверил. Расскажи, что тройка перепуганных мужиков неатлетического телосложения сумеет выдернуть его из-под гнета в тридцать секунд… Да я бы на такое расхохотался.

Через тридцать секунд Тук стоял на ногах. Выглядел он как кусок фарша, залитый кровью, но держался бодро и даже вскинул секиру в салюте, демонстрируя готовность к битве.

— Ты и ты! — крикнул я копейщикам. — Хватайте парня под руки, у него, похоже, сломана нога. Выберемся через хлев и бегом мчимся к соседнему дому. Здесь нельзя оставаться: сгорим все. Мы с Туком и матийцем будем вас прикрывать. Только смотрите, не застряньте в дверях.

— А мастеровой? — не понял матиец.

— Обернись! Нет больше мастерового. Ему уже не помочь, пусть горит, а вот мы еще живы.

Выходить на улицу хотелось так же сильно, как поплавать голышом посреди стаи акул. Но выбора не было. Чуть не зажмурившись от страха, я выскочил из хлева, держа Штучку наготове. Беглый взгляд — обстановка ясна. Большая часть свиней пытается вломиться в занятые людьми дома. Пусть кирта у защитников нет, но, пользуясь узостью дверей, те отбиваются успешно, нанося противнику огромные потери. Но и нашим досталось: там и сям виднеются ошметки тел тех, кто не успел забраться в укрытие, а как минимум в одном жилище уже хозяйничают твари. Несколько лучников и арбалетчиков, догадавшихся забраться на крыши, работают без устали, но стрелы и болты лишь злят тварей. Не свалить их мелкими ранами.

Соседний дом близко, но дверь его завалена окровавленными тушами. Перебраться через них можно, однако нас пятеро при раненом — быстро никак не получится. К тому же на эту груду пыталась вскарабкаться разъяренная свинья — ее придется прикончить, еще больше усугубив преграду.

— К хлеву! — коротко бросил я.

Народ мчался следом, не обращая внимания на крики покалеченного: волочащаяся по земле сломанная нога не прибавляла ему настроения. Подскочив к двери в хлев, я не смог

войти внутрь — мешала исполинская свинская задница. Прекрасно понимал, что, атакуя эту часть тела, я вряд ли вызову быструю смерть, но руки решили иначе — приставили торец Штучки к коже, палец нажал на кольцо, подав его вперед. Меня от макушки до пяток забрызгало кровью и мерзкими ошметками, истошно завизжавшая тварь рванула в глубь хлева, но вынуждена была остановиться по причине того, что рваться, собственно, было некуда: все помещение было забито ее товарками. Штук семь громадных тварей пытались, как и в нашем доме, пробраться в тыл защитникам, и мы случайно нарвались на всю стаю.

Вот это называется попали…

Мысли в голове летали стремительно. Этот дом крайний — дальше открытая местность. Дом напротив занят свиньями, следующий горит, как и тот, который мы оставили. Постройки здесь не жались друг к дружке, и чтобы добраться до нового укрытия, надо преодолеть полсотни метров. С покалеченным на руках, с Туком, хоть и бодрящимся, но хромающим на обе ноги, мимо там и сям бегающих отдельных тварей, к которым, несомненно, бросятся на помощь целые орды…

Похоже, Дан, ты не просто попал, а попал всерьез. Альтернативы нет — мы или укроемся в этом доме, или сдохнем на улице.

— Тащите раненого через дверь! Матиец, помоги им! Тук, держись рядом, надо не дать вырваться этим гадинам из хлева!

Горбун кхекнул, добавил секирой по заднице пострадавшей свинье, тут же отскочил назад, занося оружие над головой.

Надежный товарищ.

Я не стал прятать лезвие в древко. На перезарядку уйдет секунд семь-восемь, и вряд ли стадо в хлеве все это время будет терпеливо выжидать. Шагнув внутрь, без разбора нанес несколько колюще-режущих ударов. Завоняло будто на скотобойне, от хорового визга заложило уши. Подраненные твари начали метаться, со всей дури ударяясь друг о дружку и стены, отчего дом начал трещать, а сверху посыпалась солома. Позабыв про первоначальный замысел проникнуть в жилую половину, свиньи начали разворачиваться в сторону угрозы.

В мои планы не входило заканчивать жизненный путь на унавоженной земле перед грязным сараем, потому отступил назад, сразу отскочив в сторону. Очень вовремя — наружу одна за другой начали выскакивать твари. Первой Тук от всей души заехал по шее. Я горбуна знал давно, и также знал, насколько он силен. Будь на месте свиньи лошадь — девяносто из ста, что лишилась бы головы. Но эта образина лишь завизжала еще громче, и только прикосновение Штучки, подрезавшее жилы на

левой передней ноге, свалило тварь на землю. Причем уже оттуда она, извернувшись, ловко хватанула Тука за ногу. Несмотря на толстый, усиленный железом и бронзой сапог, он заорал, начав суетливо рубить гадину.

Вторая свинья попросту перепрыгнула через преграду. Ловкая, несмотря на размер. Я не успел ее достать, а вот следующая, повторившая такой трюк, поплатилась — лезвие Штучки вонзилось в бок, и тварь, продолжая полет, выпотрошила сама себя — внутренности выпали из распоротого брюха. Визжа куда больше обычного, хрюшка помчалась по улице, разматывая кишки.

Не знаю, насколько умны эти монструозные свиньи, но четвертая, видя, чем закончился полет ее предшественницы, притормозила перед прыжком. Но хотя пространства для разбега в хлеве не было, скорость ухитрилась набрать, а массивную тушу трудно остановить мгновенно. Взрыхляя копытами утрамбованный навоз, тварь так резко припала на передние ноги, что зарылась пятачком. Я почти без замаха нанес колющий удар в глаз, но лезвие хоть и покалечило, в череп прокинуть не смогло — слишком широкое для подобного.

Раненая свинья, должно быть, испугалась, резко подалась назад, помешав оставшимся выбраться. И тут мимо меня внутрь хлева шагнул невесть как оказавшийся здесь Саед. Припав на колено в длинном выпаде, он поразил хрюшку в уцелевший глаз, затем изящно, будто перетекая, отпрянул назад, спокойно вышел наружу и скучающим голосом дал совет:

— Сэр Дан, вы бы отошли в сторону, сейчас они все бросятся на нас, и узость двери их не остановит.

Совет оказался ценным: не успел я толком отскочить, как дверная рама вылетела, оказавшись на манер хомута нацепленной на шею очередной хрюши-рекодсменки. Саед, отходя в сторону, небрежно, будто маша платком, повел рукой. Узкий, изогнутый в обратную сторону клинок коснулся бока твари, прошел по нему до задней ноги. Не знаю, как это матийцу удалось провернуть простым оружием, но толстый слой сала свинье не помог — на землю вывалилась новая порция внутренностей. Тварь попыталась извернуться, чтобы достать убийцу, но капитан ускользнул от клыков с изяществом матерого тореадора.

Похоже, смерть от грязных животных он считает недостаточно героической, раз ведет себя столь осторожно.

Из-за угла выскочила новая свинья, как будто тех, которых мы еще не успокоили, было недостаточно. Не обращая на людей внимания, она пронеслась в нескольких шагах, обиженно

повизгивая. Я не поверил своим глазам, когда увидел, что эта тварь пробита насквозь дротиком из корабельной баллисты — острие метательного снаряда торчало из правого бока. Хорошо бы найти стрелка, сумевшего сделать такой выстрел…

Бой дело быстрое: миг потеряешь — и тут же об этом пожалеешь. Очередная свинья, выскочившая из хлева, сумела увернуться, не дав себя выпотрошить, и на ходу быстро цапнула меня за колено, после чего помчалась на Саеда. Видимо, ненавидела матийцев не меньше, чем ее хозяева.

Вроде бы цапнула еле-еле, мимоходом, не отвлекаясь от бега, однако нога взорвалась болью, подломилась в колене, я плюхнулся в навоз, выронив Штучку. Из хлева выскочила еще одна тварь, пробежала рядом, не обращая на меня внимания. Наверное, со счетов списала. И в чем-то права — я мог только корчиться и жадно хватать воздух. Чья-то стрела пробила твари шею, и она, негодующе взвизгнув, резко развернулась и набросилась на троицу воинов, до сих пор пытающихся затащить покалеченного в дом. Хватанула копейщика за голень, тут же выпустила, заработав удар алебардой, потом накинулась уже на матийца, свалив его с ног толчком рыла.

Я мог лишь смотреть через слезы. Боль бывает разная, и та, с которой сейчас столкнулся, начисто вывела меня из боя на несколько мгновений. А когда нашел в себе силы шевелиться, помощь уже не требовалась: свинью рубили со всех сторон, Саед, стоя в стороне, брезгливо стряхивал кровь с меча, отовсюду сбегались воины на крик Тука. Горбун на все лады орал, что стража подранили и надо срочно его выручать.

Я одного не мог понять: куда же делись свиньи. Нет, какие-то еще продолжали носиться, но их обстреливали со всех сторон, лупили и кололи. Похоже, мы побеждаем.

Еще бы — ведь это всего лишь тупые твари, а мы люди.

Хорошо, что тварей этих оказалось не так много…

Тук не жалея распорол окровавленную штанину и озвучил диагноз:

— Ни хрена себе цапнула! Мясо от кости отвалилось! Больно небось?

Я не успел ответить на этот в общем-то не нуждающийся в ответе вопрос, как Саед, подойдя, озвучил свои опасения:

— Садок мог быть не один. Если так, то сюда мчатся целые толпы этих тварей.

— Толпы?! — сквозь слезы выдал я. — А это что было?! Парочка?! И что, дьявол побери, за садки вы имеете ввиду?!

— Свиной остров… Мне следовало догадаться, что здесь опасно. Много свиней… слишком много. Самых грязных из них,

по слухам, темные жрецы забирают для нечестивых обрядов, после чего держат в специальных вольерах, называемых садками. Люди разное говорят про эти садки… Такое стадо не первый раз южане выпускают, хотя давно про подобное не доводилось слышать.

Я лишь одно понял из пространно-малопонятных пояснений Саеда. А именно: раз про садки говорится во множественном числе, то таких стай может быть больше чем одна.

А мне и одной с головой хватило…

— Уходим. Саед, всем погрузиться на корабли — и быстро уходим!

— К другой деревне?

— Да вы шутите! Шагу больше не сделаю на этот остров!

— Но мы слишком мало провизии здесь нашли, да и емкостей для воды недостаточно для плавания.

— Потом что-нибудь придумаем. Уходим. Как можно быстрее уходим.

Если смотреть в глаза фактам, берег был завален тоннами высококалорийного мяса. И свежим пойдет, и солонину можно приготовить. Но я даже не подумал уговаривать своих людей отказаться от табу. Да и сам при одной мысли о свинине с трудом удерживался от тошноты.

Начинаю понимать иудеев и мусульман…

С регенерацией у меня все было в полном порядке (хотя, вспоминая недавние приключения, стучу по дереву при таких мыслях). Однако заживало далеко не мгновенно и болело как полагается. В общем, процесс погрузки в лодку я запомнил смутно. Вроде бы орал, требуя всем смываться, причем именно в эту секунду. Вроде бы меня приложили раненой ногой о борт, после чего я проклял всех свиней вселенной и заодно остолопов, не умеющих обращаться с ранеными. А потом трюмный старшина и по совместительству судовой лекарь напоил какой-то вонючей гадостью, от которой сознание выключилось, будто кувалдой врезали.

Проснувшись, по отблескам солнца через дверные щели догадался, что на дворе день. Работы весел не слышно, но корабль определенно раскачивается на приличной волне, значит, из залива уже вышли. И — о радость! Нога не болит! Ноет, будто зуб, и зудит, что хороший признак: заживает. Быстро-то как — и пары часов, наверное, не прошло.

В уголке крошечной каюты сидел угрюмый слуга Саеда — Глонарис. Он был занят пришиванием пуговицы к одежке господина и на меня не обращал внимания.

Пришлось напомнить о своем существовании:

— Эй, я долго тут валяюсь?

— Со вчерашнего дня, — тихо пояснил матиец.

— Что?! Сутки проспал?!

— Получается, что так.

А я-то думал, что и пары часов не прошло… Так вот откуда такая жажда — язык к небу присох.

— Где мы?

— В море.

— Это понятно. Где именно в море?

— Отошли от проклятого острова и болтаемся к востоку от него.

— Болтаемся?! Почему стоим?!

— Вы отдыхали, никаких приказов не было. Все ждали вашего пробуждения.

Твою мать! Ну не пираты, а маленькие дети без няньки! Зла на них не хватает!

Вскочив, огляделся по сторонам, ухватил свои заляпанные кровью штаны, начал напяливать, только сейчас поняв, что в крови не только они, а и другая одежда. Да и волосы слиплись в жесткую зудящую массу. Тело тоже чешется в сотне мест одновременно.

Проклятье! Да меня бросили на койку, не отмыв от свиной крови. И не только крови. Уж поверьте — стоять радом со скотиной, которой вспарывают брюхо, разрезая при этом кишечник, не самое гигиеничное занятие.

А если вспомнить, что мыться придется в холодной морской воде, — так совсем грустно становится.

Выскочив наружу, зажмурился от яркого света — солнце едва перевалило зенит. Дав глазам привыкнуть, направился к корме, перешагивая через людей: верхняя палуба была забита, как и прежде.

Саед поприветствовал меня легким кивком и повернул голову в сторону острова, виднеющегося у горизонта. С мачты спикировал радостный попугай, целясь насчет приземлиться на плечо, но завис в метре над головой, затем нехотя пристроился на планшир, с укоризной произнес:

— Ты бы хоть умылась, шалава, раз уж по пять грошей за ночь берешь!

— Саед, мы почему стоим? — с ходу накинулся я на матийца.

— Ждем ваших приказаний.

— А сами не догадались, что надо ноги отсюда уносить?!

— Но куда? К своим берегам идти опасно. Если попадем во встречный ветер, будем голодать и страдать от жажды. Припасов

очень мало. Я решил, что, пока вы отдыхаете, можно покараулить здесь корабли демов. Пара удачных абордажей может поправить дело.

— И как успехи?

— Утром видели три галеры, но те заметили нас издали и дали деру. Наши корабли перегружены — не догнать. Подумываю о засаде. Спрятать эскадру, оставив одно судно на виду. Его не испугаются, подпустят, а там будет сюрприз: ведь команды у нас куда больше. Рабов ведь на веслах не держим.

— Какие у нас потери?

— Почти два десятка хороших ребят оставили на проклятом берегу. И пленников освобожденных не знаю сколько. Не считали их. Хоть и грешно, но не было у нас времени заботиться о телах. Едва отошли последние лодки, как еще одна стая налетела. Но мы им так врезали из всех луков и арбалетов! Ох и врезали! Да и баллисты неплохо поработали. Деревня эта в крови утонула. Славная работа, хоть и не сказать чтобы героическая.

Блин… Из-за каких-то свиней понести такие потери… Обидно до слез.

— Ну как ваша нога?

— Не помру. А завтра вообще буду как новенький.

— Завидую я вам, стражам. У меня, кстати, хорошая идея возникла. Если вернемся успешно, не повторить ли набег? И ударить на этот раз еще южнее, по цитаделям темных. Там, по слухам, много ценных тварей. Одним удачным рейдом можно взять несколько ценных сердец тварей, если повезет, черных среди них окажется немало.

— Саед, нам бы сейчас ноги унести! Немедленно командуйте эскадре двигать на север. Хрен с ними, с припасами, рискнем идти без них.

— Но если случится встречный ветер…

— Да знаю я все, но придется рискнуть. Установим строгие нормы выдачи еды и воды, при дождях постараемся собирать воду парусиной. В море хватает островов, может, повезет наткнуться на богатый источниками. Нельзя нам здесь болтаться, и так день впустую потратили.

— Это ваше решение. Хотя не могу удержаться, чтобы не высказать своего мнения. Можно пройти дальше к востоку, там вдоль побережья хватает островов. Почти все они мелкие — ни темных храмов, ни садков никто держать на них не станет. А вот в рыбачьих деревушках найдется чем поживиться. И вода опять же…

— К чертям все деревушки! Сваливаем отсюда! Это приказ!

Ну не горю я желанием встретить здесь героическую смерть.

Всей душой мечтаю побыстрее оказаться в Мальроке и заниматься проблемами выжига древесного угля, между делом благословляя молодоженов на долгую и счастливую жизнь. Уж очень им нравится, когда на свадьбе присутствует сюзерен.

«Продолжение отчета добровольца номер девять. Надиктован все тому же попугаю во время плавания к южным берегам. Цель плавания: разбойное нападение. Цель отчета: не забыть русский язык. Мало ли — вдруг пригодится на случай, если обнаружу танк отечественного производства. Не повоюю — так хоть инструкцию какую-нибудь смогу прочитать.

К тому же очень удобно, что во всем мире его никто, кроме меня, не понимает и, следовательно, не догадается, о чем идет речь. Таким образом, я могу безбоязненно нести разную ерунду. А это для меня важно, потому как время идет, а друзей не прибавляется. Разве что попугая к ним могу отнести, и то сомнительно. Вокруг хватает людей, в том числе и близких, но они будто статисты в массовке. Я вроде бы не страдаю от дефицита коммуникабельности, но почему-то все так складывается…

Вань, похоже, я так и не сумел вжиться в этот мир, раз за год обзавелся всего одним другом, да и то сомнительным. Шпион в тылу врага? Диверсант? Кто я такой вообще? Ну уж никак не абориген. Меня это начинает напрягать — ведь в связи с трудностями снабжения вряд ли сумею соорудить портальную установку и, следовательно, останусь здесь навсегда. Раз так, то надо жить полноценной жизнью, с этими людьми, а я будто коконом непроницаемым для других себя окружил. Как был чужим, так и остался. Наверное, они тоже это чувствуют, потому и не стремятся сократить дистанцию.

Была, впрочем, одна… Ладно, не будем о печальном…

Собственно, приступаю непосредственно к отчету. Разбойное нападение прошло с частичным успехом. Мы понесли потери, но и приобрели немало. К сожалению, изотопа криптона даже у южан не нашлось, так что, скорее всего, воспользуюсь в качестве эталона офицерской линейкой, найденной в китайском танке. Смущает то, что линейка эта тоже китайская. Мало ли что подразумевал под сантиметром старый Сяо, вытачивая ее ржавым напильником из куска пластика в уголке своего подвальчика, что на окраине Шанхая. Хорошо если не килограмм или литр. А может, и вовсе нечто абстрактное, к единицам измерения никак не относящееся. Если строить портальную установку на основании таких данных, имеется ненулевая вероятность вместо родимой Земли увидеть мир Зен,[9] а у меня здесь своих тварей

столько, что хоть экспортируй, так что чужие ни к чему.

Еще хочу пожаловаться на новую напасть. Мне опять подпортили шкуру. Вы не поверите: свинья за коленку цапнула. Хоть плачь, но смейся… Грязная тварь, но должен признать, что ловкая. Еще в свое оправдание хочу сказать, что одного взгляда на эту хрюшку хватит, чтобы побежать записываться в вегетарианцы. Но все равно ранение получилось нелепое.

Впрочем, мне не привыкать. Я и ноги ломал, поскользнувшись на мокрой траве, и загибался, истощенный усиленной регенерацией, и старухи-нимфоманки ко мне, полностью беспомощному, клеились. Мелочей вроде пыток в подвале инквизиции даже вспоминать не стану — это относительно уважительные травмы, в отличие от вышеперечисленных.

Плыву или, правильнее, иду по морю на деревянной лоханке, заполненной людьми от киля до макушки мачты. Вы скажете, это невозможно. Ваня, я и сам так думал, а теперь вот увидел, что и такое бывает. Своими глазами увидел. Собственными.

Кстати, если соберетесь закидывать мне заказанную зубную щетку, заодно подкиньте опреснитель для морской воды. Дело в том, что мы спешим к родным берегам, не имея приличных запасов воды и еды. Если задует встречный ветер, то лоханки наши, и без того едва плетущиеся, и вовсе остановятся. Можно, конечно, заставить гребцов пахать без перерывов, вот только с них семь потов в час будет сходить, а пот — это потеря влаги, и ее как-то надо восполнять. Так что вода очень нужна.

P.S. И манны небесной заодно вышлите, потому как кушать тоже очень хочется».

Глава 20
ЦЕНА ДОВЕРЧИВОСТИ, ИЛИ ВОЗВРАЩЕНИЕ НА СТАРТ

Может, я и ранен, но свинья укусила меня не за голову, так что интеллекта проанализировать предложение Саеда, в котором он хочет использовать судно-приманку, хватило. Но его пришлось творчески переосмыслить.

Теперь флагман двигался, далеко оторвавшись от эскадры. На нем мы собрали приличный отряд из матийцев и бакайцев, усиленный самыми боевито настроенными пленниками. Если случится маленькое чудо и впереди подвернется заблудившийся парусник южан, у нас неплохой шанс пополнить эскадру лишним вымпелом, не говоря уже о провизии и воде.

А лучше два парусника. Или даже три, а то и четыре. Мечты-мечты… Все купцы держатся вблизи берегов, не забираясь в открытое море.

Или мы и впрямь везучие дураки, или мои мечты наконец решили начать сбываться, но на следующий день чудо все же случилось.

Дело шло к вечеру, я прохлаждался на палубе, подставив солнечным лучам обезображенную рубцами коленку, лениво прислушиваясь к процессу обучения попугая плохим словам, коему предавались боцман с парочкой развеселых ребят. Зеленый жадно внимал крайне интересной для него информации, слушатели ржали не хуже лошадей, заживающую ногу ласкал ветерок, хотелось думать только о хорошем и прекрасном.

И вдруг этот сонный мирок взорвался от крика впередсмотрящего:

— Парус! Я вижу парус!

— Да подавись ты беременной селедкой! — взревел боцман. — Докладывай, как на корабле полагается, а не как у мамки в подоле!

— Впереди по курсу парус! Трудно судить, но с виду одномачтовик!

— Вот так уже лучше, а то не докладываешь, а воняешь свиным дерьмом! Сэр Дан, сэр Саед, впереди по курсу замечен парус.

Это боцман будто издевается над моими попытками наладить строгую дисциплину. Всем понятно, что не услышать криков было невозможно, но «дублирует по инстанции». Педант

доморощенный…

И впрямь белое пятнышко на той линии, где то ли море переходит в небо, то ли наоборот. Горизонт подернут легкой дымкой, и не разобрать толком. Интересно, откуда впередсмотрящий взял, что корабль одномачтовый? Скорее на айсберг похоже или меловую скалу.

Корабль и впрямь оказался одномачтовым — это стало очевидно примерно через полчаса. А потом вдали, за ним, показались новые белые точки — две штуки. Тоже корабли, и тоже, если не врет впередсмотрящий, одномачтовые. Самые зоркие моряки, вглядываясь вдаль, один за другим начали сообщать, что первое судно, несомненно, галера — уж очень характерный корпус.

Галеры купеческими не бывают. Встречным курсом двигался военный корабль, и готов поспорить на что угодно: два других тоже не мирные мореплаватели. Мы напоролись на эскадру. Три против одного — на первый взгляд расклад, не оставляющий одиночке шанса на победу. Но это лишь на первый. Далеко за кормой, если приглядеться, видна россыпь парусов моего флота. Достаточно сковать противника боем, чуть задержать — и вскоре им придется отбиваться от превосходящих сил. К тому же у нас больше воинов в команде за счет свободных гребцов. Да и некоторые пассажиры умеют топором работать, а то и мечом. Плох тот оружейник, который не умеет обращаться со своими изделиями. Таким образом, даже если все сцепятся в абордаже (что очень неудобно), силы окажутся приблизительно равными. Бой с холодным оружием — дело далеко не мгновенное, да и героизма от нас не потребуется. Знай себе обороняйся, удерживай противника до подхода основных сил.

Вот такие мысли пролетели в моей голове, прежде чем обратился к Саеду:

— Друзей в этих водах у нас нет. Готовимся к бою. Надо постараться сцепиться с первой галерой, не дать ей уйти.

— Попробуем, — кивнул Саед. — Если они понадеются на превосходство в численности, то, может, и две захватим, а то и все три. Одного только понять не могу: что они делают в этих водах?

— Может, из набега возвращаются с севера. Обычная ота из трех галер. Они постоянно туда-сюда шастают.

— Непохоже. Оты ходят от проливов, а не напрямик. В открытое море выходить остерегаются. К тому же у этих очень уж специфический строй. Будто ищут кого-то или перехватывают. Растянулись патрульным треугольником. Так поступают, когда караулят противника или встречают своих, боясь разминуться.

— Не удивлюсь, если они нас караулят.

— В три вымпела против всей нашей эскадры? Демы не настолько безрассудны. Хорошо бы пленных поспрашивать, если они будут.

— А это не может быть авангардом серьезного флота?

— Все может быть, хотя сомнительно. Что здесь делать большому флоту? Только нас ловить. Тогда при встрече с нами дозор должен развернуться для доклада основным силам, оставив одну-две быстроходные галеры следить издали. А эти развернулись на нас, носом к ветру, опускают паруса и прут на веслах, ничего не боясь. Похоже, они приняли нас за своих, причем сразу, толком не рассмотрев. Раз так — значит, встречи с врагом они не ожидают. Только этим могу объяснить их поведение, хотя и не понимаю, зачем они приближаются. Я думаю, следует до последнего не убирать мачту. Сделаем это, лишь когда они поймут, что мы не союзники.

— Да, так и сделаем.

Перед боем здесь спускали паруса. Этим облегчалось маневрирование в динамичном сражении, где ветер то в корму задувает, то с носа. А съемную мачту убирали, чтобы не мешала стрельбе из баллисты, установленной в поворачивающемся станке. В нее, конечно, попасть трудно, но шанс был. Тем более что и многочисленные оттяжки могли подставиться.

Оптических инструментов в этом мире не знали. Разве что Конфидус с большим трудом вспомнил какого-то чудика, соорудившего из горного хрусталя что-то вроде призмы, после чего забавлял народ демонстрациями рукотворной радуги. Линзы, не говоря уже о более сложных вещах, никто не использовал. Здесь, если развернуться, на одних поставках очков можно состояние сколотить.

Применительно к нынешней ситуации можно было не опасаться, что кто-то, вооруженный биноклем или подзорной трубой, издали догадается, что с нашим кораблем что-то не так. Заметить остальные корабли эскадры тоже проблематично — мы сами с трудом могли рассмотреть их паруса. Примитивная до невозможности флажковая азбука использовалась редко и лишь на дистанциях не больше полукилометра, а по морским меркам это практически в упор.

Но все же демы заподозрили неладное еще до подхода на эту дистанцию. Саед, неотрывно следивший за вражеским кораблем, воскликнул:

— Они убирают мачту! Все наверх! Спустить паруса! Убрать мачту!

Моряки, до этого делавшие вид, что жизнь прекрасна, в связи с чем можно вообще не работать, засуетились, выполняя приказ. Теперь притворяться, что мы не враги, бессмысленно. По каким-то одним демам известным признакам нас опознали. Причем разворачиваться не стали, а занялись мачтой. Последнее время южане шли курсом строго к ветру и давно убрали мешающий им парус. Но мачта ничем не мешает, ее убирают лишь в единственном случае: если собираются сражаться.

До сих пор я в морском бою участвовал лишь однажды. К тому же дело было не на море, а на реке, у нас тогда было две галеры, а у противника одна, не говоря уже о подавляющем нашем превосходстве в численности. Тепличные условия, в отличие от нынешних.

Дымка на горизонте — это не к добру. Ветер крепчает на глазах, море, зеркально-спокойное поутру, пришло в движение, и волнение усиливалось с каждым часом. Абордаж раскачивающихся посудин — дело непростое, стрелять из баллист при этом тоже будет весело. И самое главное — не свалиться за борт. Даже в легких доспехах из кожи, укрепленной кое-где стальными пластинами, плавать не получится. Их, конечно, можно быстро скинуть, но одно дело заниматься этим на воздухе, не торопясь, и другое — барахтаясь на воде, а то и путешествуя ко дну. Видимо, не зря при слове «пират» представляется образ загорелого до черноты паренька с обнаженным торсом и в легких штанах — такой вряд ли утонет. Хотя чаще, конечно, треуголка, камзол, ботфорты, шпага — эдакий капитан Блад. Но заметьте, что тоже без железа.

С вражеской галеры в небо одна за другой ушли три тонкие дымовые струйки. Лучники пускают стрелы, обмотанные пропитанной секретным составом паклей — чадит она неимоверно, причем дым разных цветов. Сигнализируют остальным кораблям, что дело пахнет дракой.

Саед, попав в родную стихию морского боя, преобразился. Начисто позабыв про витиеватые обороты, выражался коротко, а иногда даже грубо:

— Левый разворот! Еще довернуть! Еще! Бестолочи! Вы что, хотите врезаться в лоханку свиноедов?! На баллисте не спать! Бейте, пусть у них поджилки затрясутся!

Артиллеристы послушались, баллиста с хлестким стуком выпустила первый снаряд. Во избежание порчи ценного корабля зажигательными бить не разрешили, так что запустили дротик. Вести обстрел с раскачивающейся палубы дело неблагодарное — всплеск поднялся метрах в сорока от цели. Противник ответил тем же, со схожим результатом.

Хоть и промазали оба, но бой можно считать начавшимся.

Наша галера тем временем совершала странный маневр. Разворачивалась по широкому кругу, пытаясь зайти в корму противнику. Надо быть совсем уж косолапым, чтобы такое нам позволить, но демы, как ни странно, сбавили ход и даже начали убирать весла, будто приглашая.

Не люблю, когда враг играет в поддавки. Подозреваю каверзу. Вот и сейчас насторожился и, чтобы не отвлекать Саеда, обернулся к Туку:

— Что они задумали?!

— Как что? Подраться хотят. Хоть и свиноеды, но помахать железом любят. Непросто это при такой скверной погодке. Волна поднимается, очень трудно абордаж проводить на большой скорости. Вот и помогают.

— Это что еще за благородство?!

— Да никакого такого благородства нету. Вот вы представьте, каково будет сходиться, если оба на веслах? Туда-сюда швыряет обоих, тут не только весла сломаешь, а и борта пробьешь при столкновении. Корабль штука нежная, с ним аккуратнее обращаться надо.

Как же нестерпимо в нас желание убить себе подобного, если ради него готовы подстраиваться под маневры противника. На все согласны, лишь бы не разойтись миром…

Вновь выстрелила баллиста. На этот раз чуть удачнее — дротик вонзился в борт возле ватерлинии. Все же по малоподвижной мишени работать можно и при таком волнении. Хотя толку как не было, так и нет. Артиллерия противника сработала еще хуже, подняв столб воды метрах в двадцати перед нашим носом. У меня от сердца отлегло, когда заметил, что их снаряд аналогичен нашему. Или нет зажигательных, или по каким-то причинам не хотят их применять.

Будто действительно в поддавки играем…

Бой один на один — наши основные силы очень далеко, а два корабля демов подойдут минут через десять минимум. Скорее даже больше: ведь им против ветра выгребать. Век скоростей если и наступит в этом мире, то еще очень не скоро, так что в море все одинаково походят на улиток.

Галеры вновь безрезультатно обмениваются выстрелами. Вражеская движется почти точно на запад, к нашим основным силам. Весла ее едва шевелятся, команда просто удерживает судно на курсе, не желая наращивать скорость. Позволяют себя догнать, чтобы наконец взяться за оружие. Саед едва не охрип, выкрикивая приказы. Корабельные маневры даже при таком, еще не сильном, волнении — дело непростое. Малейшая ошибка — и

мы въедем в корму противника. Демы, издеваясь, орут что-то неразборчивое, похоже, шутливые советы капитану дают. У кого-то из арбалетчиков сдают нервы — дурной пример заразителен, — и на противника высыпается ливень стрел и болтов. Ответа не приходится ждать: по доскам палубы застучали наконечники, кто-то вскрикнул с досадой. Не раны испугался, а того, что она помешает в драку влезть.

Пусть команда моя не слишком дисциплинированна, но трусов в ее списках не значится.

Стрела пролетела так близко, что оперением едва не задело висок. Тук, опустив забрало, встал передо мной стальной стеной, защищая от лучников. Спасибо, конечно, за заботу, вот только виды прекрасные заслонил своей кривой спиной. Отгонять его бесполезно — не уйдет. Это его обязанность, а с чувством долга у бакайца все в порядке.

Еще минута — и я смогу плюнуть на вражескую галеру. Мы так близко, что обстрел начал затихать — лучники и арбалетчики попрятались за стеной щитов абордажных отрядов. Вот-вот в дело пойдут дротики.

И вдруг неубранные весла по правому борту галеры демов, взмыв, замерли в высшей точке траектории. С левой же стороны они продолжали работать, и корабль начал разворачиваться. Несколько взмахов — и курс его стал почти перпендикулярным. А затем гребная команда заработала с прежней синхронностью, и мы перестали сближаться. Даже более того — дистанция начала увеличиваться. Демы почему-то в последний момент перестали нам подыгрывать.

Почему?! Ответ я нашел сам. Раз мы отсюда можем разглядеть паруса эскадры, то и противник это может. Нетрудно понять, что, пользуясь попутным ветром, свежеющим на глазах, основные силы подойдут быстро, успев принять участие в схватке. И не надо быть великим математиком, чтобы просчитать результаты столь неравного боя.

Корабль, который я уже почти зачислил в свой флот, удалялся. Он не перегружен, и нам ни за что его не догнать.

Судьба, как бы издеваясь, подарила врагу бонус. Очередной дротик, выпущенный катапультой, прошелестел над нашей палубой. Жуткий серповидный наконечник отрубил руку лучнику, после чего сразил бывшего пленника, стоявшего в задних рядах.

— Уходят, свинские отродья! — выругался Тук. — Пересчитали наши паруса и обделались. Экие трусы.

Насчет трусости это он загнул — сам бы небось тоже улепетывал без оглядки от такой силищи. Но все равно я с ним

согласен.

Жалкие ничтожные трусы! Стоять! Это уже почти моя галера!

Человек зачастую способен раскрыться полностью лишь в трудный миг. Вот и сейчас, пока мы с бессильной яростью таращились вслед разворачивающемуся дему, на нос выскочил священник и омерзительно пронзительным голосом, подобным звуку дрели, работающей по бетону квартирой выше в раннее субботнее утро, завопил:

— Люди веры истинной! Если слышите меня, то бросайте весла и молитесь Господу нашему! Крепко молитесь! Освобождение в шаге от вас, не уходите!

Немыслимое дело — подействовало! Весла начали работать вразнобой, некоторые, поднявшись, перестали опускаться, мешая другим, затем и вовсе попадали в воду, волочась бесполезным грузом, тормозя движение. Галера, не успев разогнаться, начала останавливаться, не завершив разворота. Наша же, наоборот, ускорялась с каждой секундой.

Все же первое впечатление бывает столь обманчивым… И почему мне этот священник так не понравился? В этот момент я был готов признать его лучшим другом.

Саед взорвался серией приказов, зачастую противоречивых. В воздух взлетели первые дротики, начав увесисто барабанить по щитам. «Кошмар-1» каким-то чудом, чуть ли не на месте развернувшись, неотвратимо надвигался на потерявшего ход врага. Вот затрещали переламывающиеся весла, корпуса с грохотом, отозвавшимся в ногах, соприкоснулись, чтобы вновь разойтись. Но гребцы левого борта продолжали работать, направляя корабль на противника.

Вновь соударение, но уже не носом о корму, а бортами. Суда теперь двигались параллельно, оба теряли ход, подбрасываемые на волнах, сталкивались, начиная после этого расходиться. И вот с палубы полетели крюки на веревках. Цепляясь за что попало, они соединяли корабли, превращая их в единое поле боя.

Последние дротики полетели в демов, те ответили тем же, но никто пока что не пытался перебраться через изменчивую границу, созданную соударяющимися бортами.

— Вперед! — заорал абордажный офицер. — Матия! Матия!

Крик его подхватили люди Саеда, да и бакайцы молчать не стали, исторгая из глоток нечто нечленораздельное, но явно угрожающее. Первый ряд, воины в мощной броне, подался вперед. Корабли стояли неустойчиво, бились бортами, расходились ближе к корме, скрепить их как следует еще не успели — мешал обстрел. В щель меж корпусов угодил один из матийцев, даже заорать не успел, раздавленный меж дощатых стен. Еще

несколько повисли на копьях, но палуба — не ровная земля, нерушимый строй здесь создать гораздо труднее. Народ ломился не куда попало, а в места, куда заранее целились метальщики дротиков. Туда же разрядили свое оружие арбалетчики, взявшись за мечи и топорики. Латники, действуя тройками, где двое прикрывают одного, заняли эти точки и, подпираемые бойцами подмоги, начали расширять прорывы.

Саед обернулся ко мне, спокойно, с ноткой самодовольства улыбнулся:

— Удачно встали. Теперь надо побыстрее очистить их корабль от швали. Волна усиливается, нехорошо, когда корабли друг о дружку так трутся.

Сообщив это, он вытащил из ножен меч и походкой прогуливающегося по городской набережной шалопая направился в сторону демов.

Он прав — надо побыстрее очистить палубу трофея от прежних хозяев.

Я не спец в тактике абордажного боя, но сразу понял, что нынешняя схватка сильно отличается от той единственной, в которой довелось побывать. Тогда мы просто зажали кучку врагов со всех сторон, быстро подавив сопротивление. Сейчас, несмотря на численное преимущество, этого не получилось.

Поначалу мы успешно теснили врага к носу, но примерно на середине палубы процесс остановился. Атаковать здесь можно было лишь с одной стороны, получая подкрепление сзади. Так уж получилось, что корабли стояли друг к дружке неровно, Саед не стал дожидаться, когда «Кошмар» полностью поравняется с противником. Теперь с двух сторон от демов было море, как и за спиной. Им отступать некуда, а нам невозможно их обойти.

В рукопашной нет ничего более приятного, чем окружить противника. Получая удары со всех сторон, он быстро задумывается о смысле бытия и перспективах продолжения личного существования, как правило склоняясь к сдаче. Ну или как минимум начинает паниковать, что тоже неплохо.

А теперь мы бодались лоб в лоб на узкой палубе галеры. Одновременно друг против дружки могло выступать не больше пары десятков бойцов. Остальные в лучшем случае метали подобранные дротики, а в худшем орали на все лады, из-за чего командовать было трудно.

Я стоял в задних рядах, притопывая от нетерпения. В принципе меня все устраивало. Пусть демы продолжают упираться до подхода эскадры, а там мы их легко задавим с разных сторон. Но, конечно, хотелось победить собственными

силами.

Тяжелая пехота, выстроившаяся в несколько шеренг, чем-то похожа на железобетонную стену. Рано или поздно ты ее развалишь ударами кувалд, только кувалд попортишь немало, а уж сколько времени уйдет на создание бреши… Но это, конечно, как в нынешних случаях, когда невозможно обойти строй.

То-то демы так охотно пустили нас на палубу, почти не мешая. Не хотели обороняться в невыгодных условиях. Тоже не хотят рисковать: ждут подкрепления.

Ждите-ждите… Ваше плетется на веслах, а наше летит под всеми парусами, поймавшими попутный ветер.

Бойцы толкают друг друга щитами, пытаются достать кинжалами. Копья и алебарды бесполезны: слишком тесно сцепились. Нас гораздо больше, но численность здесь не решает.

Руки чешутся пустить в дело Штучку, но таким, как я, в подобную свалку дороги нет. Там латы нужны, шлемы прочные и глухие. Чтобы рваться вперед, дыша врагу в лицо, получать удары, не поморщившись. Никаких фехтовальных изысков — обоюдное давление двух стен. Если не удержался на ногах, то все: затопчут, а на твое место в шеренге ворвутся враги. К тому же колено еще не пришло в себя, а подраненные бойцы в первых рядах не нужны.

Первым подошел «Кошмар-2», что неудивительно. Там командует Арисат, и он, пользуясь служебным положением, вытребовал себе немалую долю умелых моряков. С ходу разобравшись в ситуации, он повел галеру к носу противника. На палубе толпилась абордажная команда: не пройдет и минуты, как демам придется отбиваться с двух сторон, а это надолго не затянется.

Но враг, все прекрасно понимая, не сдавался, на что-то продолжая надеться. И даже действовал.

Под ногами все тише и тише кричали гребцы — судя по всему, их попросту вырезали, наказывая за бунт, спровоцированный криками священника. Мы ничем не могли им помочь, потому что люки были заперты. Крепкие доски, на совесть сколоченные, плохо поддавались топору. Но вдруг один, тот, что на корме, распахнулся сам, и из него на палубу хлынула легкая пехота. Мои старые знакомые — людоловы, первые демы, с которыми столкнулся.

Ох и всласть они меня тогда по лесам погоняли…

Не подумайте, что, любуясь на эту картину, я предавался воспоминаниям. Вовсе нет: пробудившаяся Штучка встретила самого прыткого размашистым ударом по ногам — в задних рядах места для разбега ей хватало. Вторым ударом, на этот раз

колющим, я добил дема, лишив местных мастеров-протезистов новоиспеченного клиента. Атаковал второго, но неудачно — тот исхитрился парировать. На его мече осталась глубокая уродливая зарубка — чуть-чуть не хватило силы сломать лезвие. Осознав, что один на один воевать против меня дело неблагодарное, воин попятился назад, подставившись под выпад алебарды.

Вылазка врагов была отчаянным шагом — они оказались в окружении. Пусть здесь не так много наших, но на эту кучку хватило. В считаные секунды окружив противника, мы перебили почти всех. Лишь несколько успели нырнуть в люк, но там их уже встречала орава освободившихся рабов. Уж не знаю, как их усмиряли, но те, выломав скамьи, как были, скованные цепями друг с другом, набросились на хозяев. Невольники разошлись так, что нам пришлось пятиться назад, криками призывая их благоразумию. Те в кровавом угаре не признавали нас за союзников, глупо гибли под ударами мечей и топоров, не жалея себя, давили демов.

Глупо… Напрасные потери…

Пожалуй, впервые участвую в бою, где не принимаю если не главного, то хотя бы решительного участия.

Крики усилились, на носу зазвенело оружие. Демов наконец зажали с двух сторон. А затем над головой прогудел снаряд, ударив в толпу сцепившихся воинов. Вспыхнуло пламя, уши едва не заложило от многоголосого воя. Обернувшись, я увидел разворачивающуюся галеру. Врагу подошла подмога, но, правильно оценив силы, не рискнула ввязываться в бой. Зато нагадила перед уходом, обстреляв из баллисты. На этот раз не дротиками, а зажигательной дрянью.

Сомневаюсь, что артиллеристы целились по своим. Пульнули наудачу — ведь промахнуться по трем сцепившимся кораблям даже на волнах сложно. И не промахнулись. Только вот судьба-злодейка разбила горшок чуть ли не в центре строя южан.

Сопротивление демов и без того уже слабело, а теперь, когда два десятка воинов вспыхнули будто свечи на торте для именинника, и вовсе прекратилось. Пылающие фигурки с воем посыпались за борт, те, которые пострадали меньше, бросали оружие, кашляя и вытирая слезящиеся глаза, падали на колени, моля о пощаде. Их продолжали рубить, хотя кое-где начали вытаскивать из свалки. И лишь я да Саед криками пытались заставить остывающую от боевой горячки толпу заняться тушением пожара.

Если трофей сгорит, то все зря. Мы ведь не просто так в бой вступили, а ради новой площади палуб, продуктов, бочек с водой. Я даже до рукоприкладства дошел, щедро раздавая пинки самым

нерадивым. Кое-как собрали все ведра и бочонки, начав заливать пожар забортной водой. К тому моменту огненная жидкость сгорела, так что смыть ее не получилось. От нее занялось дерево палубного настила, причем занялось всерьез. Несмотря на все усилия, пламя прорвалось на гребную палубу, и борьбу за живучесть галеры пришлось вести среди трупов перерезанных гребцов — не меньше полусотни их пало при подавлении бунта и потом, когда часть сумела вырваться.

Людей обливали с ног до головы, затем они ныряли в извергающие дым люки, чтобы вскоре выскочить с пустыми ведрами и, надсадно кашляя, помчаться за новой порцией воды. Я, поняв, что пожар пошел вниз, уже попрощался с трофеем, но Саед не сдавался. Закрыв все люки, кроме одного, он приказал снаружи забивать отверстия для весел смоченной парусиной, не давая огню воздуха.

Это или другое помогло, но спустя пару часов мой флот пополнился очередным «Кошмаром». Выглядело новоприобретение скверно: обгоревшие левый борт и середина верхней палубы, закопченные люки и отверстия для весел, тяжелый запах гари.

Но все это мелочи. Главное, мы смогли перевести с переполненных кораблей четыре сотни воинов и бывших рабов. Больше постеснялись — уж очень дрянные условия на новом «Кошмаре». Ему бы капитальный ремонт, а не плавание… Но корпус цел, воды не пропускает — это главное.

Порадовал груз: пузатые бочки со свежей водой и немудреная походная провизия. Солонину, увы, пришлось выбросить за борт — такое мои люди есть не станут, а вот все остальное уплетут за милую душу. Готовы даже забыть, что это лежало рядом со свининой.

А еще взяли полтора десятка пленников, которых, увы, пришлось отдать на растерзание людям Саеда. У нас слишком мало припасов, чтобы еще и демов кормить. Зато в ходе допроса я узнал много интересного и даже обескураживающего.

Похоже, сильно ошибся в противнике…

В крошечной каюте собралось четверо: я, Саед, Арисат и Зеленый. Последние трое внимательно выслушали мои слова, после чего Арисат расхохотался, хлопая себя по коленям, Зеленый печально вздохнул, заподозрив, что наливать сегодня не будут, а Саед задумчиво произнес:

— Выходит, никакого флота, который нас преследует, нет и это были случайные корабли?

— Похоже, что так. Пленные как один клялись, что все корабли, которые удалось собрать, направили патрулировать

прибрежные воды, чтобы перехватывали проходящие суда. Ни одно из них не должно даже приблизиться к нам.

— Разве эти воды можно считать прибрежными?

— Это самый дальний дозор. Сторожит тех, кто сильно от суши удалился. Нас поначалу приняли за таких заблудившихся, вот и направились перехватывать.

— Зачем тогда мы вообще ушли?! — выкрикнул чуть успокоившийся Арисат.

— Нам уже и так добычу девать некуда. Уйти бы с тем, что взяли… — заметил Саед.

— А ты разве передумал героически помирать?! — изумился бакаец.

— Не надо путать героическую смерть с глупой. Мы шли сюда за мастерами, и мы их получили. Теперь надо не потерять добытое. Я правильно говорю?

— Полностью согласен, — кивнул я. — С этими трофеями нам будет чуть проще добраться до дома. Даже если не встретится по пути остров с водой, кое-как должны дотянуть. Так что нет смысла искать другую добычу. Просто уходим. Заметь, Арисат: уходим. Не убегаем. Взяли свое и уносим, оставив за спиной горстку трясущихся трусов. Нам даже не пытались помешать. Ну, если не считать тех свиней, что скорее случайность, вызванная паникой и благоприятными обстоятельствами, чем подготовленная засада. Так и передай людям, чтобы не ляпнули глупого, рассказывая об этом походе.

— Надо сюда не двумя кораблями, а сильной эскадрой вернуться, — мечтательно произнес Арисат.

— Для начала нам до дома добраться надо, а там видно будет, — многообещающе ответил я.

Эх Арисат-Арисат… Был здесь беспечный дем, да весь вышел… Нашего набега теперь долго не забудут, и сюда если и соваться теперь эскадрой, то только при наличии авианосцев.

Не те у нас силы… не те…

Погода, начав ухудшаться днем, к вечеру разразилась штормом. Не страшной бурей, ломающей мачты, но все равно неприятно. Ветер, ревущий среди канатов оснастки, раскачивающаяся палуба, волны, временами захлестывающие палубу, работающие помпы, эпидемия морской болезни.

Стыдно признать, но последняя и меня наконец подкосила. Так-то я к этому делу стоек, но тошнота, вызванная дымом, которого вволю наглотался при тушении пожара, и последствиями принятия вонючих лекарств, что давали для ускорения заживления колена, давала о себе знать. Я долго

противился ее позывам, пытаясь удержать ужин в желудке, но, поняв, что вот-вот проиграю битву, причем позорно и внезапно, предпочел сделать это на палубе, в стороне от зрителей.

Не стоит адмиралу выказывать слабость на глазах рядовых матросов.

Выйдя на палубу, едва не столкнулся с Нюхом. Тот, придерживаясь за штормовой леер, передвигался к люку. Даже слепому понятно, чем он занимался у борта: морская болезнь терзала бедолагу посильнее других. Завидев меня, тот нерадостным тоном, перекрикивая ветер, спросил странное:

— Ну и как вам мои заслуги?

— О чем ты?

— Я ведь помог на Железном Мысе с народом разобраться. Они там все глупы до единого, и вы бы до вечера не смогли им объяснить, что происходит. И еще я лично убил две свиньи в бою на берегу. И дротиком попал в лицо самому сильному дему. Ну или почти самому сильному.

— Помог, конечно, и воевал достойно. Молодец.

Мне похвалить нетрудно, а человеку приятно.

— Надеюсь, мои заслуги не будут забыты?

— Конечно, никто не забудет.

— И вы не забудете?

— Не забуду.

Попроси он сейчас корону императора — я бы поклялся, что и ее предоставлю. Да на что угодно согласен, лишь бы он побыстрее скатился в трюм. Морская болезнь, будь она проклята, нешуточно навалилась. Да захоти он наконец выполнить приказ Хорька — лучшего момента не найти. Я немногим опаснее ребенка, к тому же все оружие оставил в каюте.

А вдруг и впрямь убивать начнет? Что, если все его действия — лишь часть хитроумного плана? Отвел от себя подозрения, якобы сразу во всем признавшись, и потом выжидал удобного момента…

Да я почти рад буду, если сдохну. Ох и мутит меня…

Не сдох… Нюх, получив ответы, скрылся в люке. Выдержал экзамен на честного малого. Ну или относительно честного. По крайней мере, убивать меня он точно не намерен.

Когда наконец я сделал свое дело и, борясь со слабостью в ногах, выпрямился, цепляясь ослабевшими пальцами за планшир, с досадой обнаружил, что не один здесь. Проклятье! Да кроме рулевого никого не должно быть, народ весь убрали вниз из-за шторма — там места прибавилось после сегодняшнего боя. Обернувшись, при вспышке молнии различил невзрачную физиономию священника.

Счел уместным оправдаться:

— Дымом надышался при пожаре. До сих пор выворачивает. Да и от лекарств тошнит: колено ведь продолжаю лечить.

— Помолитесь господу, он непременно поможет.

— Лучше спать завалюсь. Утром как огурчик буду. И кстати, спасибо вам. Очень выручили. Благодаря вам мы захватили тот корабль.

— Я заботился лишь о душах, томящихся во тьме нечестивого рабства.

Как по шпаргалке говорит — очень уж неестественно. С епископом гораздо проще — тот как человек выражается, а не цитатник религиозный. Но придется терпеть: этот священник доказал сегодня, что достоин уважения. А что до странных речей, так кто из нас без недостатков?

— Знаете… Если вдруг надумаете остановиться в Межгорье, я замолвлю за вас слово. И не бойтесь иридиан — уверен, что от них проблем не будет. В крайнем случае всегда прикрою. Паства у вас будет немногочисленная, но это пока. Глядишь, развернемся, и вы станете церковным владыкой многолюдного и богатого края.

Пообещав священнику защиту и служебные перспективы, я вновь согнулся, извергая в морские волны даже не остатки ужина, а какую-то липкую слизь. Начисто опустошило, не хуже Нюха страдаю.

Человек — слабая тварь, и в некоторые моменты слабость его проявляется во всей красе. К примеру, при приступах тошноты. От судорожных конвульсий желудка слабеют ноги, темнеет в глазах, звенит в ушах. Начисто отключаешься от происходящего вокруг.

И в этот миг полной беспомощности чьи-то грубые руки обхватили мои ноги, с силой приподняли, толкнули. Уж не знаю, каким чудом ухитрился уцепиться за планшир, повиснув над морем. Прокатившаяся вдоль борта волна пенным гребнем смочила ноги, при вспышке молнии над собой увидел лицо священника и его же руку, в которой блеснуло что-то металлическое. Злорадный, полный торжества голос, заглушил шум ветра:

— Да кому нужно твое вшивое Межгорье, глупый еретик?! За сельского священника меня принял?! Да?! Так знай, что я служу в тайной канцелярии ордена карающих. Цавус будет очень доволен, когда узнает о твоей смерти.

Вот про Цавуса предатель зря упомянул. Эту сволочь я ненавидел больше, чем Гитлера, и одно упоминание поганого имени привело в ярость.

Что?! Хорек будет похохатывать, слушая, как глупо закончил

свои дни беспечный страж?! Да размечтался!

Отродье карающих взмахнул коротким ножом, вогнал его в мою правую ладонь, пробив ее до планшира. Занес оружие для нового удара, но я с воплем ярости и отчаяния вскинул свое тело, оторвал левую руку от опоры, метнул ее в горло ублюдка, испытав ни с чем не сравнимое наслаждение, почувствовав под пальцами податливый кадык. Ухватил будто клещами, дернул, уже срываясь в морскую бездну.

Увы — раненая ладонь не удержала тело, да и тощее горло мерзавца слишком хлипкая опора. Но если мне не показалось и впрямь я сумел его порвать в ярости и отчаянии, то меня эта тварь точно не переживет.

Погрузившись с головой, тут же рванул наверх. Надо торопиться, а то корабль уйдет. Вырвавшись на поверхность, завопил как свинья недорезанная, тщетно озираясь по сторонам. Из-за шторма весла убрали, и цепляться не за что. В отчаянии рванул к корпусу судна, но волной отбросило назад. А затем только корму успел разглядеть, да и та быстро растворилась во тьме.

Услышали меня рулевые? Даже если и так, то как найти человека в ночном штормящем море?

До меня отчетливо дошла вся серьезность ситуации. Только что я был адмиралом, распоряжавшимся целым флотом, а теперь не более чем щепка на волнах.

Корабли уходят на штормовых парусах, а я остаюсь сам по себе вдали от своих берегов.

И от чужих…

Надо мной будто шутки шутит кто-то могучий и невидимый. С чего я начал здесь, к тому и вернулся. Один хрен знает где, посреди моря, как в первый раз, при высадке. Тогда я кое-как выкарабкался, но у меня хотя бы бревно было.

Кстати о бревнах — сапоги будто свинцом налились. Чертыхаясь и захлебываясь, с трудом их стащил, отпустив в свободное плавание. Такая же судьба постигла и куртку.

Вот теперь точно как в первый день: штаны да рубаха — вот и все имущество.

Бревна очень не хватает… Но посмотрим правде в глаза: им я тоже не мгновенно обзавелся.

Это я пытаюсь в себе энтузиазм пробудить. Ничего, нам главное побарахтаться, пока заметят пропажу. Потом надо будет найти трезвого попугая, а уж он найдет меня.

Он всегда меня находит…

Кстати, если вспомнить, то в первые сутки моей одиссеи он тоже как-то очень ловко приблудился именно ко мне. Выживу —

расспрошу зеленого негодника, может, сообщит что-то интересное по этому поводу, если не станет, как обычно, играть в игру «Я наглый дурак и ничего не понимаю, лишь чужое умею повторять».

Как же холодно… И это называется юг… До смерти вряд ли замерзну — раньше утону. Пловец я неплохой, но попробуй продержись на волнах, где тебя швыряет как пробку от бутылки. Вода попадает в рот, лезет в нос и уши. Хорошо, что желудок чист, только приступов тошноты мне сейчас не хватает для полного счастья. Ветер ревет — непохоже, что шторм собирается успокаиваться.

Долго я так продержусь? Не знаю, никогда не пробовал… Вряд ли помощь успеет. Галера в такую погоду неуправляема, искать меня невозможно. Значит, побарахтаюсь до утра, а то и меньше. Уже сейчас руки свинцом наливаются, ноги слабеют. Слишком много сил расходую.

А еще эта тварь своим ножом оставила мне дыру в ладони. Вода не настолько холодная, чтобы быстро заставить сосуды съежиться, — я, наверное, до сих пор теряю кровь, и остановить ее невозможно.

Сил это не прибавляет…

А еще колено достает. Рана вроде зажила, но ее бы хоть денек еще не трогать. Сейчас разболелась от холодной воды и постоянного движения, и симптомы нехорошие подкрадываются. Как бы судорогой все не закончилось.

Глупо получилось… Преодолеть границу, которой до меня не преодолевал никто. Точнее, не преодолевал столь успешно. Непроницаемый барьер для смертных тел, ловушка для душ добровольцев. Протянул здесь год, кое-какие перспективы наметились, и чем в итоге закончу? Утону, как Муму…

У нее хоть камень на шее был. А у меня ни камня… ни бревна. Полный банкрот.

Очередная волна приподнимает, в этот миг сверкает молния, и чуть дальше и левее на воде замечаю нечто темное. Не знаю, что это, но рвусь туда, будто разогнавшийся лось. Я не в том положении, чтобы пренебрегать исследованиями. И пусть это отнимет лишние силы, но, храня их без дела, я просто оттягиваю неизбежный финал.

Очень трудно в темной комнате искать черную кошку. Молнии сверкают редко, а другого источника освещения нет. Положение предмета среди волн не может отличаться постоянством, да и не факт, что я плыву в верном направлении.

Опять вспыхивает молния. Неудачно — головой зарываюсь в волну, мало что успеваю увидеть. Но замечаю главное: ничего

постороннего впереди нет. В отчаянии начинаю молотить руками во все стороны, крутя головой, надеясь, что вновь осветится небосвод.

Есть! Правую руку сводит от боли — раненая ладонь ударяется обо что-то твердое!

Разворачиваюсь, хватаюсь, ощупываю. Блин! Счастье-то какое! Высшие силы, да вы опять издеваетесь! Мысли читаете?! В любом случае спасибо вам огромное, хоть и не перестаю вас проклинать за все эти шутки.

Бревно. Кривое сучковатое бревно. Не так давно попавшее в воду — даже кора частично сохранилась. Небольшое, но мой вес легко удерживает. Обхватив его двумя руками, замираю, чуть ли не блаженствуя. Из мышц уходит напряжение, волны уже не так сильно заливают, дышу почти свободно.

Сейчас отдышусь хоть немного и попробую привязать себя к бревну рубахой. И тогда все станет почти прекрасно. Теперь уж точно до утра не утону, да и о будущем можно подумать.

А жизнь-то налаживается…

notes

Примечания

1

В данном контексте речь идет об острове Тортуга (Карибское море). Недолгое время он являлся своего рода пиратским логовом, фактически не принадлежавшим ни одной стране, а на протяжении около ста лет был неофициальной пиратской столицей.

2

Французский король Людовик XIV — вошел в историю под прозвищем король-солнце.

3

Фобос и Деймос, спутники планеты Марс (бог войны римского пантеона, он же древнегреческого — по имени Арес), что переводится как «страх» и «ужас».

4

Форма протеста, при которой работники выполняют свои обязанности, с абсурдной тщательностью соблюдая все правила, не допуская ни малейших отклонений от них. При этом производственный процесс, в отличие от обычной забастовки, не останавливается, но резко падает производительность. Также к этой форме протеста относится выполнение своих обязанностей с подчеркнутой небрежностью.

5

Черный камень — по преданию, подарен Аллахом Адаму. Вмонтирован в угол святыни Каабы, являющейся важным объектом паломничества у мусульман.

6

Шпигаты — отверстия в фальшборте или палубе судна, предназначенные для избавления от воды, принятой с атмосферными осадками, при сильном волнении, тушении пожаров, в ходе уборки.

7

Генри Морган, английский пират, прославился походом на Панаму.

8

Герой ошибается: у свиней-рекордсменов вес бывает и больше.

9

Вымышленный мир из культовой серии компьютерных игр Half-Life. Населен разнообразными монстрами.